Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 11 15 ИЮНЯ № 11

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА“

Главлит № А—15896 Тираж 75.000.

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48

Ко всем членам партии, ко всем рабочим.

Товарищи!

Рабочий класс в союзе с широчайшими массами крестьянства среди огромных трудностей приступил уже к развитию нового строительства, размах которого далеко превосходит довоенные размеры. Воздвигая новые заводы и электростанции, закладывая новые шахты и рудники, вводя новую технику, рабочий класс индустриализирует всю страну. Он перестраивает промышленность. Но он ставит своей задачей и решительную переделку всего сельского хозяйства: он хочет помочь миллионам крестьянских дворов кооперировать покупку и продажу, сменить соху и серп на трактор и жатвенную машину, убогое хозяйство двора на образцовое хозяйство коллектива. Рабочий класс и его партия направляют все свои усилия к тому, чтобы из нищей и безграмотной страны сделать богатую и культурную социалистическую страну с первоклассной техникой, с организованным общественным хозяйством, с просвещенным, трезвым и работающим народом, который не знает нищих, угнетенных, беспризорных, но не знает и эксплоататоров, угнетателей, капиталистов и помещиков.

В этой лихорадочной работе над переделкой страны рабочий класс сталкивается сейчас и с возрастающим давлением международного капитализма, и с сопротивлением кулачества, выросшего на фоне общего под'ема производительных сил страны, несмотря на еще более быстрый рост социалистического сектора хозяйства, и с тихим саботажем и изменами со стороны некоторых слоев специалистов.

Но рабочий класс сталкивается сейчас не только с этими врагами. Он встречает на своем пути злейший бюрократизм своего государственного аппарата, его громоздкость, его косность и возмутительную волокиту, которые являются остатками старого чиновничьего наследства и продуктом отсталости и некультурности масс, недостаточным их «уменьем управлять», недостаточно быстрым втягиванием этих масс в дело действительного управления государством и государственным хозяйством. Он встречает на этом пути разложившиеся звенья аппарата, его проржавевшие и сгнившие части. В своих самых близких организациях—в профсоюзах, в партии—он тоже натыкается иногда на гниль, чиновническое перерождение, распущенность, пьянство и

злостное невнимание к нуждам массы, чванливое угодничество и подхалимство к «верхам», невежество, косность, консерватизм, рутину. Имея аппарат, страдающий—несмотря на все свои несомненные заслуги—такими болезнями, невозможно с достаточной быстротой вести успешную борьбу и против сопротивления внутреннего врага и против тихой сапы вредительства, и против недостатков самого нашего класса—растяпистого темпа работы на многих участках нашего хозяйственного и культурного фронта.

ЦК заявляет, что задачи реконструктивного периода не могут быть решены без самого смелого, самого решительного, самого последовательного вовлечения масс в дело социалистического строительства, проверки и контроля со стороны этих миллионных масс всего аппарата, его очищения от негодных элементов.

Партия смело и решительно раскрывала и раскрывает перед всей страной все болезни и язвы нашего хозяйственного и государственного организма. Партия призвала трудящихся к жестокой самокритике для того, чтобы эту самокритику сделать рычагом борьбы за действительное исправление всего аппарата, для действительной,—а не бумажной,—борьбы с бюрократизмом, для массового похода против всех врагов, начиная от кулака и «вредителя» и кончая элементами разложения в наших собственных рядах.

Лозунг самокритики «невзирая на лица», критики сверху донизу и снизу доверху, есть один из центральных лозунгов дня.

Партия уже сделала довольно много для организации этой самопроверки и самокритики, проводя соответствующую кампанию в печати и помогая таким образом этому делу сверху. Однако, важнейшая задача, это—поднять встречную мощную волну творческой самокритики снизу, которая действительно освежит и улучшит всю совокупность партийных, профсоюзных, советских и других организаций.

Поэтому только последовательно проведенная внутрипартийная и профсоюзная демократия—подлинная выборность партийных и профсоюзных органов, полная возможность смещения любого секретаря, любого бюро, комитета и т. д.—создаст постоянный контроль масс, сможет снять бюрократические наросты с нашего аппарата и уничтожить возможные проявления бюрократического зажима, компанейской «круговой поруки», чиновной угодливости, самодурства, забвения интересов масс и мещанской успокоенности. Вне этих мероприятий лозунг критики и самокритики превратится в бумажную отписку, которая лишь скомпрометирует в глазах масс и этот лозунг, и руководство партии, и самую партию. Вне этого пути нет гарантий, что у нас не будут повторяться случаи, подобные шахтинскому делу, смоленскому и артемовскому делам. Вне этого пути невозможно

очищение партийного, советского и кооперативного аппарата от элементов, срастающихся с кулацко-капиталистическими элементами в стране.

Таким образом, в области партийной работы необходимо провести следующие мероприятия и решить следующие задачи:

1. Обеспечить свободу внутрипартийной критики, что исключает такого рода методы, когда самостоятельная мысль и всякое критическое замечание заранее отбрасываются как «уклон», «бузотерство» и т. д.

2. Обеспечить полную выборность партийных инстанций.

3. Решительно уничтожить практику смягчения ответственности коммунистов по различным административным и судебным взысканиям, проводя в жизнь старое положение Ленина о более строгих наказаниях в отношении членов партии и считая партийным преступлением замазывание вины и провинности любого члена партии, какое бы высокое место он ни занимал, в системе партийных органов.

4. Усилить работу партии среди масс, обратив исключительно большое внимание на новые слои рабочих, на рабочую молодежь и на пролетарские и полупролетарские слои деревни. При этом партийные ячейки должны работать не только на фабрике и заводе, но и в рабочей казарме, в рабочих квартирах и общежитиях, в столовых и клубах.

5. Улучшить качественно работу, всемерно борясь против подмены пролетарской общественности административным командованием и мелочной опекой со стороны партийных организаций. Решительно изгнать из практики партийных и профсоюзных организаций нетоварищеские методы полемики, особенно в отношении рядовых рабочих.

6. Улучшая систематически социальный состав руководящих органов партии, требовать как максимальных связей партийного актива с массами, так и возрастающей квалификации этого актива в ряде областей, в первую очередь, в области хозяйственной работы (техника, промышленность, агрономия и т. д.).

7. Добиваться того, чтобы методы воздействия коммунистов на массы, в первую очередь, сводились к образцовой и показательной работе самих членов партии, при чем члены партии должны развернуть, при поддержке беспартийных рабочих, решительную борьбу против «бытового загнивания» коммунистов.

В области профсоюзного движения необходимы:

1. Жесточайшая борьба против нарушений профсоюзной демократии, выборность руководящих органов в первую очередь. Решительное отстранение от руководства бюрократических элементов, потерявших чутье масс и связь с ними, путем переизбрания соответствующих органов.

2. Такая политика профсоюзов, обеспеченная соответствующей политикой их комфракций, при которой профсоюзы ни в коем случае и ни на одну минуту не упускали бы из виду своих особых и специ-

фических задач, отличающихся от непосредственных задач хозорганов. Сюда относятся: защита не только общих, но и непосредственных нужд рабочих, борьба с бюрократическими извращениями аппарата, широкая культурно-воспитательная работа, втягивание рабочих масс в социалистическое строительство. Без этого профсоюзы не будут в состоянии выполнить своей основной роли, роли «школы коммунизма».

3. Оживление работы всех профсоюзных организаций, в первую очередь, их низовой сети, фабзавкомов, производственных совещаний и временных контрольных комиссий.

4. Распространение контрольных комиссий на все отрасли производства и транспорта.

5. Оживление работы производственных совещаний. Обеспечение на деле возможно более быстрого проведения в жизнь практических предложений рабочих. Привлечение к ответственности и примерное наказание всех виновных в саботаже этого дела. Превращение производственных совещаний в органы массового контроля, в органы втягивания рабочих масс в активное и сознательное социалистическое строительство, в могучее воспитательное средство, в рычаг действительной перестройки всех общественных отношений на фабрике и заводе, в шахте и руднике, в железнодорожном депо и в магазине. При этом необходимо обеспечить всемерное содействие производственным совещаниям со стороны органов РКИ и помощь Наркомату РКИ со стороны производственных совещаний как органов массового контроля.

6. Вовлечение в ряды профсоюзов наиболее отсталых слоев рабочих и исключительное внимание к делу материального и культурно-политического под'ема этих масс (сельскохозяйственные рабочие, неквалифицированные рабочие, женщины, молодежь).

7. Выдвижение новых кадров на профсоюзную работу, широкое привлечение беспартийных, обеспечение их активной роли.

8. Усиление воспитательной работы среди пролетарских кадров, повышение их производственно-технической культурности, уменья управлять, чувства ответственности перед своим классом.

В области *советского аппарата* необходимо с величайшей энергией поставить перед собой и разрешить следующие очередные задачи:

1. Борьба с бюрократизмом и дальнейшее смелое упрощение аппарата.

2. Выдвижение рабочих на государственную и государственно-хозяйственную работу, при чем это выдвижение должно быть проводимо в порядке неуклонной, систематической, идущей неослабно изо дня в день, работы.

3. Создание кадров действительно обученных, знающих и квалифицированных работников, создание новых специалистов, безусловно

преданных советской власти, создание новых красных специалистов из людей рабочего класса, создание интеллигенции рабочего класса, вовлечение уже имеющихся квалифицированных кадров пролетарской интеллигенции в советский, хозяйственный и кооперативный аппарат.

4. Улучшение структуры государственного аппарата и приведение ее в соответствие с потребностями выросшей социалистической экономики.

Размеры социалистического строительства и гигантская сложность работы требуют от рабочего класса и его партии величайших усилий, и постоянного самовоспитания и самообучения. Изгоняя из своих рядов все гнилое и действительно вырождающееся, систематически борясь с врагом и также систематически повышая требовательность к самим себе,—рабочие преодолеют все и всяческие трудности и добьются решающих побед.

ЦК выражает твердую уверенность в том, что в решении этих задач все верные солдаты нашей великой партии будут стоять в первых рядах пролетарской армии и своим личным примером, своей беспощадной, но творческой и деловой самокритикой, своей самоотверженной работой сумеют повести за собой миллионные пролетарские массы.

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Э. Гольденберг.

Демократия, социализм и ренегат Каутский.

(Статья первая).

«Материалистическое понимание истории» Каутского представляет собою самое значительное явление в литературе международного реформизма. Попытка теоретически обосновать политическую практику социал-демократии здесь не ограничивается кругом проблем текущего дня. Книга начинается разделом, посвященным теории познания; через исследование «человеческой природы», наследственности, человека как эгоистического, социального и сексуального существа, Каутский переходит к «человеческому обществу», к вопросам расы, техники и экономики и лишь после этого развертывает свою теорию государства, классовой борьбы и социализма. Полотно получается очень большое. Мобилизуется не только история человеческого общества, но и история человеческого организма. Все это, конечно, затем, чтобы венцом обеих историй изобразить современную социал-демократию.

Центральное место в книге занимает теория демократического врастания в социализм. Революционный социализм с точки зрения Каутского — бессмыслица, понятие внутренне противоречивое. Из революции вырастает только буржуазное общество, революции могут быть только буржуазными. В противоположность капитализму социализм по самому своему существу не может быть достигнут иначе, как на пути абсолютно девственной, ничем не запятнанной демократии. Конфликты между развитием производительных сил и наличными производственными отношениями, вырастающие из этих конфликтов социальные революции отнюдь не являются общим законом развития досоциалистического общества. Это не более как частный случай развития, имевший место один единственный раз: на грани между капитализмом и феодализмом. Этот случай больше не повторится.

Если бы Каутский попытался на эту концепцию наклеить марксистский ярлык, то это было бы попросту комично. Но надо ему отдать справедливость: он не скрывает и не замазывает того противоречия, в котором находится к Марксу. Наиболее концентрированное изложение своего понимания истории Маркс дал, как известно, в предисловии «К критике политической экономии». В высшей степени детальная критика этого предисловия представляет собою логическое увенчание всего труда Каутского.

В предисловии к «Критике политической экономии» Маркс писал:

«На определенной ступени своего развития производительные силы общества вступают в противоречие с наличными производственными отношениями, или, что является лишь юридическим выражением того же самого, с имущественными отношениями, в рамках которых они до тех пор развивались. Из форм развития производительных

сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции...

... Общественная формация никогда не сходит со сцены раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она еще достаточно широка, и новые, более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем материальные предпосылки их существования не созреют в лоне старого общества. Поэтому человечество ставит перед собою всегда лишь такие задачи, которые оно в состоянии разрешить, потому что при более детальном рассмотрении мы всегда найдем, что самая задача возникает лишь там, где материальные условия ее решения либо уже налицо, либо находятся в процессе своего становления. В больших чертах азиатский, античный, феодальный и современный буржуазный способы производства могут быть обозначены как прогрессивные эпохи экономического развития общества. Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного производственного процесса, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, но антагонизма, вырастающего из условий жизни индивидуумов в обществе. Но одновременно развивающиеся в лоне буржуазного общества производительные силы создают материальные предпосылки для решения этого противоречия. Этой общественной формацией поэтому кончается пред'история человеческого общества».

Положение Маркса, что конфликт производительных сил и производственных отношений, находящий свое разрешение в социальной революции, является основным двигателем общественного развития, Каутским отвергается. Он пишет:

«То, в чем Маркс в 1859 г. видел общий закон общественного развития, сегодня представляется, строго говоря, законом этого развития лишь с момента возникновения индустриального капитализма. Развитие производительных сил не только для производства предметов роскоши, но и для производства предметов массового потребления и вызванный этим переворот как в производственных отношениях, так и в потребностях, условиях жизни и борьбы работающих классов лишь через посредство индустриального капитализма достигает той ступени, на которой устарелые имущественные отношения становятся все более невыносимыми для производительных сил. Производительные силы вступают в противоречие с традиционными имущественными отношениями в первый раз в мировой истории на исходе средневековья». (Том II, стр. 620).

Противоречие между производительными силами и производственными отношениями выступает на грани феодализма и капитализма не только в первый, но и в последний раз. В капиталистическом обществе это противоречие более не существует. Оно на вечные времена снято уже буржуазной революцией.

«Индустриальный капитализм,—пишет Каутский,—ведет ко все более и более бурному развитию производительных сил. Мы видели, что не приходится ожидать, что капитализм сам породит противодействующие тенденции, которые положат конец этому развитию. Ожидание, что таким образом будут действовать кризисы, стало за последние десятилетия беспредметным... Капитализм преодолел уже так много кризисов, сумел приспособиться к такому числу новых, часто совершенно неожиданных и огромных требований, что чисто экономически он представляется мне сегодня

много жизнеспособнее, чем сто лет назад» (стр. 622—623).

Капиталистические производственные отношения не тормозят развитие производительных сил и, следовательно, рост последних не требует ликвидации первых. Этот тезис Каутского является в известном смысле центральным, и мы считаем поэтому необходимым передать здесь его аргументацию со всей возможной полнотой.

Известно положение Маркса о том, что «монополия на капитал становится оковами для того способа производства, который расцвел благодаря ей и вместе с ней». Каутский цитирует эту фразу со следующими замечаниями:

«Доказательства (этому положению) в первом томе «Капитала», однако, не дано. Точно так же не дано оно и во втором томе... Нигде не показано, что кризисы в конце-концов должны принять такой характер, что продолжение производственного процесса в капиталистической форме станет невозможным... Ожидание, что кризисы бы достигнут такого распространения и такой длительности, что они сделают невозможным продолжение капиталистического способа производства и неизбежным его замену социалистическим, не имеет теперь более никакой почвы» (стр. 546).

Каутский останавливается далее на «Накоплении капитала» Розы Люксембург. Р. Люксембург, как известно, пыталась доказать, что экономическая неизбежность краха капитализма дана невозможностью реализации прибавочной ценности в так называемом «чистом» капиталистическом обществе. Разбор этой теории Каутский заключает следующими словами:

«Ни от обезлюдения, ни от перенаселения, ни от растущей диспропорции между индустриальным и сельскохозяйственным накоплением, ни от вырастающих отсюда кризисов мы не можем ожидать краха капиталистического хозяйства, катастрофы, которая бы вынудила заменить его другой, более высокой системой... Аргументы Розы Люксембург оказались несостоятельными. Чисто экономически неизбежная осечка (Versagen) капитализма не может быть доказана» (стр. 558) [1].

Что касается современной капиталистической экономики, то здесь оптимизм Каутского совершенно не знает границ:

«Капитализм перенес огненное испытание войны, и чисто экономически он сейчас прочнее, чем когда бы то ни было... Конечно, экономическое положение в настоящее время, когда пишутся эти строки (ноябрь 1926 г.), менее всего можно назвать благоприятным и многообещающим. Но пессимизм наших дней, поскольку речь идет о чи-

[1]) В этой связи Каутский излагает свою собственную теорию кризисов. Основную причину последних он видит в том, что сельскохозяйственное производство, ведущееся мелкими товаропроизводителями, отстает, не может идти тем же темпом, что и крупнокапиталистическое индустриальное производство. Этот источник кризисных нарушений, однако, исчезнет тогда, когда капитализм овладеет сельским хозяйством в такой же мере, в какой уже сейчас владеет промышленностью. Кризисы по Каутскому, таким образом, являются не продуктом капитализма, а результатом того, что на ряду с капитализмом в сельском хозяйстве существует и простое товарное производство. В «чистом» капитализме, т.-е. в капитализме, освобожденном от всех остатков предшествующих общественных формаций, таким образом, для кризисов нет места. К сожалению, мы не можем здесь заняться разбором этой комичной теории. Отметим только, что претензия Каутского на оригинальность в данном случае совершенно не обоснована. Эту теорию развивал в свое время еще Сисмонди. В новое время, задолго до Каутского, этот же ход мыслей, только в других терминах повторил Зомбарт.

сто-экономическом анализе, касается не будущности капитализма, но будущности Европы» (стр. 559).

Центр тяжести капитализма может быть перенесен в Америку. По мнению Каутского это, однако,

«ни в коем случае не означает не только развала, но и потрясения капитализма на земном шаре. Он доказал свою способность жить и приспособляться к различнейшим, даже самым отчаянным положениям, и практика самым настойчивым образом свидетельствует о том, что нет никаких аргументов экономической теории, которые могли бы поставить под вопрос его жизнеспособность».

По существу, это — все, что Каутский считает необходимым и достаточным для того, чтобы доказать, что капитализм не знает конфликта производительных сил и производственных отношений, что экономическая обусловленность социалистической революции — миф. Ниже мы еще увидим, как социал-демократический патриарх разделывается с проблемами империализма, войн, колониального грабежа, неравномерного развития. Но в данной связи, в анализе тенденций капиталистической экономики, в анализе общей перспективы капиталистического развития этих проблем у Каутского попросту нет. Он их не ставит, они для него не существуют.

Продолжим ход его мыслей. «Доказав», что капитализм сейчас экономически прочнее, чем когда бы то ни было, Каутский сам ставит естественно напрашивающийся вопрос: «Доказано ли этим, что социализм не имеет будущего?» На этот вопрос он отвечает отрицательно. Каутский хочет остаться «социалистом». Он пишет:

«Возникновение нового способа производства всегда зависимо от существования определенных условий, экономических и иных. Отнюдь не всегда к этим условиям должно принадлежать разложение существующего способа производства. Но одним из этих условий всегда является известное превосходство в военной силе, в общественной культуре или по меньшей мере в числе тех элементов общества, которые заинтересованы в новом способе производства».

Что рабочий класс, несмотря на «бурное развитие капитализмом производительных сил», все же заинтересован в замене его социализмом, этого Каутский не отрицает. Больше того. Он считает, что даже при экономическом росте капитализма классовые противоречия между буржуазией и пролетариатом не сглаживаются, а обостряются. Каутский умнее и целит тактически дальше, чем его друзья в Америке и Англии, примитивные стачколомы типа Томаса и Грина, проповедующие гармонию интересов предпринимателей и рабочих. Каутский говорит, что общность интересов предпринимателей и рабочих лишь очень «незначительна». Он пишет:

«Прогресс пролетариата состоит не в том, что его бои с капиталом становятся меньше, а в том, что к боям рабочих за улучшение их положения присоединяются бои за сохранение уже завоеванных позиций. Именно такие бои, однако, являются большей частью наиболее ожесточенными: для защиты того, что уже имеют, обычно затрачивают больше энергии, чем для завоевания того, чего не имели» (стр. 568).

Положение рабочих, правда, абсолютно улучшается. Но жизненный уровень капиталистов повышается несравненно быстрее. Относительная прибавочная ценность растет. Каутский с помощью очень наглядного статистического материала показывает, что доля пролетариата в общественном продукте непрестанно снижается параллельно росту производительности труда. Пролетариат не может примириться с капитализмом. Чем дальше, тем в большей мере, тем большими массами он становится под знамена социализма.

Но в состоянии ли пролетариат осуществить свой социалистический идеал? И если в состоянии, то какими методами? Как представляет себе социал-демократический патриарх путь к социализму?

«В растущем обострении классовых противоречий в капиталистическом обществе,—пишет он,—сомневаться не приходится. Но не вырастает ли оно из таких отношений, которые делают перспективы для пролетариата достаточно безрадостными? Мы видели, что ожидать отмирания или развала капитализма, возникновения таких экономических границ, которые он не в состоянии преодолеть, не приходится. Мы видели дальше, что экономическая мощь класса капиталистов растет не только абсолютно, но и относительно, в сравнении с другими классами, между тем как пролетариат сравнительно с буржуазией становится постоянно экономически слабее, а не сильнее. Откуда он возьмет в таком случае силы, которые ему необходимы для победы над буржуазией?

При капиталистическом способе производства усиливается не только индустриальный капитал, но и индустриальный пролетариат... Как возможно, однако, что два противостоящих друг другу класса одновременно усиливаются не только абсолютно, но и относительно? Кажущееся противоречие разрешается благодаря тому, что рост силы обоих классов происходит в совершенно различных областях. *Капиталисты становятся постоянно сильнее в области экономики, пролетарии — в политике*» (стр. 578).

Политика есть концентрированная экономика. Это положение, одно из основных и элементарнейших в революционном марксизме, Каутским решительно отвергается. У него политика не только не является концентрированной экономикой, но выражает тенденции, диаметрально противоположные тем, которые господствуют в последней. В обществе, экономическая жизнь которого все больше и безраздельнее подчиняется буржуазии, политическая власть в растущей степени переходит в руки пролетариата. Буржуазия становится абсолютно и относительно богаче, но власти у нее остается абсолютно и относительно все меньше. Пролетариат относительно становится все беднее, доля его в общественном продукте неуклонно падает, но он все в большей степени овладевает политической властью.

Этот разрыв политики и экономики по Каутскому и является отличительной чертой капитализма. Во всяком другом обществе, *кроме* капиталистического, политическая власть служит орудием экономической эксплоатации в руках господствующего класса. В капиталистическом обществе класс эксплоататоров не нуждается в политической власти для сохранения своего господства. Ибо капиталистическая эксплоатация, по мнению Каутского, в отличие от всякой иной, покоится не на насилии, а на экономической необходимости и экономической целесообразности. Даже для Каутского все это звучит до такой степени... странно, что читатель может нас заподозрить в «сгущении красок». Мы приведем поэтому соответствующие цитаты.

«Виды эксплоатации, покоящиеся на принуждении через внешнее население, как рабство или крепостничество, несовместимы с современной демократией. Но к этим видам эксплоатации отнюдь не принадлежит индустриальный капитализм. Он возникает не из военного насилия и в военном насилии не нуждается для того, чтобы существовать. Правда, применение военной силы играет преобладающую роль между методами первоначального накопления, но не промышленные капиталисты применяли эти методы или побуждали к их применению. Они даже часто их порицали. Богатства, которые

были награблены на путях первоначального накопления разбойниками всех сортов, должны были быть у них отняты мирными методами товарообмена, чтобы попасть в руки промышленников и оплодотворить производство. Пизарро, Кортец и др. не основывали никаких фабрик.

Индустриальный капитализм добился господства не при помощи военного насилия, но благодаря тому, что он производил дешевле, чем способы производства, которые ему предшествовали, благодаря тому, что он был для общества выгоднее. Этим он отличается от способов производства, покоящихся на превосходстве военной силы, как рабство и крепостничество. Последние производят не лучше свободного труда, место которого они занимают, но чаще всего хуже. Так как они представляют собой способы производства экономически нерациональные, то они могут быть навязаны обществу лишь физическим насилием. Индустриальному капитализму это не нужно!» (стр. 432).

Буржуазия держится, следовательно, не насилием, а силой экономической целесообразности. Отношение политики и экономики в капиталистическом обществе принципиально иное, чем во всяком другом обществе. И поэтому демократическое государство, которое возникает в эпоху индустриального капитализма, есть нечто принципиально отличное от всякого иного государства.

Государство возникает, как орудие классового насилия эксплоататоров. Каутский не только признает это положение, но и очень хорошо его обосновывает. Критика энгельсовской гипотезы происхождения государства, которую он развивает во втором разделе второго тома, направлена не против этого положения, но скорее уточняет и заостряет его. Но уже в самом начале Каутский, цитируя известное предисловие Энгельса к «Гражданской войне», в котором он говорит, что «государство есть в действительности не что иное, как машина для угнетения одного класса другим», сопровождает эту цитату следующим замечанием:

«Понимание государства, которое здесь в согласии с Марксом формулировано Энгельсом, является также и моим. Оно лежит в основе всего последующего исследования. Но при этом необходимо отметить следующее. Это понимание не дедуцировано из «идеи» государства, но получено в результате наблюдения над государствами, выступавшими в истории до сих пор. Оно, следовательно, не является вечным, но зависит от того характера, которое государство принимает в своем развитии. Со времени последних высказываний Энгельса о государстве миновало более чем одно человеческое поколение, которое не оставило нетронутым характер современного государства. Сохраняет ли свое значение марксова характеристика государства, которая была вполне верна для своего времени, без ограничений и теперь, нам предстоит еще особо исследовать» (стр. 59).

Результат этого особого исследования можно формулировать следующим образом: государство возникает, как машина для подавления одного класса другим, остается этой машиной в эпохи азиатского, античного и феодального способов производства и постепенно перестает ею быть в капиталистическую эпоху, в современной «демократии».

Каутский, конечно, не идет настолько далеко, чтобы утверждать, что современная «демократия» снимает классовые противоречия капитализма. От его всевидящего взора не ускользает тот печальный факт, что классовые противоречия капитализма продолжают существовать и в современной демократии. Больше того. Выше мы уже видели, что он говорит даже об обострении этих противоречий. Но—и в этом «но» заключается совершаемый Каутским переворот в общественной науке—

«в демократическом государстве, при упроченной демократии, вооруженная борьба в решении классовых конфликтов не играет более никакой роли. Они решаются мирным путем, пропагандой и голосованием. Даже массовая стачка, как средство нажима со стороны рабочего класса, находит все меньшее применение. Конечно, она (массовая стачка) вполне согласуется с демократией, как одно из выражений предоставляемого ею права коалиций. Но она имеет шансы на успех только против правительства, не имеющего опоры в большинстве населения. Напротив, попытка меньшинства навязать большинству при помощи остановки производственного процесса мероприятие, которое последнее решительно отклоняет, в демократии никогда не может удаться, и провал подобной стачки может иметь своим результатом лишь то, что на долгое время боеспособность потерпевших поражение партии и класса чувствительно уменьшается» [1] (стр. 431).

Таким образом, хотя классовая борьба остается и в демократическом государстве, исход ее решается уже не силой, но пропагандой и голосованием. Чем больше голосов получают социалисты на парламентских выборах, тем больше политическая мощь рабочего класса. В этом и заключается ключ к тайне отрыва политики от экономики в капиталистическом обществе и беспорочного зачатия социализма без революции и диктатуры. Демократия, власть большинства! Все дело лишь в несознательности этого большинства. Достаточно его просветить—и окончательная парламентская победа социал-демократии осчастливит мир социализмом!

Разговоры некоторых чудаков о том, что современная демократия, есть лишь демократия формальная, буржуазная, производят на Каутского впечатление скверного анекдота. Он пишет:

«Смехотворность слов «формальная» и «буржуазная» в этой связи становится тотчас же очевидной, как только мы начинаем перечислять отдельные демократические права. Можно ли говорить о «формальном» или «буржуазном» всеобщем, тайном избирательном праве? Или о «формальной», о «буржуазной» свободе коалиций, союзов, собраний, прессы и т. д.?» (стр. 429).

При всем этом Каутский не отрицает, что в настоящее время государственный аппарат еще находится в руках буржуазии и служит ее целям. Но—и здесь имеется свое «но»—

«современное демократическое государство отличается от прежних типов государства тем, что это использование государственного аппарата эксплоататорскими классами не выражает его сущности, не неотделимо от него. Напротив, демократическое государство приспособлено к тому, чтоб быть не органом меньшинства, как все прежние государства, но органом большинства населения, т.-е. трудящихся классов. Если оно тем не менее является органом эксплоатирующего меньшинства, то в этом виновна не структура государства, но состояние трудящихся классов: отсутствие у них единства, их невежество, несамостоятельность или небоеспособность, которые в свою очередь являются результатом тех условий, в которых они живут.

Демократия сама предоставляет возможность уничтожить эти корни политической мощи эксплоататоров в демократии, что все в большей степени удается уже сейчас, по крайней мере для большинства наемных рабочих.

Чем больше это имеет место, тем больше демократическое государство перестает быть простым инструментом в руках эксплоатирующих классов. Государственный аппарат начинает теперь в известных условиях поворачиваться против них, т.-е. функционировать в обратном, нежели до сих пор, направлении. Он начинает превращаться из инструмента угнетения в инструмент освобождения трудящихся» (стр. 599).

На известной ступени развития рост политической мощи рабочего класса позволяет положить конец шедшему до сих пор параллельно росту экономической мощи буржуазии. Пролетариат, овладевший государством, приступает,—разумеется, в высшей степени постепенно, в высшей степени осторожно,—к обобществлению средств производства. Вряд ли нужно добавлять, что национализацию промышленности, транспорта и т. д. Каутский допускает только при условии соответствующей компенсации капиталистов.

«И социалистический режим, каким бы революционным он ни был, будет вынужден поступать с капиталистами иначе, чем буржуазные революции с собственностью докапиталистических эксплоататоров. Если предприятия будут обобществляться, то их владельцев придется вознаграждать, что впрочем не исключает, что нужные для этого суммы будут собраны обложением всего класса капиталистов в целом» (стр. 436).

Каутский, конечно, очень хорошо знает, что его понимание демократии, его теория демократического врастания в социализм ничего общего с взглядами Маркса не имеет. Он этого и не скрывает. Но он с величайшей откровенностью заявляет, что в этом вопросе Маркс для него авторитетом не является.

«Когда Маркс умер, Англия была еще очень далека от всеобщего избирательного права. Мы не можем, следовательно, извлечь ничего поучительного у Маркса относительно характера классовой борьбы в условиях вполне сформировавшейся демократии. Совершенно бессмысленно, когда некоторые люди (manche Leute) доказывают свою верность марксизму тем, что свои суждения о влиянии демократии они хотят черпать из «Коммунистического Манифеста», который не знал еще даже опыта революции 1848 года» (стр. 512).

Отвод Маркса очень решительный. Но целый ряд недоуменных вопросов теория демократии Каутского неизбежно должна вызвать не только у людей, которые подобно авторам «Коммунистического Манифеста» «не знали даже опыта революции 1848 года», но и у людей, знакомых с опытом революций 1917 и 1918 годов. И раньше всего: согласится ли буржуазия подчиниться «голосованиям» и «решениям», которые ликвидируют ее экономическую мощь, ликвидируют ее право на эксплоатацию пролетариата? Каутский, конечно, предвидит этот вопрос, но ответ на него не представляет для него никаких затруднений.

«Экономическая необходимость, а не военное превосходство — таково то оружие, которое может быть противопоставлено капиталистами демократическому режиму трудящихся классов: саботаж капиталистов, которые закрывают свои предприятия, когда видят себя угрожаемыми развитием демократии, как они это очень часто делали в России во время революции 1917 года. Но будет ли это оружие капи-

[1] «Аромат» последних фраз приведенной цитаты ударит в нос особенно сильно, если вспомнить, что они писались осенью 1926 года, т.-е. как раз тогда, когда твердолобая шайка творила суд и расправу над разбитым предательством своих «вождей» английским пролетариатом. «Так вам и надо»,—говорит Каутский,—«не пытайтесь насиловать стачкой демократию». Мы легко представляем себе, до какого градуса дошла бы ярость социал-демократического ренегата, если бы доведенные до отчаяния «демократией» Болдуина английские пролетарии перешли от стачки к восстанию. В чьем лагере оказался бы тогда г. Каутский, это мы уже видели в Германии в 1918, 1921 и 1923 годах. Какими методами он стал бы бороться с восставшим пролетариатом, об этом мы достаточно хорошо можем судить и сейчас по его борьбе с победоносным пролетариатом СССР.

талистов иметь успех, будет ли оно вообще пущено в ход, это будет зависеть в первую очередь от политической и экономической зрелости пришедших к власти рабочих, это будет зависеть от того, в состоянии ли будут рабочие удержать производственный процесс в ходу, продолжать производство в решающих отраслях силами собственных организаций» (стр. 474).

А так как для Каутского является само собою разумеющимся, что переход к обобществлению средств производства в «демократии» начнется лишь тогда, когда синклит социал-демократических жрецов решит, что рабочие «созрели» для этой задачи, то опасность экономического саботажа буржуазии теорию демократического врастания в социализм не колеблет. Но этим недоуменные вопросы не исчерпываются. Каутский поэтому продолжает:

«Обычно, однако, антидемократические социалисты имеют в виду нечто иное. Надо ожидать не экономического, но военного сопротивления капиталистов, как только им станет угрожать демократия. Последняя будет насильственно устранена, и таким образом гражданская война и опирающаяся на военную силу диктатура окажутся все равно неизбежными» (стр. 475).

Но и из этого затруднения Каутский выходит очень легко. Его ответ является настоящим перлом. Можно ли в самом деле представить себе аргументацию более грандиозную:

«Подобные вещи (т.-е. вооруженное сопротивление буржуазии) здесь и там могут, конечно, иметь место. Но борьба, которая здесь будет вестись, будет ведь не чем иным, как борьбою за демократию. Капиталисты могут против нее восстать, когда увидят, какое значение она имеет для освобождения пролетариата. Социалист, ожидающий от буржуазии подобного отчаянного выступления капиталистов против демократии, этим как раз и доказывает, часто сам этого не сознавая и не видя, как смешны разговоры о «формальной» демократии» (стр. 475).

Ни рублем, ни дубьем демократическое врастание в социализм, таким образом, заторможено быть не может. Каутский идет теперь дальше и утверждает, что никаким иным путем, кроме демократического, социализм вообще завоеван быть не может. Отношение Каутского к СССР общеизвестно. Чудовищные по своему идиотизму выпады против первого в мире рабочего государства разбросаны во всей его книге. К некоторым из них мы будем еще иметь случай вернуться ниже. Здесь же мы процитируем те его положения, в которых он излагает свою «философию» Октябрьской революции.

«Если пролетариат приходит к власти в каком-либо из государств Востока, то интеллигенты этого рода (воспитанные на теориях западно-европейского социализма) чувствуют себя обязанными использовать ее для немедленного введения социалистического производства, только первые предпосылки которого еще еле созданы на экономически более прогрессивном Западе. Им кажется при этом, что они выступают, как пионеры. Но при этом стремлении, которое превышает наличные силы, пролетариат должен потерпеть неудачу, только-что завоеванная демократическая свобода снова теряется и уступает место новому деспотизму диктатуры, находящейся под руководством интеллигентов, с которыми пролетариат себя чувствует связанным. Постольку диктатура имеет пролетарское происхождение. Но она так же мало означает господство пролетариата, как рожденное террористическим режимом владычество генералов Наполеона I означало господство парижских мелких буржуа. На деле бонапартизм покоился скорее на угнетении мелких буржуа» (стр. 531).

Но даже в этих «странах Востока» демократия с неотвратимостью естественного закона рано или поздно все же пробьет себе дорогу.

«Никакие современные государства не в состоянии отказаться от высокоразвитой промышленности, которая, помимо всего прочего, необходима уже для поддержания их сил. И Россия вынуждена развивать любою ценой свою промышленность. Удастся это— тогда возрастет и сила и самостоятельность ее пролетариата, а значит и демократии, без которой первый не может благоденствовать. Если оживление промышленности не удастся, то режим, который приводит к общему упадку государства, представляется главным источником социального зла. Страна идет тогда навстречу катастрофам, которые режим диктатуры вряд ли в состоянии пережить. И в этом случае на смену опять-таки приходит демократия».

Таким образом, подобно тому, как у бравого солдата Швейка все пути ведут в Будвейс, у социал-демократического патриарха Каутского все пути ведут к демократии. Швейк в несравненном романе Хашека попал вместо Будвейса в Табор. Куда попадает Каутский?

Мы попытаемся показать это в следующей главе. Предварительно, однако, еще несколько «недоуменных вопросов».

Каутский очень много говорит о капитализме. На конструированной им модели капитализма покоится вся его теория. Но капитализм, как известно, в своем развитии прошел несколько стадий. Каутский очень хорошо знает, что современный капитализм это—империалистический капитализм. Особенность империализма заключается раньше всего в том, что экономика и политика сращиваются в нем в невиданной доселе степени. Это очень хорошо показал в свое время еще приятель Каутского Гильфердинг. Как это, однако, увязать с «перспективой» Каутского, основной мотив которой заключается в том, что политика и экономика в капитализме все больше друг от друга отрываются, что политическая и экономическая мощь все меньше друг друга покрывают? И вообще: что, собственно, думает социал-демократический патриах об империализме, об империалистических войнах, империалистической борьбе?

Ничего не думает. Во втором томе книги из 845 страниц всем этим проблемам уделяется неполных 6 страниц. И каких страниц! Мы приведем несколько образчиков.

«Если для обозначения какого-либо явления находят иностранное слово, да к тому же еще латинское, то начинают думать, что этим дано уже и научное об'яснение этому явлению. Кое-кому кажется, что он изрекает глубокую научную истину, когда он возвещает, что завоевательная политика вытекает из империализма. И так как слово империализм стало известно лишь в последние десятилетия, то создается видимость, будто тенденция, которую это слово обозначает тоже не старше» (стр. 145).

Ниже Каутский, правда, признает, что финансовый капитал очень воинственен, что в этой своей форме капитал «развивает тот же дух насилия над эксплоатируемыми и конкурентами, которым отличались все прежние эксплоататорские классы». Это обстоятельство, однако, очень мало беспокоит Каутского. Он пишет:

«Если мы вопреки этому все же можем ожидать все большего и большего ограничения этого стремления к завоеваниям, то мы рассчитываем при этом на растущую силу индустриального пролетариата в решающих капиталистических странах, равно как и на растущую силу национальных революций и освободительных движений в самих коло-

ниях. Точно так же возможно, что финансовый капитал, наученный мировой войной, найдет, что этот метод расширения поля эксплоатации слишком рискован. При этом стремления к увеличению прибыли подвергают слишком большому риску весь капитал, и поэтому выгоднее перейти к ультра-империализму, к интернациональному картелированию финансовых капиталистов всех стран» (стр. 146).

В другом месте Каутский пытается обосновать свою пацифистскую перспективу ссылкой на то, что современное национальное (!) государство «абсолютно не нуждается в военной силе, чтобы удерживать части, из которых оно состоит». Эта тирада у него сопровождается следующими несравненными замечаниями:

«Мы отвлекаемся здесь от колониальной завоевательной политики, которая дает материал для конфликтов между некоторыми современными государствами. Здесь, где мы рассматриваем лишь общие тенденции, нам незачем заниматься ею дальше. Она ведется против государств без капиталистической промышленности, без современной демократии и без национального самосознания (в современном смысле слова). Но мир уже поделен почти весь, и в колониальных областях благодаря способности к быстрому распространению европейского и раньше всего американского капитала быстро развивается капиталистическая промышленность. Благодаря ей там возникает еще в большей степени, чем туземная буржуазия, боеспособный и стремящийся к борьбе пролетариат с сильными демократическими и национальными тенденциями... Чем больше мы приближаемся к состоянию общей демократии со сколько-нибудь значительной промышленностью, тем более излишними будут становиться армии для защиты страны, тем больше охрана границ будет гарантирована демократией как внутри, так и во-вне... В современном демократическом государстве ни эксплоатация трудящихся классов внутри, ни отношение к соседям во-вне не покоится на военной силе господствующего класса» (стр. 446).

Грация, с которой Каутский здесь ставит вещи на голову, поистине замечательна. Войн не будет потому, что мир уже почти весь поделен. А почему империалисты не могут попытаться переделить заново однажды уже поделенный мир? Этот вопрос социал-демократический патриарх считает совершенно праздным. Он считает, что империалистам войны попросту ни к чему.

«Международный вес, который ныне снова приобрела германская республика, показывает, что значение какой-либо нации определяется в гораздо большей степени ее экономическими и культурными достижениями, нежели величиной ее армии. В самом деле, ныне, в эпоху широко развитой демократии, государство, окруженное демократиями и не преследующее никаких агрессивных тенденций, не нуждается почти для своей защиты в армии, если институт Лиги Наций организован сколько-нибудь рационально. Если бы Россия добилась демократического режима и вступила в Лигу Наций, то одно из крупнейших препятствий ко всеобщему разоружению было бы устранено» (стр. 448).

Лига Наций—организатор мира, а Советский Союз—одно из крупнейших к нему препятствий. Это звучит в особенности комично теперь, после недавних Женевских конференций по разоружению. Вообще же говоря, Каутский, повидимому, сам не видит, что он выдает свидетельство о бедности всей своей теории демократического врастания в социализм, когда в качестве инструмента, призванного во внешней политике играть ту же роль, что демократия во внутренней, он выдвигает Лигу Наций. Относительно последней он пишет следующее:

«Потребность в международном регулировании хозяйственной жизни осталась и усилилась вместе с оживлением производства и постепенным исчезновением военного психоза. Эта потребность нашла новое орудие для своего удовлетворения: Лигу Наций... Лига Наций в конце-концов будет завоевана элементами, которые из инструмента насильнической политики отдельных государств превратят ее в действенное орудие против насильнической политики великих держав и используют ее в целях международного соглашения и об'единения... Утвердившейся и усилившейся Лиге Наций предстоит разрешить еще одну задачу. Некоторые виды сырья имеются только в определенных местах, но они составляют жизненную необходимость для всего мира. Государства, на территории которых эти виды сырья имеются, получают благодаря этому преимущество перед другими, которые в них нуждаются. Требование областей подобного рода (источники нефти, напр.) может стать причиной постоянных конфликтов между великими державами, и монополия их эксплоатации определенными государствами может стать так же невыносимой, как монополия на решающие средства производства внутри государства. Передача Лиге Наций этих естественных монополий может стать не менее необходимой, чем обобществление этих средств производства внутри государства».

Таким образом, демократия ликвидирует необходимость насилия в классовой борьбе внутри отдельных государств и без революции, без диктатуры, без чрезмерных потрясений ведет к социализму, к обобществлению средств производства «в одной стране». В то же время Лига Наций ликвидирует необходимость войн и вооруженной борьбы во-вне и тоже без революций, без насилий и потрясений осуществляет в международном масштабе обобществление международно-необходимого сырья. «Прыгать» из царства необходимости в царство свободы незачем. Доберемся туда и старческим шагом социал-демократического патриарха.

* * *

Мы изложили со всей мыслимой об'ективностью и со всей возможной в рамках журнальной статьи полнотой теорию демократического врастания в социализм Каутского. Раньше, чем перейти к ее критическому разбору, необходимо сделать одно замечание относительно ее места в общей идеологии реформизма.

Реформизм, по самому существу своему, не может иметь и целостной идеологии. Идеологический разнобой и неразбериха в социал-демократическом лагере были особенно велики в первые годы после войны. На фоне этого разнобоя и неразберихи одно время стала сильно выпирать так называемая «теория хозяйственной демократии», которая свое логическое увенчание и практическое осуществление получила—несколько неожиданно—в фашистском государстве Муссолини. Не подлежит никакому сомнению, что идеология «хозяйственной демократии», сращивания «рабочих» организаций с отдельными хозяйственными организациями и предприятиями буржуазии, и сейчас еще очень сильна у реформистов в отдельных странах (Англия), в частности в кругах профсоюзной бюрократии. Мы думаем, однако, что не «хозяйственная демократия» представляет собою б о л ь ш у ю д о р о г у реформистской идеологии. В Германии она во всяком случае является проселком. Большая дорога—это теория, развернутая Каутским. Отношение же Каутского к «хозяйственной демократии»—и это необходимо видеть—более чем скептическое. Он пишет:

«Силы индустриального капитала и размеры индустриальных связей настолько выросли, что с помощью никакой другой, меньшей и более слабой организации, кроме государства, являющегося самой

большой силой в современном обществе, ими овладеть нельзя. Овладение государственным аппаратом все в большей степени рассматривается социалистами, как важнейшее орудие необходимой реорганизации производственного процесса, его превращения из суммы частных процессов в общий, сознательно руководимый общественный процесс» (стр. 525).

Идеология **парламентаризма**, **политической демократии**, овладение государством через парламентаризм и демократию—вот что господствует сейчас в агитации социал-демократии. На болтовне о «хозяйственной демократии» она сейчас—в Германии по крайней мере,—больше держаться не может. То, чем она ведет за собой сейчас социал-демократических рабочих, это—демократические и парламентские иллюзии. **Эта** идеология социал-демократии получила в книге Каутского свое наиболее развернутое обоснование. Мы вернемся еще к этому вопросу в следующей статье.

А. Айхенвальд.

О некоторых устоях и некоторых противоречиях современного мирового хозяйства [1]).

1. О международных экономических связях.

Всякому, кто попытался бы в настоящее время на основе разбора кон'юнктуры в отдельных странах определить кон'юнктуру мирового хозяйства, прежде всего пришлось бы установить резкую неоднородность и пестроту картины. Все мировое хозяйство в целом, вернее в сумме, в итоге, погашающем плюсы и минусы, двигается вперед. Уровень продукции угля в %% к 1925 г. [2]) в 1927 г. составил около 108%; продукция чугуна дала соответственно, 107,3%, стали—108,2%. Производство керосина выросло в одном только 1927 г. до 113,7% по отношению к 1926 г. Ряд новых отраслей шагает более быстро, например, производство искусственного шелка поднялось за последний год до уровня 118% от предыдущего года. Но эти суммарные величины скрывают в себе противоречивые процессы: не только различные страны переживают сейчас различные **фазы** кон'юнктурного цикла — это было бы еще «полбеды» — но самый **тип** кон'юнктурного движения, самый ритм экономического развития в различных странах особенен, отличен один от другого.

С одной стороны, «безкон'юнктурное», застойное, в продолжение чуть ли не **восьми лет** депрессирующее хозяйство **Англии** (см. табл.), с незначительными колебаниями двигающейся вокруг медленно, неуверенно, иногда

Годы.	Ввоз сырья в млн. ф. стерл (месячн средние).	Общий индекс (среднее по четвертям года) индустр. продукции (1913=100).	%% безработн. к застрахованным.
1920	49,0	100,2	—
1921	18,4	67,5	17,0
1922	20,3	80,9	14,3
1923	21,5	88,7	11,7
1924	27,0	90,9	10,3
1925	27,9	87,2	11,3
1926	26,5	67,0	12,5
1927	23,4	96,3	9,7

---

[1]) Настоящая статья входит в издаваемую в ГИЗ работу автора, тов Борилина и тов. Мендельсона.

[2]) Для важнейших видов индустриального сырья и полуфабрикатов —для угля, чугуна, стали—1926 г. не характерен из-за английской стачки Поэтому мы и берем прямо отношение 1927 года к 1925. Вычислено по «Vierteljahreshefte Z. Konjunkturforschung» 1927, Heft 4, стр. 85.

прямо чуть заметно поднимающейся оси (только стачка горняков обрывает эту линию на известное время вниз) [1].

С другой стороны, лихорадочные, укороченные, судорожные, очень медленно сколько-нибудь нормировавшиеся колебания немецкой кон'юнктуры: в период с конца 1923 до октября—ноября 1926 г. средняя кон'юнктурная фаза длилась 7 месяцев. При этом в течение 1924, 1925 и 1926 гг. разница между высшей, под'емной, и низшей, депрессивиой, точкой тяжелой промышленной продукции равнялась (последовательно) + 95, — 15, + 30% [2]).

Что же касается длительности и устойчивости высокой кон'юнктуры, наступившей в конце 1926 г., то берлинский кон'юнктурный институт еще в августе прошлого года (т.-е. через 10 месяцев после начала высокой кон'юнктуры) констатировал, чт германское хозяйство «вступило в фазу высокого напряжения» (Hochspannung). В последней своей тетради, из которой взяты поставленные в кавычки слова, он утверждает, что «теперь — в конце февраля 1928 г. — можно установить, что этот максимум (максимум хозяйственной активности. *А. А.*) перейден» и что «можно наблюдать кон'юнктурное движение вспять». Новейшие данные о немецкой кон'юнктуре подтверждают этот диагноз кон'юнктурного института. Однако, как бы то ни было, вне всякого сомнения стоит другое положение института: несмотря на возросшую прочность хозяйственного организма и связанную с этим возможность несколько более длительных и «спокойных» кон'юнктурных фаз, «про стабилизацию кон'юнктуры говорить нельзя; положение еще совершенно не устойчиво».

Далее, Франция, раз'евшаяся на плодах Версальского договора, с индустрией, поднявшейся в результате войны, но едва ли имеющей действительные шансы на успешную конкуренцию с соседними странами, до сих пор полностью еще не покончившая с болезненной, ненормальиой инфляционно-дефляционной кон'юнктурой, с далеко ие ясной перспективой у промышленности. Наконец, Сев. Америка, не только обладающая нормальной кон'юнктурой довоенного типа, но даже имеющая смелость претендовать вообще на «стабилизацию» своего хозяйства, на «стабилизацию кон'юнктуры», т.-е. на превращение ее колебаний в сплошное благосостояние. С небольшим перерывом в 1924 г. (неглубокая депрессия) Соединенные Штаты в течение семи лет двигались вперед, сумели за семь лет (1919—1926) увеличить свой национальный доход с 67,2 до 90,0 млрд. долл. и даже сейчас,—несмотря на то, что с точки зрения довоенных «традиций» раз в семь лет кризис должен был бы иметь место,—показывают известную способность преодолевать депрессионные явления. Последние данные об американской кон'юнктуре говорят как раз о такой борьбе различных тенденций: с одной стороны, огромный рост безработицы — около 4 млн. полных безработных, повышение учетного процента до 4½%, продолжающиеся затруднения в угольной промышленности и др., с другой же стороны—рост производства стали в последние месяцы, уменьшение (в марте) числа банкротств, устойчивость цен, превышение заявок на городское строительство прошлогодних размеров и т. д.

Как видно, назвав четыре крупнейших страны, мы назвали тем самым не только несколько различных—частично даже противоположных—состояний хозяйства этих стран, но и четыре типа кон'юнктурного движения за ряд последних лет. Было бы поэтому совершенно неверно при оценке мировой

[1]) Первые два столбца таблицы—оттуда же (стр. 93 и 94); при этом индекс индустрии является индексом London and Economic Service. Третий столбец—из «Vorwärts'a» № 39, статья Lohne in England.

[2]) Т.-е. если данный низший или высший пункт принять за сто %%, то следующий высший или низший пункт будет равен 195%, 85%, 130%. Вычислено по индексу производства важнейших индустриальных материалов (Grundstoffe) по «Vierteljahreshefte Z. Konjunkturforschung» 1 за 1926 г., стр. 23 и 3 за 1927 г., стр. 114.

кон'юнктуры базироваться на одних только общих итогах борьбы противоречий, на балансе плюсов и минусов, скрывающем своеобразие теперешнего развития мировой экономики. Задача состоит именно в том, чтобы отыскать особенности этого развития, отыскать характерные черты в типе кон'юнктурного движения, в структуре современных отношений внутри мирового хозяйства. Ибо корни пестроты кон'юнктурной «карты» мира, корни до сих пор сохранившейся дезорганизации кон'юнктуры должны лежать в тех новых устоях, на которых строится современное мировое хозяйство и в тех новых (или старых) противоречиях, которые в этом строении заложены.

Естественней всего было бы видеть основу противоречивости движения кон'юнктуры и упорности депрессивных явлений в разрыве частей мирового хозяйства, в недостаточности развития межхозяйственных связей и в препятствиях, стоящих на пути этого развития. Ослабление связей между национальными хозяйствами или создание препятствий и преград для развития этих связей должно было бы, разумеется, ослабить совместность кон'юнктурного движения частей мирового хозяйства и поставить некоторые из них в затруднительное положение. Посмотрим, имеет ли в действительности место такое ослабление или дезорганизация и затруднение интернациональных связей. Другими словами, восстановилась ли прежняя хозяйственная «солидарность» капиталистического мира, сделал ли этот мир шаг вперед, к развитию этой «солидарности», или, наоборот, назад к дезинтернационализации и автаркии?

Посмотрим хотя бы самым беглым образом, как обстоит дело с тремя важнейшими видами хозяйственной связи между странами—с миграцией населения, с международной торговлей и с экспортом (или, соответственно, импортом) капиталов.

Движение людей, движение переселенцев из страны в страну, в последние годы стоит на уровне, не только не соответствующем повышенному об'ему мировой продукции, но и сильно отстающем даже от довоенного состояния миграции. Основной поток переселенцев — эмиграция из Европы в заокеанские страны — до войны, в 1901—10 гг. составлял в среднем 1 млн. в год. После войны высшей точкой был 1920 год, давший, однако, всего 845.000 переселенцев. За 1920—25 гг. переселение сокращается, составив в 1925 г. всего 500.000 [1]). Последние годы вновь дают некоторый под'ем этой цифры до 600—700 тыс. в год.

Общая картина, таким образом, сводится к тому, что послевоенный всеобщий кризис 1921—22 гг. оборвал восстановление международного переселенчества и что до сих пор, несмотря на рост мировой промышленной продукции, несмотря на под'ем хозяйства ряда стран, кривая движения переселенцев в общем стремится скорее вниз, чем вверх. Во всяком случае ни о каких успехах по сравнению с довоенным временем, ни о каком развитии мирового хозяйства в этой области говорить нельзя.

Несколько сложнее обстоит дело с внешней торговлей. В этом отношении можно привести любопытное сопоставление для 1925 года [2]). Население земного шара равнялось в этом году 105% довоенного (1913 г.), производство всякого рода сырья—116—118%, внешнеторговый оборот 105% (по другим данным—Берлинского Кон'юнктурного Института—эта цифра еще меньше—около 98% от 1913 г.). При этом, конечно, этот итог распадается на совершенно различные показатели Европы и Америки: население Европы составляло 101%, производство сырья 104—105%, внеш-

[1]) По материалам мировой экономической конференции. См. статью Pribram'a в «Weltwirtschaftliches Archiv», 26 В. Н. II.

[2]) Там же.

няя торговля—90% (по данным Берлинского Кон'юн. Ин-та—85,4%); население обеих Америк равнялось 120%, сырьевая продукция—125% (Сев. Америка) и 133% (Южн. Америка), *внешняя торговля* (*Сев. Америка*)—140%.

Если взять общемировой итог внешней торговли, то он, как видно (даже по более оптимистическим данным), совпадает с ростом населения земного шара и довольно значительно отстает от уровня продукции сырья. Однако, прежде всего надо учесть, что благодаря новым границам, новым государствам, часть внутренней торговли превратилась во внешнюю. Участие вновь образовавшихся стран с новыми таможенными границами составляло в 1925 г. 4,5% мирового оборота. Этот факт, таким образом, почти-что сводит на-нет прибавку в мировой внешней торговле и показывает, что ее об'ем отстал не только от роста продукции, но и от роста населения земного шара. Но и тут все дело, конечно, в Европе: новые государства почти все—европейские государства, и поэтому факт их наличия говорит только об обострении недостаточности уровня европейской внешней торговли.

Изменилась ли картина за последние два года? Подтянулись ли в Европе (а значит и во всем мире) внешнеторговые связи до уровня производственных показателей? 1926 год дал прирост мировой внешней торговли всего на 2%, при чем европейская внешняя торговля почти не участвовала в этом приросте (она дала прирост в 0,2%). В 1927 г. (первые 10 месяцев) мировой внешнеторговый оборот возрос по сравнению с предыдущим годом примерно на 10%, европейский—на целых 14%. (Данные Берлинского Кон'юнктурного Института).

За два года прирост мирового внешнеторгового оборота составил, таким образом, около 12%, а европейского—14%. На основе этого примерная оценка соотношения теперешнего уровня внешней торговли для Европы будет колебаться от 97% (если исходить из данных Берлин. Кон. Ин-та) до 102,6% (если основываться на приведенной выше более оптимистической оценке для 1925 г. и прибавить к ней прирост за 2 года), а для всего мира (соответственно же) от 109 до 117%.

Конечно, рост европейской внешней торговли за один 1927 г. на 14% нельзя не признать серьезным шагом вперед, серьезной попыткой восстановить и подтянуть международный рынок. Однако, действительно успешным этот шаг можно было бы признать только тогда, если бы рост внешней торговли обгонял под'ем других показателей. Только в этом случае этот рост обозначал бы хотя бы начало восстановления прежней степени торговой переплетенности отдельных стран, интернационализацию мирового хозяйства, повышение относительного значения внешнеторгового оборота. Но именно это-то и является сомнительным: дело в том, что ряд производственных показателей вырос за два последние года в одинаковой степени или даже сильнее, чем внешняя торговля. В начале статьи мы привели уже несколько данных о росте мировой индустриальной продукции. Если добавить к ним то, что *за один только* 1926 г. *мировое* потребление хлопка выросло на 7%, что за 1926 и 1927 гг. вместе *мировое* производство свинца выросло на 15%, цинка на 18%, искусственного шелка—на 51% и т. д.—то вероятным представится, что общий об'ем продукции важнейших отраслей мировой индустрии вырос за два года не менее чем на 10—12%, т.-е. примерно одинаково с ростом мировой торговли. Еще в большей степени то же можно сказать про Европу: за 1926 и 1927 гг. продукция почти всех важнейших индустриальных отраслей в Европе выросла не менее, а в ряде случаев и гораздо более, чем внешняя торговля: так, продукция чугуна выросла на 27%, стали—на 25%, угля—на 11%, искусственного шелка (в шести главных производящих странах) — на 56% и т. д.

Отсюда не трудно сделать вывод: несмотря на то, что европейский капитализм в 1927 г. сделал крупный шаг в деле развития внешней торговли, в деле восстановления мирового рынка, несмотря на это низкий уровень мировой торговли по сравнению с другими хозяйственными показателями отнюдь еще не ликвидировался и едва ли даже уменьшился. Первый «подход» капиталистического хозяйства к разрешению этой проблемы «нормализации» мирового рынка до сих пор результатов не дал. Противоречие между состоянием мирового рынка и состоянием национальных хозяйств за последние два года скорее обострилось, чем смягчилось.

Мы не можем входить здесь в анализ конкретных причин «ненормального» состояния мирового рынка тем более, что ряд из них довольно хорошо известен. Рост промышленных производительных сил в ряде заокеанских стран, переход их к промышленному самообслуживанию, стремление европейских стран к автаркии и к индустриализации, широкая практика запрещений ввоза и взвинчивания тарифов,—вот то, что привело—с точки зрения европейского капитализма — к «дезорганизации» мирового рынка. И в самом деле, разве один тот факт, что уровень таможенных пошлин блестяще перешагивает «довоенные нормы», достигая по промышленным товарам в Бельгии, напр., 135%, в Венгрии—150%, в Италии—122%, Германии—125%, по Индии—400%, по Австралии—169% довоенного уровня тарифов [1],—разве этот факт не говорит о *фиксации* явлений, нарушающих развитие мирового рынка?

Следует ли, однако, из всего этого тот общий вывод, что в послевоенном мировом хозяйстве заложена тенденция к распаду, к автаркизации или что по крайней мере интернациональные связи в сравнении с довоенным временем по всей линии ослабли и поредели? Конечно, такой вывод был бы поспешен. Прежде всего мы не останавливались еще на характерной для империализма форме хозяйственных связей, на движении капитала. Даже с отвлеченно-теоретической точки зрения именно тут нужно ожидать некоторых своеобразных, новых явлений.

Прежде всего, каков об'ем современных финансово-капитальных связей? Точный статистический ответ на этот вопрос дать очень трудно. Но все-таки есть данные, достаточно определенно говорящие за то, что в послевоенном мировом хозяйстве капитальные связи расширились до уровня, довольно далеко оставляющего за собой соответственные довоенные величины. В сборнике «Das Werden in der Weltwirtschaft», вышедшем еще в 1926 г., М. Палий, много занимавшийся статистикой экспорта капиталов, указывая на сокращение внешнеторговых оборотов, противопоставляет им широко развившиеся капитальные отношения: «Интересно,—пишет он,—...что движение капиталов теперь (Палий основывается все время на данных 1924—25 гг.) количественно больше, чем до войны, *больше не только по сравнению с об'емами других мирохозяйственных отношений*, но, вероятно, также и *абсолютно*» (разр. наша). «В сумме *видимое* движение капиталов теперь уже значительно больше, чем перед войной, если только отвлечься от обесценения денег. Если принять это последнее во внимание, то об'ем тоже не отстает от довоенной высоты» (стр. 103 и 104). Это Палий пишет на основе данных 1924 и 1925 гг. Он оценивает довоенный экспорт капитала в $1\frac{1}{2}$—$1\frac{3}{4}$ млрд. долларов за год (Англия—850—900 млн. долл., Франция—около 375 млн. долл. и т. д.), а современный экспорт одних только САСШ и Англии—в 1900—2000 млн. долл. При этом он добавляет, что крупные суммы «невидимого» экспорта капитала (скажем,

[1]) См. Tariff level indices, стр. 15 (метод B—1). Все данные приблизительные; они представляют собой уровень тарифов 1925 г. в процентах по отношению к уровню 1913 г. Данные по Германии особо неточны, с 1925 г. тарифы повысились. По Венгрии сравнение произведено с довоенными тарифами Австро-Венгрии.

прямое переселение капиталиста с деньгами или предприятием в другую страну, покупка им на туземной бирже ценных бумаг и т. п.) «должен теперь быть значительно больше, чем перед 1914 г.». Их значение он иллюстрирует тем фактом, что для 1925 г. официальная американская статистика оценивает капиталоэкспорт в 1,2 млн. долл., в то время как на основе другой оценки, включающей подобные прямые вложения, эта сумма увеличивается почти вдвое—до 2,1 млрд. долларов.

Интересна также более поздняя оценка, охватывающая также 1926 и 1927 гг. и приведенная в одной из статей англо-американского экономического корреспондента «Берлинер Тагеблатт», Гюнтера Штейна [1].

По этой оценке С. Штаты к концу 1927 г. инвестировали за границу в общем 14,5 млрд. долларов. При этом «задолженность заграницы С. Штатам, включая военные долги, равна 25,6 млрд. долл., в то время как требования Великобритании к загранице во время их наивысшего уровня оценивались только в 18—20 млрд. долл.».

А ведь Англия и посейчас отнюдь не «выпала» из экспорта капиталов! Наоборот, она всемерно стремится этот экспорт расширить: если в 1925 году ее иностранная и колониальная эмиссия равнялась 77 млн. фунтов, то в 1926 г. она выросла до 102 млн., а в 1927 г. уже до 153 млн. [2]).

Правда, до войны Англия инвестировала за границей значительно больше — около 190—200 млн. ф. ст. (в 1913), т.-е. до 280 млн. фунтов в их теперешней покупательной силе. Но колоссальный экспорт капиталов из Соед. Штатов с лихвой перекрывает не только это сокращение, но и приостановку французского экспорта капитала: за последние четыре года С. Штаты экспортировали не менее 5 миллиардов долларов: 1924 и 1925 гг. приблизительно 1 млрд., 1926 и 1927 гг.—по 1½ млрд. [3]) (в то время как до войны они были страной, ввозящей капитал, значительную часть которого они, однако, реэкспортировали в Латинскую Америку).

В общем за последние четыре года мировой экспорт капитала по самым осторожным подсчетам составил около 6—7 миллиардов долларов—5 млрд. падает на Америку, от 1 до 2 млрд. на Англию [4]), около ½ млрд.—на мелкие страны-рантье (Голландия, Швейцария). При этом цифры экспорта из года в год быстро растут, так что на последний, 1927 год, приходится не менее 2,3 млрд. долл.

Но это еще не исчерпывает всего теперешнего об'ема финансово-капитальных связей в мировом хозяйстве. В приведенных выше расчетах полностью отсутствуют, во-первых, европейские межсоюзнические долги, во-вторых,—немецкие репарационные обязательства и платежи, в-третьих, долги союзников САСШ (они учтены только в цитате из Штейна). Все эти суммы, как известно, колоссальны, но... проблематичны (величина некоторых из них действительно «покрыта мраком неизвестности»: достаточно сказать, что германские и французские определения общей суммы репараций расходятся на «какие-нибудь» сто млрд. марок!). Но и тут есть совершенно реальная сторона дела— консолидированные долги и действительно выплачиваемые репарационные суммы. Конечно, основа и значение этих платежей далеко не тождественна с кредитными отношениями, вытекающими из экспорта капиталов, но ведь это ни на одну иоту не уменьшает реальности этих платежей ни для хозяйства платящей или получающей страны, ни для мирового хозяйства! Так, платежи по консолидированным союзническим долгам

[1]) «Б. Т.» № 176. Оценка принадлежит М. Виклеру.
[2]) «Vierteljahreshefte Z. Konjunkturforschung» 1927, H. 3 и 4.
[3]) См. «Berliner Tageblatt» № 70 или «Frankfurter Zeitung» № 55.
[4]) По Англии данные сильно расходятся: если вычислять по активности английского платежного баланса, получается цифра в 1 с лишком млрд. долларов; если взять сумму иностранных эмиссий, получается немного более 2 млрд.

Америки равны примерно 250 млн. долл. в год; репарационные платежи в 1927 году дали 390 млн. долл. [1]), а с 1928—29 г. должны ежегодно равняться 625 млн. долларов.

На основе всех этих данных можно сказать, что общий об'ем современных финансово-капитальных связей действительно не только стоит относительно выше уровня общеторговых и миграционных отношений, но, вероятно, не отстает также и от роста производственных показателей. Возможно, что он даже обгоняет их. А это значит, что во всей структуре связей внутри мирового хозяйства произошли известные немаловажные перегруппировки и передвижки. Теперешние связи построены на несколько других основах, некоторые формы связи ослабели и потеряли в своем относительном значении, другие развились, выросли, усложнились и увеличили свою роль в интернациональных отношениях. Новый об'ем и новое значение получили финансово-капитальные связи, в то время как миграция людей и общий об'ем внешнеторгового оборота отстают не только от общего современного уровня производственных показателей, но частично и от своего собственного довоенного уровня.

II. Современное строение и новая роль международного движения капиталов.

Перегруппировки и сдвиги в области международных хозяйственных связей, рост значения одних из них, относительное ослабление значения других, прибавление к обычным «мирноэкономическим» отношениям ряда военнохозяйственных обязательств сопровождались изменением самого строения всех этих связей и их функций в управлении и развитии мирового хозяйства. И в первую голову расширившиеся и усложнившиеся финансово-капитальные связи изменили свою структуру и стали играть новую роль в области поддержания отношений внутри мирового хозяйства.

Как строился и какие хозяйственные функции имел экспорт капитала до войны? Если взять основное и главное, то дело сводилось в большинстве случаев к следующему. Высокоиндустриальные страны—Англия в первую очередь—вывозили капитал или в страны, стоявшие на начальных ступенях капиталистического развития, или в так называемые молодые капиталистические страны. Страны-должники, как правило, были странами, поставлявшими на мировой рынок главным образом сырье и продукты питания. Поэтому если экспорт капитала заключался в экспорте индустриальных товаров и прокладывал дорогу для дальнейшего расширения этого последнего, то платежи процентов и погашений проходили в форме ввоза в высокоиндустриальные страны сырья и продуктов питания. Страны-кредиторы не только принимали этот необходимый для них ввоз, но частично даже экспорт капитала служил средством закрепления притока определенного рода сырья из страны-должника в страну-кредитор. На этом пути и создавалась возможность сбалансирования взаимных обязательств и развития вывоза из обеих групп стран, в частности аграрно-сырьевого вывоза стран-должников.

Совсем не так просто обстоит дело сейчас. Главным мировым кредитором является сейчас С. Штаты. Их главным должником—Европа, в первую голову—Германия: за четыре последние года около половины американской эмиссии иностранных бумаг падает на Европу, в том числе ⅕—на Германию. Другими словами, своебразие положения в том, что должниками оказались высокоиндустриальные страны, вывозящие на рынок готовые промышленные изделия, кредитором—Америка, страна, во-первых, с еще более передовой индустрией, чем Европа, и, во-вторых, вывозящая примерно наполовину сырье и продовольствие (при чем в Европу—свою главную должницу—она вывозит

[1]) «Франкфуртер Цейтунг» № 232.

78% своего сырьевого и продовольственного экспорта). Этим самым старое соотношение оказалось поставленным на голову и возможность сбалансирования взаимных обязательств затрудненной: Америка не нуждается в европейских промышленных товарах, ввоз которых мог бы итти на уплату процентов и погашений по долгам; более того, Америка препятствует этому ввозу, опасаясь европейской конкуренции. Однако, Европа нуждается и в американских кредитах, и в американском импорте сырья и средств питания: Америка тоже не может отказаться от европейского рынка—наоборот, она хочет его расширить. Получается нарушение всякого платежного равновесия из-за как бы двойной пассивности европейского баланса: во-первых, Европа должна закупать в Америке сырье и продовольствие, во-вторых, Европа должна платить ей же по долгам. Для этого Европа может делать только одно — усиливать свой экспорт готовых фабрикатов или в самоё Америку, или в какую-то третью страну; но этому-то как раз и препятствует та же Америка! Словом, Европа покупает американские товары—в еще большем количестве, чем до войны—ввозит из Америки капитал, она должна Америке огромные суммы по военным долгам, и она не может платить ей ни товарами, ни «услугами» (хотя бы «услугами» своего торгового флота, ибо Америка во время и после войны выстроила свой собственный). Не трудно понять, что корень этого противоречивого положения лежит в том, что до сих пор не определена взаимная роль новых и старых индустриальных стран, не найдены их места в производственной системе мира. Пока же «выход» находится в том, что это противоречивое положение балансируется... новыми американскими кредитами!.

Этим самым экспорт капитала приобретает новое значение и новые функции. Нарушенное старое, несозданное новое пропорциональное разделение труда, неразрешенность ряда противоречивых проблем, затрудненность восстановления и развития мирового рынка,—все это не дает возможности «нормального» балансирования интернациональных хозяйственных отношений. Тут и приходит на помощь экспорт капитала: он делает возможным существование современной системы международных платежных отношений и движения внешней торговли вперед. В самом деле, если бы Америка не предоставила Европе крупных кредитов, положение мирового рынка было бы очень проблематичным. Прежде всего, покупательная сила европейских государств была бы сильно ослаблена. Как известно, вывоз двух важнейших европейских стран—Германии и Англии—значительно отстает от довоенного уровня (в 1927 году по Англии процентов на 10—15, по Германии 25—30%). Помимо этого, почти все важные европейские страны—в разной степени—имеют обязательства по платежам военных долгов или репараций. Практически это означает дальнейшее снижение тех ресурсов, из которых данная страна могла бы закупать нужные ей товары на мировом рынке. Американские кредиты, увеличивая покупательную силу и импортные возможности европейских стран, этим самым способствуют росту внешнеторгового оборота. Конечно, прежде всего это идет на пользу американскому экспорту: само предоставление—вернее использование—кредитов происходит в значительной степени в товарной форме и поэтому является важнейшим средством расширения американского экспорта в Европу. Не подлежит сомнению, что без предоставления кредитов Америка не могла бы иметь в своей торговле с Европой почти миллиарда долларов перевеса экспорта над импортом в год. Чем бы Европа оплачивала этот перевес? Между тем без этого перевеса Америка лишилась бы активного баланса, ибо он опирается исключительно на торговлю с Европой, в первую голову на торговлю с Англией, Германией и Францией. Вдобавок всякое сокращение вывоза в Европу ударило бы прежде всего американское сельское хозяйство: если

верить известному английскому экономисту Пэйшу [1]), 60% американской продукции хлопка и 25% пшеницы идет на вывоз главным образом в Европу.

Но дело имеет еще и другую сторону: кредитование Европы непосредственно является для Америки протекционистским мероприятием. Это может показаться странным, ибо европейская промышленность выигрывает от американских кредитов, рационализируется, усиленно растет и повышает свою конкурентоспособность. Палий писал даже по этому поводу следующее: «Какую пользу дает багатым капиталом странам то, что они оказывают своим индустриям таможенную защиту, когда они с другой стороны выращивают чужие индустрии путем предоставления капиталов?» [2]). Но если взять непосредственное действие открытия кредитов Европе, дело поворачивается другой стороной: благодаря этим кредитам Америка создает возможность платежей за свои товары и по своим прежним займам без усиленного вывоза европейских товаров в Америку, т.-е. без угрозы для монопольного положения американской индустрии на американском же рынке. Таким образом, необходимость интернациональных, межконтинентных хозяйственных связей, всячески ущемляемая и гонимая через двери таможенных тарифов, лезет в окно кредитов: не желая пускать к себе европейских товаров, препятствуя высокими таможенными тарифами их ввозу, Америка экспортом капиталов сплетается с европейским хозяйством, укрепляет свою экономическую связь с ним. А ведь каждому ясно, что эта связь не может вечно выражаться в одностороннем потоке товаров из Америки в Европу. Чтобы выйти из противоречивого положения,—если оно не будет разрешено путем какой-либо катастрофы — Америке придется принимать в лоно своего рынка проценты и погашения по кредитам, т.-е. те же роковые европейские товары! В лучшем случае ей придется терпеть огромный рост европейского вывоза в колониальные и полуколониальные страны.

Если перейти к внутриевропейским соотношениям, то и тут очень явственно обнаружится компенсирующая, замазывающая, притушающая роль международных капитальных связей, в первую голову все тех же американских кредитов. Упомянутый нами англичанин Пэйш, исчислив для 1925 г. пассивность торговых и кредитных отношений Англии с С. Ш. почти в 1 миллиард долларов (превышение ввоза из С.-А.С.Ш. над вывозом туда в 800 млн. долл. и платежи %% и погашений по долгам—в 170 млн. долл.; судя по другим данным, Пэйш несколько преувеличивает), пишет следующее: «Пока Америка щедрой рукой предоставляет в распоряжение всего мира капитал и этим самым дает нациям бо́льшую покупательную силу, чем они имели бы без этого, Англия может покупать у Америки и продавать другим странам. Но если американские капиталисты должны будут по какой-либо причине отказаться от этой политики предоставления капиталов чужим нациям, то тогда положение Англии сложилось бы очень тяжело» [3]).

Другими словами, по мнению Пэйша, даже теперешний неутешительный уровень внешней торговли Англии был бы невозможен без финансирования Америкой континентальных стран, т.-е. без косвенной поддержки английского внешнеторгового оборота кредитами!

Но наибольший интерес в этом отношении представляет собой положение Германии и поддержание ее теперешнего «версальского» места в системе мирового хозяйства. Как известно, сущность того клубка интернацио-

---

[1]) Paish, «Der Weg Zur Wirtschaflichen Gesundung der Welt» (немецкое издание), стр. 16.

[2]) «Das Werden in der Weltwirtschaft», S. 123.

[3]) «Der Weg» и т. д., стр. 26.

нальных противоречий, который связан с Даузсовским планом и современным положением Германии, сводится к следующему. Германия должна ежегодно выплачивать огромные суммы—начиная с сентября 1928 г. не менее чем по 2,5 миллиарда марок в год—в счет репараций. Сюда добавляются сотни миллионов марок платежей по займам. Помимо этого Германии нужен большой импорт сельскохозяйственных продуктов. Между тем все возможные источники платежей по этим статьям или совсем сведены на-нет или сильно сжаты: доходы с капиталов, вложенных до войны за границей, отпали, получения от фрахтов за обслуживание немецкими судами, наконец, даже экспорт немецких товаров, несмотря на его быстрый рост в последнее время, все еще отстают даже от довоенных размеров. Такое положение, взятое само по себе, должно было бы привести к двум последствиям: во-первых, Германия, как покупатель, была бы ослаблена: те товары, которые она могла бы продавать и за выручку, от которых она могла бы покупать, шли бы в качестве неоплачиваемых репарационных поставок в соседние страны. Выручка от экспорта должа была бы оставаться за границей и итти на очередные взносы. Другими словами, Германия, как рынок для Франции, Англии и других стран, сильно потеряла бы в своей широте и покупательной способности. Безвозмездные (прямо или косвенно) поставки немецких товаров нарушили бы платежное равновесие во внешней торговле. А из-за этого страдала бы не только вынужденная бесплатно отдавать свои товары Германия, но и в известной степени лишенные немецкого рынка победители. Во-вторых, Германия **вынуждена** была бы переполнять все сколько-нибудь доступные ей внешние рынки своими товарами, продавать их по дешевым ценам и этим обострять международную конкуренцию. Никакого другого пути выполнения ее обязательств и поддержания собственного существования у ней не было бы. Победители, сами ни в чем более остро не нуждающиеся, чем во внешних рынках, имели бы наводнение этих рынков немецкими дешевыми товарами.

Однако, почему же все эти подводные камни, на которые указывалось еще в медовые месяцы плана Дауэса, до сих пор не привели ни к каким взрывам противоречий? На какой основе удалось на ряд лет как-то сбалансировать все эти трудности международных хозяйственных отношений в Европе?

Взглянем на платежный баланс Германии. На нем, очевидно, должны были отразиться те способы, при помощи которых оставались сыты антантовские волки и сохранялись целыми—и даже умеренно жирели—немецкие овцы.

В 1927 г. немецкий торговый баланс закончился с пассивом в 2,85 млрд. марок. Выплачено было репарационных платежей, с одной стороны, и процентов, и погашений по займам и кредитам, с другой, в общей сложности 2,0 млрд. марок. Вместе с некоторыми мелкими статьями получается солидная сумма пассива 4,93 млрд. марок. Единственная крупная статья платежного баланса, сведенная с активом—«услуги» (главным образом, пароходство), уменьшает эту сумму на 344 млн., т.-е. до 4,59 млрд. марок. Как же практически мыслимо было такое строение платежного баланса, такая его сверхординарная пассивность? Откуда Германия взяла средства на покрытие этого пассива, на осуществление всех необходимых платежей? Точного и исчерпывающего ответа на этот вопрос дать нельзя, ибо не поддаются учету важнейшие статьи этого покрытия, напр., краткосрочные кредиты, покупки иностранцами немецких ценных бумаг на немецких же биржах и т. п. Следующие источники можно, однако, измерить точно: во-первых, в 1927 г. Германия получила 1,29 млрд. марок долгосрочных кредитов; во-вторых, уменьшение золотых и валютных запасов Германии (т.-е. отлив иностранной валюты за границу) дало 452 млн. марок; в-третьих,

79 млн. было покрыто поддающимися учету товарными кредитами. Даже после отсчета этих сумм, непокрытый пассив превышает $2\frac{1}{2}$ млрд. марок. Очевидно, эта сумма была уравновешена приростом краткосрочной задолженности, уходом немецких бумаг в руки иностранцев и т. д. [1]).

Но как бы то ни было, совершенно ясно одно: Германия получила в 1927 г. (как и в предыдущие годы) больше, чем она заплатила. Долгосрочные и краткосрочные кредиты—вероятно, главным образом, со стороны Америки—**финансировали** как платеж репараций, процентов и т. д., так частично и германский товарный импорт. Именно благодаря этому были обойдены подводные камни сужения германской платежеспособности и разбухания германского экспорта. А это значит, что именно поэтому удалось удержать современную систему отношений между европейскими странами. Но это значит еще и то, что нельзя считать найденным выход из узла труднейших проблем, связанных с положением Германии. Теперешнее кажущееся разрешение «германской проблемы» отнюдь не является доказательством действительного успеха Версальского договора или Дауэсовского плана. Поскольку речь идет об интернациональной стороне дела, т.-е. о балансировании международных обязательств и связанных с ним вопросах мирового рынка, смягчить, отложить, ослабить противоречия удалось главным образом благодаря займам. Нащупано только временное облегчение, но не путь к коренному разрешению затруднений.

Конечно, такой временный, откладывающий, замазывающий характер разрешения вопроса видят и буржуазные экономисты и руководящие хозяйственники. Однако, степень опасности положения оценивается ими по-разному, и пути выхода они ищут в разных направлениях. В германской печати, где эта проблема обсуждалась особенно внимательно, можно наметить две концепции, высказываемые более или менее осторожно. С одной стороны, президент Рейхсбанка Шахт, выражая настроения некоторых правых кругов, очень резко подчеркивает, что все «превосходное равновесие» возможно только при помощи иностранных кредитов, что перевод валюты по репарационным счетам за границу является не настоящим, поддельным, ибо он основан на притоке кредитов, что этот «ненастоящий трансферт» выставляет платежную способность Германии гораздо более значительной, чем она есть на самом деле, что такую политику нельзя продолжать бесконечно, что положение безнадежно фальшиво и т. д. Он не хочет, конечно, совершенно прекратить прилив иностранных капиталов в Германию. Как переходную меру он его допускает. Однако, он проводил политику сокращения займов, в особенности займов местных самоуправлений на коммунальные и т. п. цели. Корень зла лежит, по Шахту, в том, что недостаточен экспорт готовых изделий, и Шахт готов на все, что угодно, лишь бы этот экспорт расширить. Бережливостью, выправлением всяких потребительских вложений капиталов, правильной финансовой политикой хочет Шахт повысить конкурентоспособность Германии. Конечно, под этой программой бережливости нужно понимать снижение себестоимости путем того или иного ущемления зарплаты, свертывание социальных отчислений, ослабление налогового обложения капитала и т. д. Но, повидимому, Шахт готов итти не только на эти шаблонные меры нажима на пролетариат. Возможно, что некоторые политики шахтовского толка готовы итти даже на более смелую линию: путем рестрикции иностранных кредитов пойти навстречу **кризису**, который сделал бы торговый баланс активным (ибо ухудшившаяся кон'юнктура сжала бы ввоз и заставила бы расширить вывоз), несколько усмирил бы рабочий класс, облегчил бы задачу понижения издержек производства, сбил бы цены до уровня, гарантирующего покупку немецких товаров

[1]) Все данные—по «Frankfurter Zeitung» № 232.

за границей и активизацию торгового баланса, сделал бы возможным прилив в Германию иностранной валюты, а значит, и платеж репараций путем «настоящего» трансферта! При чем вероятно, что эти платежи пришлось бы сократить, равняя их по реальным платежным возможностям Германии. Таким образом, если взять шахтовскую теорию в законченной и резкой форме, то она будет равносильна линии на довольно решительную и немедленную перестройку сложившейся интернациональной системы отношений, не говоря уже о том, что она бы потребовала внутри Германии серьезных социально-политических пертурбаций, вероятно, в фашистском стиле.

Другая, гораздо более оптимистическая постеленовская и благодушная концепция—у лево-демократических буржуазных и мелкобуржуазных кругов. Так, Гильфердинг, всячески нападая на Шахта, рассчитывает, примерно, на следующий выход из затруднений. Он считает, что прилив иностранных капиталов является важнейшим способом перевода германского хозяйства на высшую техническую ступень, повышения народнохозяйственного дохода и производительности труда, реорганизации и форсирования внешней торговли (хотя бы при помощи дальнейшего вывоза импортируемого капитала). Рост национальной продукции и дохода *при помощи* иностранных кредитов—вот что давало и будет давать возможность платить репарационные и все другие платежи. Отказ от иностранных капиталов равносилен курсу на замедленный рост хозяйства, т.-е. на снижение конкурентноспособности и экспортных возможностей Германии, а значит, и на затруднение выполнения необходимых платежей. Тяжесть платежей при активном платежном балансе была бы несравненно тяжелей, чем сейчас. Выход будет найден в том, что повышенная новая ступень производительности труда и доходности рано или поздно сделает возможным разрешение проблемы экспорта, облегчит относительную тяжесть платежей и этим начнет разматывать весь клубок кредитов, займов, обязательств и т. п. А поэтому пока-что—шире дорогу иностранному капиталу!

Если вдуматься в основные предпосылки и основные следствия обеих этих точек зрения, то легко будет убедиться в том, что их установка может быть применена и ко всей сумме вопросов балансирования интернациональных отношений. Поэтому мы пока не будем разбирать их, а вернемся к ним немного позже.

Суть в проблеме как в германском, так и в интернациональном масштабе сводится к тому, что кредиты и экспорт капитала являются одним из средств ослабления, притупления, даже замазывания тех противоречий, которые заложены в послевоенном мировом хозяйстве, и средством сохранения и поддержания тех швов, которыми кое-как сшиты различные его части в некоторое «согласованное единство». Эти кредиты не допускают воплощения в действительность страшного для Англии и для других европейских стран призрака колоссального немецкого экспорта фабричных товаров; они же увеличивают покупательную силу ряда стран, ослабляя всем этим остроту борьбы за внешние рынки; они же облегчают движение отдельных стран, вперед, несмотря на то, что старые места в системе интернационального разделения утеряны и новые не найдены. Словом, заполняя собой разрывы, провалы, дыры в международных экономических связях, они служат как бы для того, чтобы сгладить шероховатости, непропорциональности, неслаженности отдельных хозяйственных тел и, несмотря на эти их свойства, сделать возможным развитие и укрепление хозяйственных связей между ними, а значит и движение производительных сил вперед. И, конечно, именно Америка с ее до сих пор невиданной «капиталистической силой» является тем «столпом», на котором держится этот способ балансирования и поддержания международных связей. За 10 лет—с 1914 г. по 1924 г.—

С. Штаты превратили *свой долг Европе* в 4 млрд. долл. в долг *Европы себе* в 15 млрд. долл., и вдобавок увеличили свои вложения в остальном мире на 7,5 млрд. долл. [1]). А ведь 1925, 26 и 27 гг. дали, как мы выше видели, дальнейший огромный рост экспорта капиталов. Такой быстрый рост вложений капитала, такой под'ем финансово-капитальной силы Америки не мог не оказаться моментом, поддерживающим интернациональное «равновесие».

Но этот важный «устой» современного положения является другой своей стороной одним из его важнейших противоречий. Ибо, если взять всю эту систему с точки зрения *перспективы* дальнейшего развития, то прежде всего бросится в глаза ее способность откладывать и отодвигать больные вопросы, но не разрешать их. Более того, если взять только одну механику, свойственную самой этой системе балансирования международных отношений, то получается некоторое «расширенное воспроизводство» затруднений и противоречий. В самом деле, чем больше берется кредитов для поддержания американско-европейской или внутриевропейской торговли или для создания возможности бескризисного выполнения платежей по предыдущим займам, тем труднее становится наладить нормальным путем погашение этих займов, ибо обязательства растут, суммы, которые должны выплатить должники, увеличиваются, а значит растет и их потребность во внешних рынках. В конце-концов самые платежи,—а вместе с ними и постановка всей суммы «проклятых вопросов»,—не могут бесконечно откладываться новыми кредитами. Этот кредитный «винт» должен в определенный момент сорваться: когда обратные платежи процентов и погашений вырастут до суммы вновь открываемых кредитов, а затем и перекроют ее, *покупки в кредит* должны будут уступить место *продажам в погашение* долгов. А это значит, что покупательная сила стран-должников резко ослабится. Европа потеряет свою прежнюю способность принимать американские товары, наоборот, она вынуждена будет развернуть огромный экспорт в Америку или в «третью сферу». Рисуя подобную перспективу и уговаривая Америку допустить оплату ее вывоза европейскими товарами, а не новыми кредитами, Пэйш, пугает Америку «обнищанием» хлопководов и хлеборобов». «А на европейской и английской стороне,—мрачно заключает Пэйш это свое предостережение, — развитие кончится катастрофой» [2]).

Из всего этого следует, что такое кредитное уравновешивание и балансирование международных связей по самой сути дела не может не иметь на себе отпечаток какой-то «искусственности» и неустойчивости. Конечно, оно может держаться довольно длительное число лет,—отчасти потому, что «не счесть алмазов» далекой Америки, отчасти же потому, что вся эта система не стоит на месте, а как-то двигается и на ходу перестраивается (об этом речь будет дальше). И раньше в известные периоды товарные связи и платежное равновесие между странами-кредиторами и странами-должниками строилось на сходных основаниях: однако, как правило, возможность нормального погашения подготавливалась и гарантировалась тем, что обе стороны были заинтересованы во *взаимном* экспорте-импорте (об этом мы выше уже говорили). Поэтому это обстоятельство ничуть не снимает вопроса о корнях такой особенности современного «равновесия» и возможностях ликвидации всего этого клубка противоречий.

(Окончание следует).

---

[1]) Harms, «Vom Wirtschaftskrieg zur Weltwirtschaftskonferenz», стр. 254.
[2]) «Der Weg» и т. д., стр. 28.

Я. Никулихин.

Об обобществленном секторе в сельском хозяйстве.

Партия взяла и твердо проводит курс на высокий темп индустриализации нашей страны. Индустриализация СССР является не только орудием социалистического строительства и укрепления независимости страны, но целиком увязывается с технической и социальной реконструкцией самого сельского хозяйства (снабжение с.-х. инвентарем, механическими двигателями, удобрениями, оборудование для предприятий по переработке с.-х. продуктов, отвлечение из него излишней рабочей силы, создание емкого внутреннего рынка на с.-х. продукты, перенесение тягот государственных расходов все более на плечи растущей мощной индустрии и т. п.). Промышленность при этом курсе обгоняет и должна обгонять рост сельского хозяйства, но высокий темп индустриализации страны не только не исключает, а предполагает повышенный темп развития и самого сельского хозяйства. Зависимость между тем и другим проходит не только по линии снабжения городов, армии, крестьянских потребляющих районов продовольствием, но и по линии технического сырья, импортного оборудования, дополнительного рынка на промышленные товары, особенно сельскохозяйственного и общего машиностроения, химической промышленности. К этому следует еще добавить то основное, что мы проводим не просто индустриализацию, а социалистическую индустриализацию, признали возможным строить социализм в нашей стране совместно с крестьянством. Последнее обязывает нас к под'ему материального уровня основных масс крестьянства, к изживанию противоречий между городом и деревней на основе под'ема производительности земледельческого труда, под'ема урожайности, быстрого развития сельского хозяйства вообще.

Как же обстоит дело с развитием сельского хозяйства и что основное вытекает из учета предыдущего развития?

Об особенностях восстановительного процесса в сельском хозяйстве.

Прежде всего надо отметить, что восстановительный процесс в сельском хозяйстве затянулся. В промышленности он закончился в 1926—27 году, который явился отчасти и годом начавшегося реконструктивного периода. В сельском же хозяйстве он закончится, примерно, только в 1927—28 году, если брать в целом об'ем общей его продукции по сравнению с довоенным. Но отдельные части этой продукции восстановлены далеко не одинаково, и восстановление валовой продукции еще далеко не показывает того же уровня в восстановлении товарной. Огромная разница существует и в степени восстановленности сельского хозяйства по отдельным районам. Так, например, если посевная площадь технических культур в 1927 году превышала довоенную (1913 г.) на 29,7%, то площадь зерновых культур показала в 1927 г. недовосстановленность на 7,5%. При чем, если рожь была восста-

новлена на 99,5%, овес на 92,9%, то наиболее товарные хлеба, пшеница и ячмень, показали наибольшую недовосстановленность (первая в 1927 г. к 1913 г. 83,3%, второй 57,3%) [1]. По отдельным районам восстановленность площади выглядит так: в потребительской полосе она увеличилась на 13,3%, в районах с небольшими хлебными излишками—на 5,8% (Вятско-Ветлужский, Уральская область и часть Волжско-Камского). В районах же товарного зернового земледелия она оказалась значительно недовосстановленной.

Посевная площадь 1927 г. в % к 1916 г. [2])

	Вся зерновая	Пшеница озим.	Пшеница яров.	Овес	Ячмень
Башкирия	68,5	63,4	—	52,8	—
Ц.-З. район	91,4	57,0	51,4	64,3	—
Средне-Волж.	90,8	63,7	—	—	44,1
Нижне-Волж.	80,5	54,6	—	—	47,1
Крым	71,5	—	72,3	—	61,5
Сев. Кавказ	90,7	81,2	—	—	52,8

В этих районах больших избытков хлеба посевная площадь оказалась недовосстановленной на 3.270 тыс. гектаров; этот дефицит не будет еще покрыт намеченной программой расширения посевных площадей в 1927—28 г. (по РСФСР по плану весенней посевной кампании, утвержденному Совнаркомом, расширение посевной площади намечалось в 2.280 тыс. га). В результате только одной этой недовосстановленности посевных площадей в районах товарно-зернового земледелия товарная продукция зерновых хлебов страны должна сильно сократиться.

Но в эту же сторону действовал и ряд других причин. Прежде всего рост душевого потребления самого крестьянства в послереволюционный период и прирост населения деревни за последние годы; от этих двух причин поднялся внутрикрестьянский хлебооборот [3]). Дальше оказало влияние измельчание хозяйств (в 1916 г. было 16 млн. дворов, в 1927 г.—около 25 млн. дворов) [4]), ликвидация помещичьих и крупнокапиталистических хозяйств, доля которых еще только в небольшой мере покрывается продукцией совхозов и колхозов. Эти изменения в производстве хлебов нашли себе следующее цифровое выражение по недавним подсчетам ЦСУ:

	Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский		% товарности
	Млн. п.	%%	Млн. п.	%%	
До войны					
1. Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47
2. Кулаки	1900	38,0	650,0	50,0	34
3. Середн. и бедн.	2500	50,0	369,0	28,4	14,7
Итого	5000	100,0	1300,6	100,0	26
В 1926/27 году					
1. Совхозы и колхозы	80,0	1,7	37,8	6,0	47,2
2. Кулаки.	617,0	13,0	125,0	20,0	20,0
3. Середн. и бедн	4052,0	85,3	466,2	74,0	11,2
Итого	4749,0	100,0	630,0	100,0	13,3

[1]) По некоторым злакам даже превысила довоенную площадь: по гречихе на 28,6%, по просу—13,6% (данные из статьи Огановского в «Эконом. Обозр.», VI, VII—27 г.).

[2]) «С.-Х. Жизнь», орг. Наркомзема РСФСР, № 8, 1928 г.

[3]) Огановский оценивает увеличение его в 1½—2 раза

[4]) По Крыму, Украине, Северн. Кавказу и Сибири в 1916 г. было 5.926 тыс. дворов, стало в 1926 г. 7.849 тыс. дв. («С.-Х. Жизнь» № 8, 1928 г.)

Из данной таблички мы видим, что если валовая продукция хлебов недовосстановлена была в 1926/27 г. на 5%, то товарная продукция восстановлена всего только наполовину к довоенной. Если прежде помещики и кулаки вместе владели половиной валовой продукции зерна и давали 71,6% товарной внедеревенской его продукции, то крупные и сравнительно укрупненные хозяйства в 1926/27 г. владели всего $^1/_7$ частью валовой и около $^1/_4$ товарной продукции. Центр тяжести в хлебном производстве решительно передвинулся на мелкие хозяйства. Доля середняков и бедноты поднялась по валовой продукции с половины до 85%, по товарной с немногим более ¼ до ¾, при чем понизилась товарность не только в целом всего зернового хозяйства (с 14,7 до 11,2%), снизилась товарность и по ряду технических культур (особенно по льну и конопле), но в целом технические культуры и продукты животноводства (благодаря увеличению посевов и числа штук продуктивного скота по сравнению с довоенным) показали значительно большую степень восстановленности товарной продукции, чем зерновые хлеба. По этой последней причине уровень восстановленности всей массы внедеревенской товарной с.-х. продукции значительно поднялся, но он все же в 1926/27 г. составлял еще около 70% довоенного. А так как потребление с.-х. продуктов в городах не снизилось, а несколько выросло (преимущественно за счет прироста душевой нормы потребления, за счет развития промышленности свыше довоенного уровня), то дефицит в товарной продукции с. х. преимущественно отразился на уровне нашего экспорта, сильно сократив вывоз льна и животноводческих продуктов и почти совсем срезав вывоз зерновых хлебов. (За последние же годы перед войной их вывоз выражался в 600—700 млн. пуд.). Вполне понятно, что почти полная ликвидация нашего хлебного экспорта означает большие препятствия на пути дальнейшего развития нашего народного хозяйства и индустриализации страны, сокращая ресурсы на ввоз оборудования, недостающего нам технического сырья, недостающих машин для реконструкции самого с. х. (тракторов), не говоря уже об угрозе нашему расчетному балансу и ослаблении наших позиций во внешнеполитических отношениях. Дефицит в хлебном экспорте только частично можно заполнить усилением экспорта промышленных товаров. Поэтому нам необходимо поднять хлебный экспорт во что бы то ни стало. Тов. Микоян совершенно правильно ставит задачей в ближайшие годы довести его до уровня 6—7 млн. тонн в год (350—400 млн. пуд.). Конкурентоспособность на хлебном мировом рынке нам обеспечена вполне фактом отсутствия у нас абсолютной ренты и малой обремененностью земель другими платежами (налогами и т. п.). Европейский рынок продолжает являться огромным хлебным рынком, и мы имеем, при должном под'еме с. х., возможность завоевать гегемонию на этом рынке, крайне нам выгодную. Но быстрый под'ем зернового хозяйства нам нужен не только для надлежащего под'ема хлебного экспорта, а также и для бесперебойного удовлетворения растущего на хлеб спроса со стороны внутреннего рынка. Не с меньшей силой это надо подчеркнуть также и в отношении технических культур, животноводческих продуктов. Сырье, несмотря на превышение посевов технических культур на 29,7% по сравнению с довоенным, стало теперь все же основным лимитом в развертывании легкой обрабатывающей промышленности (в 1927—28 г. остро обстояло дело с заготовками сырья для льняной, крахмало-паточной, кожевенной и т. п. промышленности).

Именно в силу того, что валовая и товарная продукция зерновых культур оказалась значительно недовосстановленной при огромном преобладании середняцких и бедняцких хозяйств, разбогатевшие владельцы концентрированных запасов хлеба (кулаки, зажиточные) могли своим выступлением против государственных хлебозаготовок представить величайшую опасность для

страны пролетарской диктатуры. Активное сопротивление кулачества в кампанию 1927—28 года было неизбежным под влиянием обострения для СССР международной обстановки и роста частнокапиталистического накопления в деревне.

Не только продукция сельского хозяйства не перевалила еще решительно за довоенный уровень, но и в основном техника крестьянского хозяйства осталась на прежнем примитивном уровне. Новый добавочный земельный фонд, полученный в результате ликвидации помещиков, крестьянство осваивало на основе прежней техники. Качественные изменения в последней были еще крайне невелики к об'ему всего с. х. Введение 30 тысяч тракторов представляет еще каплю в море старой низкой с.-х. техники. То же следует сказать и про сельскую электрификацию. Хотя количество сельских электростанций поднялось с 53 (бывших до войны) до 858 (1927 г.), но всего охвачено только 90 тысяч дворов, и душевое потребление электроэнергии на все сельское население еще крайне ничтожно—0,1 квт.-час. (в 1927 г.). В СССР годовое потребление электроэнергии от сельских электроустановок было в 1927 г. 10 млн. квт.-час., а в маленькой Швеции в 1926 г. в сельском хозяйстве было потреблено электроэнергии в 12½ раз больше, 126 млн. квт.-час. В этом, конечно, не наша вина, а целиком тех, кто прежде ставил путы на развитии сельского хозяйства. Снабжение с. х. новыми с.-х. машинами и орудиями за последние два года превышает довоенный годовой машиносбыт, но мы все еще не покрыли убыли с.-х. машин за время гражданской войны и износа в первые года нэпа. Применение минеральных удобрений крайне низко. От этого мала производительность крестьянского труда, низка урожайность (по ряду важных культур она еще не достигла довоенного уровня), высока себестоимость с.-х. производства. Это мешает более быстрому под'ему материального уровня основных масс крестьянства, задерживает развитие с. х., частично обостряет отношения между более быстро растущим городом и отстающей деревней.

Сельское хозяйство отстает в своем развитии по сравнению с нашим масштабом хозяйственного строительства, но не по сравнению с развитием в довоенный период. Так, например, если брать коэффициент ежегодного прироста посевных площадей, то до войны он на много был ниже, чем теперь (за период 1906—11 гг. он был 1,3%, 1925—26 г.—0, 1926 г.—6,4%, 1927 г. — 2,6%).

Для сбалансирования народного хозяйства нашей страны в аспекте пятилетнего и генерального плана мы не можем, исходя из теперешнего темпа развития с. х., соответственно снизить темп индустриализации страны, ослабить «напряженный» ход развития хозяйства, как это советуют буржуазные экономисты. Не можем потому, что высокий темп индустриализации диктуется нам всей установкой на победоносное социалистическое строительство и есть одна из главнейших гарантий существования и сохранения СССР. Не можем и потому, что этот путь означал бы оставление основных масс крестьянства на том низком материальном уровне, на каком они стоят сейчас. Этот путь означал бы снижение творческих усилий всего пролетарского государства, большое ограничение достижений по социалистическому переустройству деревни и сохранение теперешних позиций за мелкобуржуазной стихией. Не темп развертывания промышленности, транспорта следует снизить до уровня с. х., а, наоборот, темп развертывания с. х. следует теперь подтянуть к соответствию с высоким темпом развертывания индустрии. Вот почему СССР властно диктуется теперь задача, не снижая взятого темпа индустриализации страны, а именно на основе этого темпа ускорить бег производительных сил в сельском хозяйстве. Эту задачу подчеркнул со всей решительностью XV парт'езд и апрельский пленум ЦК. Вот почему в результате растущих потребностей индустриализирующегося хозяйства

каждый новый пересмотр пятилетки Госпланом приводит к увеличению намечаемого темпа развития сельского хозяйства почти по всем показателям. Так, например, прирост валовой продукции зерновых культур в материалах Госплана по составлению пятилетки в начале 1927 г. предполагался в 24%, весной 1928 г.—в 27%, товарной по зерновым хлебам—74,7%, теперь—82%, урожайность—4,6%, теперь—13% [1]), несмотря на то, что начало пятилетки отодвинулось на год вперед и соответственно увеличились абсолютные цифры, на которые насчитывается процент прироста. Прирост валовой продукции сырья по новому варианту предположен за пятилетие на 53%, товарной—на 115%, урожайность поднимается: льна—на 28%, хлопка—на 25%, свеклы—на 31%, подсолнуха—на 15%, товарная продукция животноводства вырастает на 84%. Намечаемые новые темпы прироста продукции с. х. по основным показателям, возможно, будут еще подвергаться неоднократно пересмотру, уточнениям, но основная установка их—дать определенное цифровое выражение такому ускоренному росту с. х., которое позволило бы сбалансировать отдельные части индустриализирующегося народного хозяйства,—является безусловно верной. Партия для повышения темпа развертывания с. х. увеличила в 1927—28 г. ассигнования для развития с. х. до 717 млн. руб., при чем по линии государственного и местного бюджета—около 300 млн. рублей.

В течение пятилетия со стороны государства по новой проектировке Госплана предполагается вложить в сельское хозяйство 2,5 миллиарда [2]) рублей. Кроме того, еще больше средств будет вложено самим населением. Партия и вся советская страна заинтересованы в том, чтобы эти средства были затрачены наиболее рационально, чтобы они дали максимум хозяйственного эффекта. А этот вопрос упирается в проблему возможных основных путей к усилению темпа развития сельского хозяйства и его товарности. Последнее тесно связано с под'емом валовой продукции с. х.

О путях усиления темпа развития сельского хозяйства.

До сего времени преобладающим типом развития деревни был тип индивидуального хозяйственного под'ема мелких, крайне раздробленных бедняцко-середняцких хозяйств. К ним притекала основная масса средств из ассигнований государства (кредит, семенные ссуды, расходы на землеустройство, агропомощь и т. д.). В руках этого основного массива крестьянства сосредоточивалось большинство валовой и товарной продукции сельского хозяйства. Удельный вес обобществленного сектора (совхозов и колхозов) был крайне низок (в 1926—27 г. по посевам 2,4%, по продукции 2,5%, по товарной массе 5,1%). В несколько раз выше обобществленного сектора был растущий сектор кулацкого, частнокапиталистического хозяйства, но он по товарной продукции уступал, примерно, раза в 3 мелкотоварному, по валовой продукции уступал ему еще больше. При чем надо отметить, что кооперативные об'единения в мелкотоварном секторе охватывали преимущественно снабженческие и сбытовые функции и очень в небольшой пока доле кооперирование производственного процесса в с. х.

Исчерпало ли бедняцко-середняцкое хозяйство все возможности для своего дальнейшего хозяйственного под'ема в индивидуальной форме? Нет, конечно, не исчерпало, но на пути единоличного хозяйствования имеет крайне узкие возможности для своего дальнейшего хозяйственного под'ема, особенно для роста производительности труда, который стоит на очень

[1]) Данные за вариант пятилетки весны 1927 г. взяты из материалов по составлению пятилетки, стр. 97 и 98 (таблицы, стр. 184—текст), данные по предполагаемому новому варианту—из доклада Гринько («Экон. Ж.», 19/V—28 г.).

[2]) Несколько месяцев назад предположения были иные значительно меньше: по отправному варианту 1651,7 млн. руб., по оптимальному—2.017 млн. руб.

низком уровне. Простой посев отборными семенами, замена значительного остатка сох плугами, ранняя вспашка, увеличение тяглового скота, некоторая ограниченная возможность ведения правильного севооборота, устранение дальноземелья, переселение из густо-населенных районов, частичное применение минеральных удобрений,—все это еще будет являться средством для под'ема мелких крестьянских хозяйств, средством роста сельскохозяйственной продукции страны. Но зато широкое применение механической энергии (тракторов, электроэнергии), сложных с.-х. машин в мелком индивидуальном хозяйстве невозможно. Невозможно прежде всего по размерам производства. Так, например, для нормальной нагрузки машин требуется площадь посева: для сеялок 52 гектара, для сенокосилок—94, для жатки—44, для трактора—110 [1]), для сложной молотилки—несколько сот десятин.

Дальше, невозможно рентабельное пользование вследствие далеко неполного их использования (отсюда высокая норма амортизации). Широкое же применение механической энергии и машин только и позволит значительно расширить освояемость новых земель, поднять производительность с.-х. труда и урожайность земель как на старом обрабатываемом земельном фонде, так и на новом. Не случайно, что в 1 полугодии текущего года мы имели некоторое недовыполнение плана по сбыту с.-х. машин, ибо мелкое хозяйство в индивидуальной форме крайне ограничено в их приобретении (Из проданных в 1927 г. с.-х. машин и орудий на 130 млн. руб. только 60% принадлежало к таким, которые могло покупать и мелкое индивидуальное хозяйство, 40% были мало или совсем не рентабельными для мелкого хозяйства [2]).

При мелком размере хозяйства невозможна его рациональная постановка: последовательное проведение правильного севооборота, выгодное сочетание отдельных частей хозяйства между собою (полеводства, животноводства, огородничества, садоводства и т. д.), выгодное использование удобрений и применение всех данных науки. Мелкое хозяйство ставит очень узкие рамки как техническому, так и общественному разделению труда, что является одним из главнейших препятствий к под'ему производительности труда. Еще Маркс писал, что господствующей формой труда в условиях мелкой земельной собственности, является не общественный, а изолированный труд: что, следовательно, при таких обстоятельствах исключается возможность богатства и развития воспроизводства,—его как материальных, так и интеллектуальных условий,—а потому и условий рациональной культуры [3]). Ставя огромные препятствия на пути применения механической энергии и машин в с. х., на пути рационализации с. х., мелкое хозяйство ведет еще и к огромной растрате средств и труда. Средства растрачиваются оттого, что на единицу обрабатываемой площади требуется больше, чем нужно, орудий, рабочего скота, построек, транспортного инвентаря [4]). Мелкое хозяйство

[1]) «Экон. Обозр.», к. 3, 1928, стат. Селезнева, стр. 98. По данным Н. Д. Лопатина—еще выше, лобогрейки, жнейки 65 га, сеялки разбросанные 65—85 га, сеялки рядовые 54 га.

[2]) «С.-Х. Жизнь» № 11, 1928 г., ст. т. Жарикова.

[3]) Маркс. «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 350.

[4]) Самый большой расход крестьянина после содержания своей семьи падает на содержание рабочего скота. О том, как переобременены скотом крестьянские хозяйства, дают представление и довоенные данные. Так по Вологодскому уезду на каждые 100 десятин посева в хозяйствах до 20 дес. посева имелось 42,4 лошади, в хозяйствах свыше 600 дес.—в 3 с лишним раза меньше (12,5 лош.). Представление о том, как убыточно такое громадное недоиспользование рабочего скота, можно получить по данным английских исследователей. Они высчитали, что в тех хозяйствах, где нет механических двигателей, рабочий скот с'едает 24% пшеницы, 67% овса и 44% сена с той площади, которая при их помощи обрабатывается. (Доклад Бор. Метьюса—«Электрификация» № 4, 1927 г.).

использует их нерационально, переобременяет себя расходами на них, имеющиеся средства производства используются только небольшую часть года, в остальное время они лежат мертвым капиталом (по утверждению ряда исследователей, они используются только наполовину). По этим причинам и эффективность средств, направляемых в с. х., тем меньше, чем мельче размеры хозяйств. Ц. С.-Х. банк произвел обследование эффективности выдаваемых ссуд в хозяйствах различной экономической мощности; разбив их на три группы, получил следующие данные [1]):

На 100 руб. ссуды выданных:

Группы хоз. по эконом. мощ.	На рабоч. скот	На коров	На сельскохоз. инвентарь		На семена
Произошло увеличение посевов:					
I	0,8	—	0,9	0,1	0,3
II	1,6	—	1,9	0,7	0,8
III	2,8	—	2,4	0,2	1,2
Увеличение сбыта продукции на 100 р.					
I	21	14	18	26	79
II	27	23	35	33	98
III	54	60	67	38	230

Мы, таким образом, видим, что степень эффективности кредита в несколько раз выше в экономически более обеспеченных группах, одновременно ведущих более крупное хозяйство, чем в низших.

Вот почему совершенно правильно будет сказать, что сколько-нибудь значительная техническая реконструкция с. х., его рационализация невозможна в условиях мелкого хозяйства. А без нее мы не можем высоко поднять валовую продукцию сельского хозяйства и на ее основе товарную продукцию, что дозарезу необходимо для индустриализирующейся страны. Без технической реконструкции мы не можем также поднять основные массы крестьянства из полунищенского к культурному существованию.

Значит ли это, что мы не должны использовать еще имеющиеся возможности и для под'ема в индивидуальной форме бедняцких и середняцких хозяйств? Значит ли это отказаться от материальной помощи со стороны государства им в деле этого под'ема? Ни в коем случае. Мы должны использовать названные выше возможности и с этой целью оказывать и впредь поддержку и индивидуально поднимающимся бедняцким и середняцким хозяйствам. Но для нас должно быть совершенно ясно, что на этом пути нет условий для быстрого материального и культурного под'ема самой бедняцко-середняцкой массы. Для нас тем более должно быть ясно, что на этом пути нет условий для того повышенного темпа развития с. х., который диктуется всей хозяйственной обстановкой. Этот темп мы можем найти только на путях укрупнения сельского хозяйства.

Есть два пути укрупнения с. х., и через эти два пути повышения темпа развития с. х. и его товарности: 1) капиталистический, фермерский труд и 2) социалистический (совхозы, колхозы). Как выглядели бы в перспективе и тот и другой путь развития с. х. и не только в смысле своих социальных последствий, но и высоты самого темпа развития сельского хозяйства?

Что крупные кулацкие, капиталистические хозяйства в сравнении с отдельными середняцкими и бедняцкими хозяйствами показывают и более высокую производительность труда и более высокую степень товарности — это бесспорно. Также бесспорно и то, что при ликвидации абсолютной ренты в нашей стране, при огромном и быстро растущем внутреннем рынке

[1]) «Опыт исследования эффективности с.-х. кредита», изд. 1927 г., стр. 60, 63, 70.

(который складывается совершенно иначе, чем при капитализме), капиталистические хозяйства в земледелии могли бы иметь условия для своего быстрого развития, и интенсивное капиталистическое накопление имело бы место. Могли бы иметь, но не имеют этого быстрого развития. Не имеют прежде всего потому, что советская власть ставит препятствия росту капиталистического, кулацкого хозяйства целой системой мероприятий: ограничением прав аренды земли, налоговым обложением, соответствующей политикой распределения тракторов и сложных с.-х. машин, удобрений, кредитной, землеустроительной политикой и т. д. Если бы советская власть изменила свою политику в этих вопросах и не ставила препятствий капиталистической аренде, меньше давила кулака налогами, разрешила ему свободно приобретать все машины, удобрения, средства, отпускаемые государством сельскому хозяйству, в значительной части давала зажиточным, не ставила препятствий к сдаче в аренду государственных земель на нашем Востоке и Юго-Востоке, то мы, несомненно, имели бы довольно бурное развитие капитализма в земледелии. Целый ряд буржуазных экономистов, работающих в наших хозяйственных органах, в разной форме, открытой и завуалированной, предлагает нам этот путь. Ведь наблюдали же мы, как недавно так называемые кон'юнктуристы видели спасение в форсированном развитии хуторского хозяйства, т.-е. чисто фермерско-капиталистическом. Наиболее левый из буржуазных экономистов Огановский ведь предлагал же недавно, насаждать капиталистические хозяйства в районах колонизации [1]). Мы уже не говорим о проф. Кондратьеве и о целой плеяде его сторонников, позиция которых достаточно полно разбиралась в нашей печати.

Партия не может встать на этот путь, ибо он противоречил бы всему существу советской власти, всей взятой перспективе на победоносное социалистическое строительство. Он не приемлем и потому, что при нем мы имели бы не хозяйственный под'ем бедноты и середняков, а разорение подавляющего большинства их, превращение их в пауперов, в навоз для капиталистического хозяйства. Интенсивное капиталистическое накопление шло бы тогда на основе страшной эксплоатации низших слоев крестьянства, на почве усиления процессов диференциации в деревне. В лице кулака мы имели бы рост враждебных социализму и пролетарской диктатуре сил, являющихся одновременно опорой всех буржуазных слоев в стране и агентурой международного капитала. Все это, конечно, есть решающие причины того, почему мы не приемлем этот путь укрепления и ускорения в повышении товарности сельского хозяйства.

Но он не приемлем для нас и по экономическим соображениям. Он не мог бы обеспечить достаточно высокий темп развития сельского хозяйства, соответствующий высокому темпу развития индустрии. Он влиял бы на снижение этого темпа, сужая рынок сбыта промтоваров через пауперизацию основных масс крестьянства, повышая издержки борьбы плана со стихией, срывая план и придавая всему народному хозяйству кризисный характер развития.

Хотя кулацкое хозяйство по об'ему производства и значительно крупнее середняцкого, не говоря уже о бедняцком, но все же оно остается мелким хозяйством, не соответствующим уровню современной техники. Основ-

[1]) Говоря об огромном массиве необработанных, но годных для посевов под пшеницу и ячмень земель в Казакстане, он писал, что средний надел земли там до войны был 40 дес. на хозяйство. Он предлагал его сохранить с уклонением скорее в сторону его повышения и советовал переселять сюда многопосевных с 3 лошадьми и с.-х. машинами, ибо «такие выселенцы встанут на ноги и будут доставлять сотни пудов зерна на рынок через 2—3 года, тогда как бедняцкое хозяйство дойдет до уровня рыночного лишь через 8 лет переселения» («Пшенично-ячменная проблема». «Эконом. Жизнь» 13/I—28 г.).

ное условие производства—земля, в процессе революции является радикально перераспределенной в порядке уравнительности, и аренда только может частью укрупнить хозяйство. Условий для значительной мобилизации земли в индивидуальной форме в СССР нет. Кулак может иметь 20—30 гектаров, и как исключение 40—50 га посева. Но этот размер хозяйства крайне недостаточен для рентабельного, рационального применения трактора, сложной молотилки, жнейки-сноповязалки, сенокосилки и ряда других сложных машин, особенно новых комбинированных машин. В США средний размер фермы в 160 акров (около 60 га) признается теперь несоответствующим современному уровню техники. Вот что мы читаем в трудах одной авторитетной американской комиссии:

«Нынешние размеры ферм сложились главным образом под влиянием условий, господствовавших 75 лет назад. Но фермер того времени применял 2-лошадные плуги, однорядные культиваторы и жатвенные машины, которые не могут пойти ни в какое сравнение с машинами, применяемыми в настоящее время. Современные тракторы и жнеймолотилки, четырехрядные культиваторы, сенокосилки и сеносушильные установки могут быть производительно применены только на больших фермах. Эти машины работают так быстро, что ферму в 160 акров они могут обслужить в несколько недель, чаще всего в несколько дней, и на такой ферме они вынуждены будут оставаться праздными в течение значительной части года. По данным комиссии, современная сеносушильная установка может быть производительно использована на ферме размером по меньшей мере в 600 акров, если не гораздо больше. Наиболее экономное использование земли в некоторых частях пшеничного района требует при современных методах машинного производства фермы размером более чем в 1.000 акров» [1]). Тем более кулацкие хозяйства недостаточны для применения в с.-х. производстве электроэнергии и успешной организации предприятий по промышленной переработке с.-х. продуктов, что имеет колоссальное значение для реконструкции с. х. Это подтверждается и данными по Украине о распаде мелких артелей в 29 гектаров и товариществ по общественной обработке земли в 46 га, где выгоды укрупнения с. х. выступали менее выразительно [2]). Возможности приложения данных агрономической науки, рационального ведения хозяйства ограничены тоже и в кулацких хозяйствах, при чем на недостаточность темпа развития с. х. стал бы влиять и тот факт, что при преобладающем капиталистическом пути развития сельского хозяйства, поднималось бы в гору верхнее меньшинство деревни, а огромное большинство гнило бы на корню, не используя всех своих потенциальных сил и ресурсов, которые могли бы быть использованы при производственном кооперировании и коллективизации бедняцко-середняцких хозяйств. На ослабление темпа стала бы влиять и постоянная обостренная борьба между плановой, хозяйственной волей пролетарского государства и мелкобуржуазной стихией, которая свое заостренное выражение получила в затруднениях этого года (это неизбежно стало бы приводить с целью обессиливания противника к большей выкачке средств из накоплений, образующихся в сельском хозяйстве). Мы видим, таким образом, что этот путь не только не приемлем для нас, как расходящийся с конечными целями пролетарской революции, как путь перерождения, но он не приемлем, и с эконо-

[1]) Цитируем по журналу «Американская Торговля и Промышленность» № 4 1928 г.

[2]) В то время как средний размер существующих артелей 90 га, средний размер т-в по общественной обработке земли 70 га, коммун—240 га («Правда», V—28 г., ст. Терлецкого и Клименко). По данным Колхозцентра РСФСР на 1/X—27 г. средний размер с.-х. коллективно используемой площади у коммун был 329 га, с.-х. артелей—180, т-в по общественной обработке земли—98. («На Аграрном Фронте» № 5, 1928 г.).

мической стороны, как не обеспечивающий должного темпа развития сельского хозяйства, путь не увязывающийся с высоким темпом индустриализации страны. Оппозиция была, конечно, неправа, когда она, допуская преобладание капиталистического пути развития деревни (до победы мировой революции), думала перекрыть его «сверхиндустриализацией», рассматривала индустриализацию не как рычаг к победоносному социалистическому строительству, а как средство обороны против наступающего противника. Эта мысль нашла себе выражение в оценке Троцким решений XIV партконференции и еще недавно осенью в 1927 году в статье т. Преображенского («Вестник Комакадемии» № 22), где он писал:

«Здесь мы подошли к капитальнейшему вопросу о соотношении между социалистическим развитием города и капиталистическим развитием деревни. Советская система в теперешний трудный период может существовать лишь на основе пропорциональности темпа между тем и другим. Более быстрый темп социалистического развития позволит вынести большую дозу и капиталистического развития без большой опасности для всей системы» (стр. 8).

У тов. Преображенского сама постановка вопроса была неверная, не марксистская, не ленинская, у него город развивается в одном направлении, деревня в другом: за счет усиленного развития капитализма в деревне город компенсируется быстрейшим развитием индустрии. Если бы так шло наше развитие, то неизбежна была бы наша гибель. Мы не могли бы иметь и высокого темпа развития индустрии при преобладающем капиталистическом развитии деревни. Это лучше оппозиции поняли буржуазные экономисты (Кондратьев, Макаров и т. п.), которые, как известно, с большой яростью обрушились на пятилетку Госплана (даже на ее более минимальный вариант начала 1927 г.), доказывая, что сельское хозяйство не может достичь намечаемых темпов, что между темпом развертывания индустрии и «возможными» (с их точки зрения) темпами развертывания с. х. будет неизбежен разрыв. И они пробовали доказать это подробными цифровыми выкладками на счет «неувязок» в пятилетке Госплана. Тов. Струмилин своевременно доказал всю никчемность их попыток на этот счет. А ведь главной подоплекой этих утверждений Кондратьева, Макарова и др. было как то, что они хотели видеть сельское хозяйство развивающимся преимущественно в капиталистическом направлении, так и то, что, находясь в плену темпов, норм прошлого, они хотели втиснуть в них настоящее и будущее нашего хозяйственного развития. (Именно этим можно об'яснить вопрос о том, почему многие из них могли быть с большей пользой использованы в восстановительный период, чем в реконструктивный).

Обеспечить повышенный темп развития с. х., поднять через это продовольственную, сырьевую, экспортную и отчасти сбытовую базу для нашей развивающейся высоким темпом индустрии может только форсированное развитие процессов укрупнения с. х., но только в социалистической форме (совхозы, колхозы, разные виды производственного кооперирования).

Между необходимостью ускоренного развития производительных сил в земледелии и облачением их в социалистическую форму нет противоречия не только в законченном социалистическом обществе, но нет и на данном этапе переходного периода. Нет потому, что только этот путь создает действительно крупные хозяйства в земледелии, что только при нем с. х. может быть радикально реконструировано и рационально поставлено без потери тех накопленных веками производственных ресурсов, которые имеются у двух десятков миллионов раздробленных бедняцко-середняцких хозяйств. Этот путь хозяйственно поднимает не кучку, а всю массу кре-

стьянства. В этом и есть сейчас все великое народнохозяйственное значение коллективизации с. х. и развития крупного совхозного хозяйства.

Существующие колхозы имеют еще много недостатков в своей работе. Но своим более рациональным ведением хозяйства они уже доказали, что именно на этом пути лежит путь к под'ему крестьянского хозяйства, к под'ему его товарности. В колхозах по всей стране урожайность выше, чем у единоличников в среднем на 30—40%. Более подробные данные видны из следующей таблички:

Урожайность с 1 гектара (в центнерах) [1].

	Колхозы	Единоличники
Рожь (Урал) 1925/26 г.	11,0	10,5
Пшеница озим. (Сев. Кав.)	16,5	13,5
„ „ (Украина)	12,3	9,0
Овес (Украина)	15,0	10,0
Рожь (Белорус.)	11,0	7,0

Эта повышенная урожайность достигнута потому, что правильный севооборот ввели по Украине 64% колхозов, по БССР—80% колхозов перешли на многополье, по РСФСР—свыше 60%. Посевы чистосортными семенами уже применяли по Украине 60% колхозов, по РСФСР—до 40%.

По урожайности, по производительности труда колхозы перегнали не только середняцкие хозяйства, но как правило и кулацкие хозяйства. Так, например, на Украине на обработку и посев одной десятины под ячмень требовалось: бедняку—16,7 дня, середняку—12,2, кулаку—11,3, колхозу же только 7,8 дня. Производительность труда в колхозах в два раза выше по сравнению с беднотой, почти в 1½ раза выше по сравнению с кулачеством. Огромное значение имеет также и факт выравнивания урожаев в колхозах, уменьшение колебаний в них от одного года к другому. Так, например, у коммуны «Маяк», Терского округа, колебания урожаев от 90 до 117 п., у единоличников от 25 до 90 [2]). Для Юга Украины, Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья, для всего Юго-Востока, где колебания урожаев все время были значительны, что тягостно отзывалось прежде всего на самом сельском хозяйстве этих районов, такое выравнивание урожаев, достижение их большей устойчивости через колхозы, будет иметь колоссальное значение. Оно парализует, сильно смягчит вредное влияние засушливых лет. Все это дает доказательства большей хозяйственной эффективности уже существующих колхозов в сравнении с единоличными крестьянскими хозяйствами.

Повышенная урожайность повышает валовую продукцию на едока, повышает и товарную продукцию (последняя, вырастая на почве первой, имеет главное значение для индустрии). Для примера мы, берем данные фигурировавшей на конкурсе колхозов коммуны «Молот» в Новосибирском округе за 1925—26 г.

	Валов. продукц. на едока	Товарная продукц.
В коммуне	288	165
В селе Мысах	97	39
В Колыв. районе	56	17

Разница огромная! Пусть эта коммуна является наиболее образцовой, пусть по ряду других колхозов достижения еще пока менее разительны, но почти у всех у них выше доходность, рациональнее ведется хозяйство.

[1]) Данные взяты из ст. Крутошинского в «С.-Х. Жизни» № 15—16 1928 г.
[2]) Из доклада т. Яковлева на Всесоюзном с'езде колхозов.

А коммуна «Молот» наглядно показывает, чего можно достигнуть при обобществлении сельского хозяйства.

Что колхозы значительно лучше, полнее единоличников используют имеющийся у них с.-х. инвентарь, видно из следующей таблички:

Степень насыщенности инвентарем колхозов Таганрогского округа по сравнению с поселком Кирилловским в 1925 г. [1])

Наименование инвент.	Имеется в поселке штук	Требуется на эту площ. при коллективн. инвент. штук	Лишних	На 1 оруд. приход. га пашни в поселке	На одно орудие при кол. обраб. га пашни
Плуги	34	14	20	11	27
Бороны	64	8	56	8	62
Сеялки	27	5	22	10	60
Лобогрейки	27	5	22	10	60

И именно в колхозах на ряду с кооперацией находит себе место соединение сферы добычи сырья и его промышленной переработки (по СССР в колхозах действуют уже более 2.000 промышленных подсобных предприятий, среди них есть картофеле-паточные, винокуренные и даже сахарные заводы). Уже из этого небольшого числа приведенных здесь показателей о преимуществах колхозов видна их огромная роль в деле реконструкции с. х. Эту роль поняло и само крестьянство, убеждаясь, что нельзя ожидать больших достижений на путях индивидуального хозяйства. Оно стихийно потянулось к об'единению в артели, коммуны и особенно широко в простейшие виды производственной кооперации (т-ва по общественной обработке земли, машинные, семеноводческие и т. п.). Все эти виды товариществ от обобществления одной части хозяйства, одного производственного процесса будут постепенно переходить к расширению сферы обобществления (к более сложным формам коллективного земледелия к полному обобществлению). Число только машинных т-в за последние два года увеличилось в 4½ раза (на 1/X—25 г. их было 2.268, на 1/X—27 г. стало 10.268) [2]). Значителен рост был и по другим видам товариществ, также и по артелям. Но особенно быстрый рост колхозов имел место с данного хозяйственного года: с 1/X—27 г. по 15/IV организовалось 15.849 разных видов коллективных об'единений [3]). Теперь уже все меньше приходится убеждать крестьянина в пользе коллективизации, все больше задача передвигается в область организационной и материальной помощи вновь возникающим колхозам. Если в восстановительный для с. х. период молодые передовые силы деревни выход из семейной рутины, из затхлости патриархальных семей находили в разделах дворов, в умножении новых карликовых хозяйств, то теперь они его все больше начинают искать на путях создания коллективного хозяйства.

Именно только коллективизация сельского хозяйства способна, по выражению т. Сталина, дать середняку перспективу к дальнейшему хозяйственному под'ему. О значительной роли государственной организации в земледелии (совхозов) в под'еме с.-х. продукции страны ясно сказал ЦК партии в своем недавнем решении.

Коллективизация, совхозы, производственное кооперирование становятся теперь основными рычагами к необходимому повышению темпа разви-

[1]) «Пути С. Х.» № 4—5, 1928 г., ст. Матюхина.
[2]) Жарнков—«С.-Х. Жизнь» № 11, 1928 г.
[3]) «Эконом. Жизнь», 13/V—27 г., доклад тов. Квиринга.

тия сельского хозяйства. На этом пути находят свое единство техническая и социальная реконструкция сельского хозяйства. Вопрос коллективизации с. х. является одновременно и вопросом классовой борьбы с капиталистическими элементами в стране. Лозунг форсированного на них наступления, который дала партия, имеет прямую связь со ставкой на форсированное развитие обобществленного сектора в сельском хозяйстве. Интересы индустриализации и социалистического переустройства деревни в этом целиком совпадают.

О проектировках Госпланом роста обобществленного сектора.

Контрольные цифры на 1927—28 г. проектировали прирост колхозов по сравнению с прошлым годом по СССР на 3,6% или увеличение с 18.011 до 20.464 [1]). Фактически же за 1-е полугодие 1927/28 г. число колхозов почти удвоилось (с 1 октября 1927 г. по 15 апреля 1928 г. организовалось 15.849 [2]) новых разных видов коллективных об'единений). Это, несомненно, есть крупный просчет в планировании колхозного строительства. Он нашел себе выражение и в пятилетках Госплана.

При выработке пятилетки варианта 1926/27—1930/31 гг. Госплан взял совершенно неверную, чрезвычайно минималистскую установку в развитии обобществленного сектора в с. х. В материалах по составлению пятилетки (весна 1927 г.) мы читаем: «Продукция совхозов и колхозов играет во всем сельском хозяйстве такую незначительную роль, что изменение ее удельного веса за пятилетие выразится в совершенно непоказательных величинах. Сельское хозяйство, в котором господствует крестьянское анархическое производство, должно накопить в ближайшее пятилетие такие материально-производственные предпосылки, которые создают возможность для заметного развития обобществления» (44). Эта ошибка имела тогда прямую связь с ошибкой в вопросе о машинизации сельского хозяйства, «в области с. х. сам собой намечается путь максимальной его интенсификации во всех производящих районах и широкой переселенческой политики в отношении ряда областей. Что же касается м а ш и н и з а ц и и с.-х. труда, то ш и р о к о е применение ее можно себе мыслить лишь по мере поглощения накопившихся доныне за много лет кадров избыточного населения деревни» (Материалы, стр. 10). Здесь совершенно неправильно утверждалось, что следствием машинизации будет рост аграрного перенаселения. С.-х. машины, поднимая производительность труда, давая большую экономию в труде, только в том случае могли бы усилить аграрное перенаселение, если бы все остальные условия производства остались теми же самыми (незначительно увеличились бы размеры производства, осталась та же самая система хозяйства; если бы в добавок к этому индустриализации страны не наблюдалось и сами-то машины преимущественно привозились из-за границы). Но в действительности этих условий нет. Машины открывают новые возможности для приложения труда в с. х (через освояемость новых земель, через развитие продуктивного животноводства, садоводства, огородничества, открывая пути к расширению посевов трудоемких технических культур). Опыт тракторных колонн на Украине уже практически опроверг все опасения насчет усиления безработицы в деревне от механизации и машинизации с. х. (надо помнить, что одно время в некоторых кругах хозяйственных органов было чрезвычайно сдержанное отношение к трактору).

Именно в значительной мере потому, что у центральной комиссии по составлению пятилетки было такое чрезвычайно сдержанное отношение к

---

[1]) «Контрольн. цифры Госплана на 1927/28 г.», стр 870.
[2]) Доклад Э Квиринга, «Эконом. Жизнь» 13/V—27 г.

машинизации с. х., она, естественно, проектировала столь недостаточный рост совхозов и колхозов, что даже не нашла возможным дать ему цифровое выражение. Ибо быстрое развитие их потребовало бы соответствующей материально-технической базы в лице интенсивной механизации и машинизации с. х.

Осенью 1927 г. при пересмотре пятилетки Госплан проявил несколько большее внимание к совхозам и колхозам. Оказалось возможным уже дать цифровое выражение изменению удельного веса обобществленного сектора.

Динамика удельного веса совхозов и колхозов в %% но всему с. х. [1])

	1926/27 г.	1931/32
Посевы	2,4	4,8
Продукция	2,5	6,1
Товарная масса	5,1	11,3

Таким образом, удельный вес по посевам поднимается в 2 раза, по продукции в 2½ раза. Рост в данной проектировке значительно выражен, но только 1/10 часть валовой и около 1/8 части товарной продукции сельского пятилетия. Этот рост, несомненно, совершенно не отвечает той народнохозяйственной роли, которая выпадает теперь на обобществленный сектор в с. х. И к концу пятилетия обобществленный сектор будет давать всего только 1/10 часть валовой и около 1/9 части товарной продукци сельского хозяйства.

Если в течение ближайшего пятилетия мы не можем ставить себе задачи обобществить половину крестьянских хозяйств, то мы все же можем поднять удельный вес обобществленного сектора на много выше госплановских предположений. Мы можем к концу пятилетия поднять его по товарной продукции примерно к тому уровню, который занимало до революции крупное частновладельческое хозяйство. Но для этого необходимы более значительные ассигнования обобществленному сектору со стороны государства. Госплан определил их в масштабе пятилетия в 225,9 млн. руб. из 1.651,7 млн руб. всех ассигнований с. х., что составляет всего 13,7%. Громадная часть ассигнований с. х. была предназначена, таким образом, на агрикультурные мероприятия для развития производительных сил вообще, преимущественно на развитие хозяйств в мелкотоварном секторе. Конечно, значительная часть ассигнований должна итти на это дело, но доля ассигнований на обобществленный сектор не должна быть столь низкой, как это запроектировано Госпланом. При таком характере использования средств их хозяйственная эффективность будет определенно небольшой, значительная часть средств будет использована мало рационально.

Жизнь уже побила эту минималистскую установку Госплана в отношении развития обобществленного сектора. Госплан предполагал прирост совхозов и колхозов за пятилетие на 13,3 тыс. (с 25,3 тыс. до 38,6 тыс.). Уже первый год данного пятилетия перекрыл это число. Госплан предполагал ассигнования колхозам за пятилетие в размере 124 млн. руб., а уже в первом году государственные ассигнования им составили половину этой суммы (65 млн. руб.). Надо надеяться, что наше государство будет с каждым годом становится богаче и ассигнования совхозам год от году станет увеличивать. Запроектированная Госпланом сумма ассигнований колхозам, можно смело сказать, будет превзойдена в несколько раз.

При новом пересмотре пятилетки, который теперь происходит, следует основательно пересмотреть и изменить темпы прироста, суммы вложений в

---

[1]) «Перспективная ориентировка Госплана на 1927/28—1931/32 гг.», изд. 1928 г., стр. 33.

обобществленный сектор с. х. Ибо просчеты на этом участке могут быть не только технического, но и социального порядка. Просчеты здесь принесут нам большие издержки на счет той стихийности процесса коллективизации с. х., который охватил теперь широкие круги крестьянства.

Мы не сумели бы в таком случае планово охватить вновь возникающие колхозы, направить их развитие по более рациональному пути. Если мы, исходя из задач партии в области коллективизации с. х., огромного народно-хозяйственного значения колхозов и совхозов и стихийной волны их организации, хотим отразить это в соответствующих темпах развития, то мы должны подогнать к ним и всю сумму других мероприятий в области с. х. Значительно по-иному тогда будет выглядеть направление и масштаб в области машиноснабжения деревни, развития с.-х. индустрии, мероприятия по землеустройству, мелиорации, переселенческому делу, агрономической помощи, и т. п. Размещение предприятий по переработке с.-х. продуктов, агрономических, ремонтных и случных пунктов тогда придется увязать с планом коллективизации с. х. (строить, организовывать при старых и вновь организующихся колхозах). Тогда придется в значительно большей мере позаботиться и о такой важной стороне дела, как организация сбыта продукции колхозов. Встанет острее проблема подготовки организаторов, новых агрономических сил, переподготовки старых агрономов в агрономов-коллективизаторов, чтобы суметь организационно и агрикультурно обслужить колхозы и совхозы. Встанет тогда и в качестве более непосредственной задачи увязка процессов коллективизации с. х. с научноисследовательской мыслью наших с.-х. институтов, опытных станций и т. п. учреждений. Все это на ряду с другими мероприятиями по лучшей организации труда (распределения и его учета), с мероприятиями по укреплению внутреннего строя колхозов должно вести более безболезненно к максимальному хозяйственному эффекту коллективизации сельского хозяйства. Это будет достигнуто, если не только партия, но все советские элементы страны хорошо поймут, что только на путях ускоренного развертывания обобществленного сектора в с. х. обеспечено ускоренное развитие сельского хозяйства.

Р. Гринберг.

К вопросу о классовых „искривлениях" в кооперации.

(Из опыта овцеводческой кооперации на Сев. Кавказе).

6 октября 1927 г. «Правда» поместила замечательный фельетон т. Квиринга «Волки в овечьей шкуре», в котором описывалось, как «крупные капиталисты-овцеводы Терского округа, прикрываясь вывеской «культурного» хозяйства, вывеской кооперативного товарищества «Меринос» и т. д., ведут свое хозяйство самыми беззастенчивыми эксплоататорскими приемами». В этом фельетоне тов. Квиринг приводил ряд очень убедительных цифр и поучительных фактов, иллюстрирующих искривление нашей классовой политики в. деревне.

Тов. Квиринг был, конечно, совершенно прав, высказывая в фельетоне предположение, что «зубры сохранились не только в Терском округе, но и в Дагестанской республике, Ставропольском, Сальском, Донском и др. округах».

На основании совершенно точных материалов [1]) нам хотелось бы подробно остановиться на некоторых существенных недостатках, которые имеются в строительстве специальной овцеводческой кооперации на Сев. Кавказе.

1. «Дикость» и ее причины. В своей резолюции «О работе в деревне» XV партс'езд отметил «факт существования лжекооперативов, служащих маскировкой кулацких «товариществ», использующих все права и привилегии кооперации. «Существенным недостатком организационной работы кооперации, говорится в той же резолюции, является также наличие массы так называемых «диких» кооперативов, все еще не вовлеченных в общую централизованную систему кооперации».

Соответствующее обследование РКИ овцеводческой кооперации устанавливает, что подавляющее большинство овцеводческих об'единений до сих пор все еще остаются «дикими». Правда, в результате укрепления оргработы Крайсельсоюза, мы за последнее время имеем в этой области известные достижения, все же они далеко еще не достаточны.

В самом деле, ведь одной из основных причин сувеществования «дикости» овцеводческих об'единений является слабость, а подчас и полное отсутствие организационной работы Сельхозсоюза На ряду с территориальной разбросанностью товариществ это является главной и основной причиной «дикости».

Вторая причина существования «диких» и лжекооперативов заключается в так называемой «замкнутой» связи между госзаготовитель-

---

[1]) В основу статьи положены материалы обследования сев.-кавказской РКИ овцеводческой кооперации, протоколы специального заседания президиума краевой РКИ и крайисполкома, брошюра Ставропольского окрсельккредсоюза, 2 доклада зоотехников Животноводсоюза и др. *Р. Г.*

ными организациями и первичными кооперативными товариществами. Так, например, акционерное о-во «Шерсть» нередко практикует закупку шерсти как у отдельного овцевода, члена товарищества, через голову этого товарищества, так и у первичного товарищества, через голову сельсоюза. Авансируя свои закупки по своим принципам, акционерное о-во руководствуется только одним мотивом—как можно больше заготовить шерсти. Вопросы социальные, кооперативные, зоотехнические и т. д. его интересуют в последнюю очередь, а то и вовсе не интересуют. Отсюда и получилась та «диференцированная» политика, которую отмечает РКИ. «Авансы выдавались в зависимости от наличных денег или кредитоспособности авансируемого т-ва или лица». Иначе говоря, чем больше денег или овец имеет данное хозяйство или т-во, тем больший аванс оно получало. Подобное положение неизбежно должно привести к тому, что отдельный овцевод или т-во, в погоне за льготами, предоставляемыми кооперации, будут постольку стремиться к кооперации, поскольку они заинтересованы в кооперативном штампе и печати. Имея возможность сбывать свою продукцию не кооперативным, а другим заготовителям по несколько повышенным ценам и в твердосчетных, а не комиссионно-кооперативных исчислениях, такое «товарищество» никогда не будет спешить к своему кооперированию, оно останется в стороне от действительного кооперативного строительства, от нашего контроля и влияния.

В этом же направлении действует и т р е т ь я п р и ч и н а—несогласованность и разнобой работы местных сельскохозяйственных союзов и земорганов. Местные земельные управления, в распоряжении которых находится госземфонд, сдают по льготным ценам землю в аренду на ряду с действительными кооперативами и отдельным «товариществам», также овцеводам, не входящим в кооперативное об'единение, заключая с ними, помимо договоров с товариществом, особый индивидуальный договор. Такая система аренды не только питает «дикость», но и служит источником наличия в т-вах «скрытой формы суб'аренды, когда в товарищества принимаются фиктивные члены, которые после использования произведенных посевов или нагула промышленного скота вновь выходят из членов товарищества» (краевая РКИ). Тем не менее, земорганы считали возможным сдавать таким «товариществам» и отдельным «культурным» овцеводам в аренду землю на 12 лет! По той же системе земорганы распределяли и государственные средства в виде агро-зоотехнической помощи населению.

Все вместе взятое продолжает до сих пор служить основным источником «дикости» в овцеводческой кооперации. Большинство овцеводческих «товариществ», поскольку оно имеет возможность получать все льготы, предоставляемые с.-х. кооперации, и б е з вхождения в сельсоюз, не заинтересовано в своем «осоюжении», так как это последнее, кроме отчисления «товариществ» известной части паевого капитала в союз и взятия т-вами на себя определенных обязанностей, ничего положительного уже дать им не может. Именно это, как отмечает РКИ, привело к тому, что «вопрос кооперирования овцеводческих хозяйств практического разрешения до сих пор не получил... В обследованных товариществах кооперирование свелось к... аренде земель ГЗИ, получению банковских и пр. кредитов с п о с л е д у ю щ и м и х р а с п р е д е л е н и е м п р о п о р ц и о н а л ь н о и м у щ е с т в е н н о м у п о л о ж е н и ю о т д е л ь н ы х ч л е н о в».

2. С о ц и а л ь н ы й с о с т а в о в ц е в о д ч е с к о й к о о п е р а ц и и. XV партс'езд отмечая, что «в основном наша кооперация является кооперацией бедняцко-середняцкой», обращает в то же время внимание кооперации на наличие «ряда крупнейших недостатков, ошибок, искривлений, иногда и вопиющих нарушений политической линии партии... Необходимо отметить, говорит та же резолюция, что земорганы, органы кооперации и

сельхозкредита обращают далеко не достаточное внимание на проведение правильной пролетарской политики в деревне (машиноснабжение, кредит, применение аренды, землеустройство и т. д.), не давая нередко должного отпора притязаниям кулачества». Анализ социального состава овцеводческой кооперации С. Кавказа особенно ярко и выпукло вскрывает это «вопиющее нарушение политической линии партии».

Ряд данных говорит нам, что с социальным составом животноводческой кооперации вообще и овцеводческой в особенности мы имеем определенное неблагополучие. Зоотехники Животноводсоюза, об'езжающие Ставропольский и Моздокский районы, отмечают, что в овцеводческой кооперации преобладает зажиточный элемент. Как на курьез они ссылаются на кооперативное т-во «Руно», в котором из 52 членов—42, т.-е. 80,4%, были лишены права голоса! Т-во «Меринос» является семейно-родовым об'единением зажиточных хуторян граждан Кошелей.

Ставропольский окрселькредсоюз признает, что «средний уровень членов т-в хозяйственно выше среднего уровня населения». Обращаясь к сопоставлению количества голов скота у кооперированного и некооперированного хозяйства по Ставропольскому округу, мы находим, что в районе деятельности 41 обследованных товариществ (не только овцеводческих) у кооперированного хозяйства число голов скота в среднем равняется 48,15, у некооперированного только 11,25. В другом районе деятельности 30 обследованных товариществ мы имеем такие цифры: 29,1 голов скота для кооперированного и 9,2 для некооперированного хозяйства.

РКИ, по обследовании социального состава овцеводческих товариществ в разных округах Северо-Кавказского края, разбила всех членов т-в на 3 группы—бедняки, середняки и зажиточные,—пользуясь методом «индивидуального подхода к имущественному положению каждого члена товарищества». Заранее оговариваемся, что мы не знаем, в чем конкретно заключается этот метод и насколько он правилен и точен, но цифры и выводы РКИ, даже если они и не совсем точны, стоят того, чтобы их здесь привести целиком.

Наименование т-ва	Число членов	Из них:					
		Бедноты	В %%	Середняки	В %%	Зажиточн.	В %%
„Меринос"	27	—	—	9	33,3	18	66,4
„Огуз"	17	3	17,6	8	47,0	6	35,4
„Величаевское"	207	34	16,4	137	66,1	36	17,5
„Скотовод"	70	10	14,3	46	65,7	14	20,0
„Ставрополь"	18	4	22,2	7	38,9	7	38,9
„Труд. Овцевод" № 2	11	—	—	7	63,6	4	36,4
Сальский „Овцевод"	8	—	—	4	50,0	4	50,0
„Труд. Овцевод"	10	3	30,0	3	30,0	4	40,0
Итого	368	54	14,4	221	60,1	93	25,5

Приводя эти данные, РКИ между прочим оговаривается, что здесь еще «д о п у с т и м ы п о п р а в к и в с т о р о н у у в е л и ч е н и я п р о ц е н т а з а ж и т о ч н ы х». Еще более разительны цифры, характеризующие степень экономической мощи отдельных социальных групп в овцеводческих т-вах. В 8 обследованных типичных т-вах общее количество овец равно 87.343. Из них в руках бедноты находится—1%, середняков—5%,

а зажиточных—94%. Сгруппировав эти данные в виде таблицы, мы получим следующую картину:

Социальная группа	Число член. Абс.	В %%	У них овец Общ. колич.	В %%
Беднота	54	14,4	873	1
Середняки	221	60,1	4.367	5
Зажиточные	93	25,5	82.103	94
Итого	368	100,0	87.343	100

Итак, 74,5% или ¾ всех членов товариществ владеют только 6%, или несколько больше $^{1}/_{20}$ количества всех овец, в то время как остальные 94% или $^{19}/_{20}$ всех овец находятся в руках только 25,5%—одной четверти—членов т-ва.

Отсюда вполне понятна и та руководящая роль, которую занимает верхушка овцеводов в реализации шерсти, даже когда она происходит через овцеводческое товарищество. Обследование 3 овцеводческих т-в по сбыту шерсти в рублях дает такие цифры:

Социальные группы	Продано в руб.	В %%
Беднота	3.499	2,5
Середняки	24.477	20,1
Зажиточные	105.977	77,4

Эта таблица, интересная сама по себе, подтверждает в то же время выводы предыдущей таблицы. Разницу в %% между количеством овец и сбываемой шерстью в отдельных группах нужно отнести исключительно к тому, что в первом случае мы имеем данные по 8 т-вам, а здесь только по 3. Кроме того, надо полагать, что известное количество шерсти, принадлежащей главным образом зажиточной группе, было ими реализовано и помимо товарищества или было оставлено для потребления в своем собственном хозяйстве.

Нужно ли доказывать, что существующее между отдельными социальными группами соотношение накладывает определенную печать на всю деятельность овцеводческой кооперации.

3. Кредитование овцеводов. Как распределяются полученные т-вами кредиты между социальными группами, показывают следующие данные обследования:

Наименование товариществ	Долгосрочн. кред. Всего отпущ.	из них: Бедн.	Середн.	Зажит.	Краткосрочн. кредит Всего отпущ.	из них: Бедняк.	Середняк.	Зажит.
„Ставрополь“ .	4.600	—	460	4.140	47.825	1.525	5.655	40.645
„Меринос“ . .	—	—	—	—	21.207	—	1.776	19.425
„Величаевское“	—	—	—	—	1.020	10	495	515
„Скотовод“ . .	17.900	1.335	9.687	6.878	5.000[1])	175	1.945	830
Всего	22.500	1.335	10.147	11.018	12.996	1.710	9.871	61.415
В %% . . .	100,0	5,9	45,1	49,0	100,0	2,3	13,5	84,2

Таким образом, из всей суммы долгосрочных кредитов бедноте попадает только 5,9%, остальные 94,1% почти поровну распределяются между середняками и зажиточными. В отношении краткосрочных кредитов дело обстоит гораздо хуже. Бедноте попадает только 2,3%, середнякам—13,5%, а подавляющая их масса, 84,2%, попадает зажиточным. Это явление

[1]) 2050 руб. не были использованы.

может быть об'яснено, во-первых, тем, что беднота, которой не предоставляют должного долгосрочного кредита, сама избегает краткосрочного, ибо последний выдается на срок 2—8 месяцев, во-вторых,—и это главная причина такого «диференцированного» распределения кредита, — вследствие того, что «распределяемые банковские кредиты в подавляющей массе попадали зажиточному элементу, так как их распределение шло по строго выдержанному принципу—чем зажиточнее хозяйство, тем больше кредита попадает ему, так как кредиты распределялись по наличию овец в хозяйстве, чем в корне нарушались основные директивы—поддержание бедноты» (РКИ). К чему приводило такое кредитование и какую «поддержку» получала при этом беднота—об'яснять не приходится. РКИ совершенно справедливо отмечает, что при подобном кредитовании «значение банковских кредитов на кооперации сказалось лишь на зажиточных группах и середняцких, так как если в товариществах случайно (!!! *Р. Г.*) и попадало действительно бедняцкое хозяйство, то по его имущественному положению, на его долю приходилась такая ничтожная часть кредита, что на под'ем его хозяйства он никакого значения не имел».

4. Аренда земли. Выше мы уже затронули этот вопрос. Мы отметили, что в товариществах далеко не редко встречается скрытая форма суб'-аренды, когда в т-ва принимаются фиктивные члены. Остановимся на этом вопросе несколько подробней. Попробуем привести все мотивы, вскрывающие существующие искривления нашей классовой политики в вопросе аренды и об'ясняющие, почему зажиточные овцеводческие хозяйства так стремятся к своему «кооперированию».

У зажиточного хозяина много овец, много скота, земли же у него после аграрной революции недостаточно. Надо эту землю у кого-то арендовать. И как можно больше, и как можно, конечно, дешевле. Кстати, под боком в распоряжении заморганов имеется подходящая для него земля. Если это можно и выгодно, зажиточное хозяйство, входящее в товарищество, индивидуально заключает договор с заморганом об аренде земли на 12 лет, не связывая себя с договором товарищества. Но получить достаточное количество земли, да еще по дешевой расценке, не всегда возможно. Гораздо выгоднее и безопаснее, так сказать, получить эту землю через кооперативное товарищество. Отсюда—«зажиточные овцеводы, кооперируйтесь!». «Кооперируйтесь, чтобы как можно больше и удобнее получить помощь со стороны враждебного нам пролетарского государства!»

«Кооперируйтесь, чтобы попробовать ликвидировать результаты аграрной революции!»

Что мы имеем дело именно с такой психологией и такими попытками, показывает анализ цифр по аренде земли. Наиболее подробные данные мы имеем по Ставропольскому округу. Цифры, правда, относятся к концу 1926 года, но, как видно из обследования РКИ, значение их в основном сохранилось и для сегодняшнего дня.

Всего по данным 28 животноводческих (не только овцеводческих) товариществ ими арендуется 42.751 десятина земли. Из них 38.136 десятин (89,3%) арендовано у земуправления из земель госфонда. Остальные 10,7% арендованы у совхозов, земобществ и т. д. Это, кроме всего прочего, об'ясняется и тем, что арендная плата земель госфонда самая низкая—чуть ли не 10 коп. за десятину в год.

В использовании арендованных земель мы различаем три способа распределения: первый—земли, арендованные товариществами, оставшиеся в общем пользовании. Второй—земли со смешанным способом

использования (часть в общем пользовании и часть распределяется между членами). Т р е т и й—земли, которые распределяются между хозяйствами ч л е н о в т о в а р и щ е с т в. Суммируя все данные по 28 товариществам, мы получим такую таблицу:

Формы землепользования.	Число т-в	%%	Общая площадь земли	В %%
1) Земли в общ. пользовании	10	36,0	12.573	29,4
2) Земли в общ. и частном распр. . .	2	7,0	3.157	7,4
3) Распределен. между членами т-в . .	16	57,0	27.021	63,2

Если к 27.021 десят. 3-й группы прибавить часть земель 2-й группы, которые тоже частично распределяются, то окажется, что 28—30 т ы с я ч д е с я т и н или 63 — 65% в с е й а р е н д о в а н н о й т о в а р и щ е с т в а м и з е м л и р а с п р е д е л я ю т с я м е ж д у о т д е л ь н ы м и ч л е н а м и. Если вспомним здесь приведенный уже однажды вывод РКИ, что «...в обследованных товариществах кооперирование свелось... к аренде земель ГЗИ... с последующим их распределением п р о п о р ц и о н а л ь н о и м у щ е с т в е н н о м у п о л о ж е н и ю о т д е л ь н ы х ч л е н о в», то и без дальнейшего анализа цифр можно утверждать, что чем зажиточнее хозяйство, тем больше земли им арендуется.

Посмотрим, однако, какие группы хозяйств пользуются распределенной землей. Данные по 11 товариществам, позволяют составить такую таблицу (на основании признака надельной земли, имеющейся у членов товарищества).

Наименование товариществ.	Число членов т-в.	Общ. количч. аренд. земли.	Из нее распределено.	По группам, имеющим надельную землю							
				Безземельн		2,1 до 5 д.		5,1 до 10 д.		10 д. и выше	
				Колич.		Колич.		Колич		Колич.	
				Хоз.	Дес.	Хоз.	Дес.	Хоз.	Дес.	Хоз.	Дес.
„Своб. Труд“	14	400	400	—	—	—	—	—	—	14	400
„Труд и Польза“ . .	21	1900	1900	—	—	—	—	—	—	21	1900
„Новый Путь“. . . .	7	·12000	12000	—	—	—	—	—	—	6	12000
„Марсилис“.	52	202	111[1])	—	—	2	4	17	28	33	790
„Шевнот“.	13	1150	1150	—	—	—	—	3	182	10	968
„Жив. Мир“.	5	300	300	—	—	—	—	—	—	5	300
„Ташла № 1“	11	420	420	—	—	—	—	—	—	2	420
„Север“.	9	150	150	—	—	—	—	4	73	5	77
„Б. Кугульта“. . . .	18	900	900	—	—	—	—	4	150	14	750
„Маслопресс“	45	1559	1559	45	1559	—	—	—	—	—	—
„Шерсть“.	28	2182	2147	—	—	—	—	—	—	20	2147
Итого . .	223[2])	21163	21037	45	1559	2	4	28	433	136	19041
В %%. .	100%	—	100,0	21,3	7,4	0,9	0,0	13,3	2,1	64,5	90,5

Какие же выводы можно сделать из данных этой таблицы?

В о - п е р в ы х, группы безземельных и с наделом от 2 до 5 десятин, составляющие 22,2% всех членов товариществ, арендуют всего 7,4% всей арендованной земли. Если учесть, что вся эта группа сосредоточена в двух товариществах («Марсилис» и «Маслопресс»), то окажется, что по всем остальным 9 товариществам безземельные и малоземельные а р е н д о в а н н о й з е м л е й н е п о л ь з у ю т с я вовсе.

[1]) В таблице приведены данные о распределенных 111 десятинах. О распределении остальной земли данных нет. *Р. Г.*

[2]) Из 223 членов т-в арендной землей пользуются 211. 12 членов т-в землей не пользуются.

В о - в т о р ы х, группа с наделом от 5,1 до 10 десятин, составляющая 13,3% всех хозяйств, арендует только 2,1% всей арендованной земли.

В - т р е т ь и х, группа с наделом свыше 10 десятин, составляющая 64,5% среди всех членов товариществ, арендует 90,5% всей арендованной земли.

Конечно, не всякое хозяйство с наделом 10 и выше десятин- -кулацкое. Но приведенные данные определенно показывают нам, что распределение земли госземфонда происходит явно н е п р а в и л ь н о. Земля госземфонда предназначена служить опорой и поддержкой с.-х. кооперации в кооперировании и под'еме п р е ж д е в с е г о бедняцко-середняцких групп деревни и ограждении их от эксплоататорских притязаний кулака. На практике же происходит обратная картина. Подавляющая часть земли попадает единоличным зажиточным хозяйствам и закрепляется за ними на 12 лет. Именно в этом и заключается то искривление нашей классовой линии в деревне, о котором говорится в резолюции XV партс'езда. Именно поэтому, не откладывая дела в долгий ящик, надо решительно добиться проведения в жизнь практических директив XV с'езда... «Постепенное сокращение площади земли, сдаваемой в аренду в тех районах, где аренда земли ведет к росту кулацких элементов. Ограничение срока аренды не более как сроком одного севооборота, но не свыше 6 лет»... «Решительно карать, как за уголовное преступление виновных в нарушении закона о всяких видах суб'аренды. Сдавать в аренду государственные фондовые земли главным образом хозяйствам трудового типа, ограничив срок аренды шестилетним периодом».

Расходы по аренде земель товариществами покрываются различно из сумм, собранных у членов товариществ соответственно количеству десятин, ими арендуемых, соответственно количеству у них овец, или поровну между членами. Здесь приведем один интереснейший факт. «Знаменитое» товарищество «Руно» арендует 6.000 десятин по 60 коп. за десятину. Оказывается, что 3.000 руб. арендной платы, составляющих арендную плату за 5.000 дес., фактически внесено д в у м я м о щ н ы м и ч л е н а м и. Использовали они эту землю сами, или сдали ее частично в суб'аренду, или на основании такого внушительного земельного фонда создали свой собственный «кооператив»— мы не знаем, но этот факт лишний раз показывает, что кулацкая и, отчасти, зажиточная верхушка деревни, лишенная в результате Октябрьской революции своих земельных фондов, пытается обойти все наши решения и мероприятия, используя существенные искривления нашей пролетарской линии в области сельскохозяйственной кооперации, кредитования, аренды земель и т. д.

5. П р и м е н е н и е н а е м н о г о т р у д а. У зажиточного члена товарищества много овец. Ему через кооперацию удалось из государственных средств и фондов получить кредит и нужное ему количество земли из госземфондов. Чтобы справиться с своим хозяйством, он уже вынужден прибегать к наемному труду. К сожалению, на этот счет в нашем распоряжении нет соответствующих цифр. Приведем, однако, выводы, к которым пришла РКИ: «применение наемного труда р а с п р о с т р а н е н о среди зажиточных членов товарищества, и без такового, по мощности своих хозяйств, обойтись они н е м о г у т» (!).

«Наемный труд бывает нескольких видов: я в н ы й, когда рабочие нанимаются со стороны и регистрируются должным образом, и с к р ы т ы й, когда обслуживание крупного хозяйства происходит при обоюдном согласии отдельными родственниками, б е д н я ц к и м и ч л е н а м и, п о л у ч а ю щ и м и з а р п л а т у о т з а ж и т о ч н ы х (о в ц а м и) и о д н о в р е м ѐ н н о о б с л у ж и в а ю щ и м и с в о е н е з н а ч и т е л ь н о е с т а д о и крупное стадо зажиточных ч л е н о в, и, н а к о н е ц, к о г д а о т д е л ь н ы е к р у п-

ные члены, не желая брать на свое имя батрака, соединяются в группы, внося следуемую зарплату правлению т-ва, пользуются услугами батрака для обслуживания собственных хозяйств в то время, как батрак числится на службе у товарищества».

Это заключение, между прочим, об'ясняет нам, почему в овцеводческой кооперации, которая по преимуществу об'единяет зажиточную верхушку овцеводов, мы встречаем небольшой % бедняков. Ларчик открывается очень просто. Зажиточные овцеводы, которые по своей хозяйственной мощи не могут уж обходиться без применения наемного труда, но не желают иметь дела с охраной труда, с профсоюзом и т. п., числиться в разряде эксплоататоров, используют в качестве батраков маломощных членов овцеводческих товариществ или уговаривают своего фактического батрака вступить в члены того же овцеводческого товарищества, предоставляя ему даже для этого и нужное количество овец. Этим зажиточные овцеводы достигают во-первых, затушевывания подлинной классовой сущности товарищества, членами которого они являются: какое же это кулацкое товарищество, раз оно среди своих членов имеет бедноту? Какое же это эксплоататорское товарищество, в котором обслуживание стада товарищества обобществлено? Ибо член товарищества, который занимается выпасом стада, пасет ведь не только свое стадо, но и стадо товарищества. Разве разберет обследователь или инструктор, что тот член товарищества, который обслуживает кооперативное стадо, сам-то никакого стада не имеет: из сотни овец, которых он пасет, ему принадлежит всего одна овца, а остальные 99 принадлежат зажиточным овцеводам? Для еще большего затемнения социальной сущности такого «товарищества» члены его иногда «организуют даже частичные коллективные (не шутите!) выпасы небольших племенных ядер, для которых члены товарищества выделяют овец худшего качества» (РКИ).

Во-вторых, принимая в товарищество бедноту, зажиточный хозяин получает возможность эксплоатировать наемный труд безгранично и бесконтрольно, без боязни попасть в разряд эксплоататоров, без необходимости заключения договора, считаться с профсоюзом, охраной труда и т. д. Кулацкое хозяйство, которое таким путем эксплоатирует наемный труд, юридически и статистически превращается в «трудовое», «кооперированное» хозяйство.

Таким образом, зажиточное хозяйство, пользуясь ширмой кооперативного товарищества, не без успеха пытается получить из средств государства громаднейшую поддержку в виде авансов и кредитов. За ширмой того же кооперативного товарищества зажиточное крестьянство пытается восстановить и увеличить свой земельный фонд через аренду земли из госфонда. За ширмой кооперативного товарищества зажиточное и кулацкое хозяйство получает возможность бесконтрольно эксплоатировать наемный труд.

Такое положение находится в вопиющем противоречии с основной установкой XV партс'езда и последнего пленума ЦК ВКП(б). Апрельский пленум ЦК, исходя из всей установки XV с'езда и текущего момента, указал, что «наступление на кулачество»... развиваясь на основе дальнейшей товаризации основных масс крестьянского хозяйства... должно развиваться путем систематического роста налогового обложения кулачества, ограничения его эксплоататорских стремлений (законодательство о труде, аренде, земельная политика вообще, классовый принцип в машиноснабжении и кредитовании сельских хозяйств и т. д. и т. п.), с одной стороны, и, с другой стороны, путем всемерной и всесторонней поддержки кооперативных широких масс крестьянства, всех видов коллективного хозяйства, организации деревенской бедноты и систематического роста всех форм и методов государственно-планового воздействия на рынок и мелкое крестьянское хозяйство».

Для проведения директив XV с'езда и пленума ЦК надо себе в первую голову уяснить и не закрывать глаз на то, что то направление овцеводческой кооперации, которое мы здесь рассмотрели, решительно ничего общего с нашей кооперацией не имеет.

Наоборот, в существовании и развитии такой кооперации заложена опасность роста враждебных нам социальных элементов деревни. Недавно закончившаяся сессия совета Животноводсоюза в своих решениях сделала уже ударение на выправлении классовой линии в кооперативном строительстве. Надо еще решительнее бороться с насквозь реакционным «экономическим», «хозяйственным» взглядом, который в реализации всей нашей текущей политики видит только опасность уменьшения товаризации и ничего более. Ущемляя кулака, кооперируя действительные трудовые массы овцеводов—бедноту и середняков—предоставляя им действительную поддержку, мы получим такой рост продукции и товарной шерсти, что она покроет кулацкую овечью шерсть, которая неизбежно будет уменьшаться в результате «стрижки» самого кулака.

И. Архинчеев.

На путях культурной революции.

Советская демократия возвышается на материально-технических достижениях современной мировой культуры. Выдвигающаяся сейчас в гигантских очертаниях проблема культурной революции является выражением того непреложного факта, что реальные условия развития советской демократии — условия российской действительности, которые В. И. Ленин называл «полуазиатской бескультурностью», оказались исключительно неблагоприятными: гигантская страна «Евразия», в огромной своей части являющаяся поистине terra incognita и даже недоступной землей (арктическая, полярная область), с редчайшим населением, в значительной своей части прозябающим на ступенях докапиталистической и даже дофеодальной примитивно-кочевой культуры, с жалкими материально-техническими средствами связи, общения и организации полуторастамиллионных масс чудовищно безграмотного [1]), да и к тому же еще невероятно разноязычного [2]) населения. Эти условия «полуазиатского бескультурья», в сильнейшей степени затрудняя связь советского государственного аппарата с массою населения местами чрезвычайно редко населенной (0,07 жителя на 1 кв. км в ЯАССР) страны, тормозят необходимое прогрессивное развитие советской демократии по пути к все возрастающему вовлечению «трудящегося народа к постоянному, безусловному участию в государственном управлении».

Тормоз «полуазиатского бескультурья» с особой силой действует на так называемом «национальном» секторе советского демократизма — на культурно-отсталых «национальных» окраинах СССР, где поэтому проблема культурной революции выдвигается с исключительной остротой и сложностью. Там на путях развития советской демократии и культурной революции встречаются такие, например, тормозные факторы «бескультурья» (уже не «полуазиатского», а самого подлинно азиатского), как экстенсивно-кочевое скотоводство в экономике й пережитки авторитарио-родового уклада в социальных отношениях; безграмотность, граничащая с полной бесписьменностью, чрезмерное разноречие в языке и т. д.

---

[1]) «Русские (великоруссы) составляют абсолютное большинство во всем населении Союза: по народностям 77.760.000 человек, или 52,8% и по языку — 84.184.000, или 57,3%, в Российской же СФСР соответственные цифры 74.042.000, или 73,4% и 77.840.000, или 77,2%». По грамотности же русские (даже в европейской части РСФСР) дают всего 46,1%. Коренное население самой крупной автономной республики РСФСР — Казакской АССР, казаки грамотны всего-на-все менее 10%. А даргинцы, коренное население Дагестанской АССР, грамотны даже менее чем на 5%. (См. Всесоюзная перепись населения 17/XII 1926 г., краткие сводки, выпуск V, стр. 47—48. Москва. 1928 г.).

[2]) ЦСУ, по данным последней (17/XII 1926 г.) демографической переписи, называет 145 отдельных так называемых «родных» языков и при этом эту цифру кончает обычным у нас—«и прочие»; значит, у нас в СССР сейчас 145+х (прочих) отдельных «родных» языков, при чем, говоря кстати, этих языков меньше, чем отдельных народностей в СССР.

Рассмотрим последовательно, как влияют эти факторы на развитие советской демократии. Начнем с примитивно-кочевой скотоводческой экономики.

* * *

С точки зрения интересующего нас вопроса выдающейся особенностью в жизни отстало-скотоводческих народов является характер их расселения. Экстенсивное скотоводство, в основе которого лежит принцип количества, а не качества, разбрасывает, распыляет население на огромных пространствах. Для того, чтобы содержать свои многочисленные стада на дико растущем подножном корму, скотоводу нужны обширные пастбища и усадебные выгоны. Это обстоятельство исключает всякую возможность образования у скотоводов крупных и компактных поселений. Скотоводческий улус (поселок) обычно состоит из 4—7 дворов, расположенных друг от друга (благодаря своим обширным скотным дворам и усадебным выгонам) на весьма и весьма почтенном расстоянии. А расстояния между улусами простираются на 3—7, нередко и еще больше, верст. Но этого мало. Улусы эти не всегда обитаемы. Они делятся на две категории: «зимники» и «летники». Первые расположены в местах сенокошений и хлебных полей. В них скотоводы живут только в течение зимы — в период зимней кормежки скота. С наступлением весны, с появлением свежего подножного корма на летних пастбищах скотоводы вместе с своими стадами из «зимников» перекочевывают в «летники», где они остаются до осени, до окончания уборки сена и хлеба. Таким образом, скотоводы расселены не только чрезмерно разбросанно, но и текуче, при чем дело обстоит так при так называемом полукочевом скотоводстве. Что же касается вполне кочевого скотоводства, то оно почти совершенно не знает улусов с неподвижными строениями. При нем население постоянно кочует в поисках все новых и новых пастбищ для своих стад; кочует вместе со всем своим скарбом, в том числе и с жилищами—передвижными войлочными кибитками или юртами; кочует во все времена года.

Этот кочевой примитивно-скотоводческий быт представляет собою совершенно исключительную, беспримерную, а порою прямо-таки непреодолимую трудность на путях строительства советской демократии. Благодаря этой трудности до сих пор огромнейшие кочевые районы не поддаются нормальной советизации. Так, например, «до сих пор обширнейший Адаевский уезд, входящий самостоятельной единицей в состав Казакстана, управлялся ревкомами» [1]).

В прошлом году в Адаевском районе предпринят опыт организации особых кочевых советов. Об этом интереснейшем опыте орган средне-азиатского бюро ЦК ВКП(б) «Правда Востока» от 25 мая 1927 г. [2]) сообщает:

«Правительство Киргизстана в текущем году, в виде опыта, решило отправить в кочевые районы передвижной образцовый совет, который бы охватывал все отрасли советского строительства.

Кочевой совет окончательно сформирован и в 20-х числах мая отправляется на джайляу Сусамыр, где летом собираются десятки тысяч кочевников.

Совет состоит из организационно-административного отдела, медицинско-врачебного и ветеринарного пунктов с несколькими врачами, акушерками и прочим персоналом. При совете следует народный суд, помпрокурора, отряд милиции, инструктора по животноводству и молочному делу, красная

---

[1]) См. «Известия» от 29/V 1927 г. Заметка «Первые кочевые советы».

[2]) См. заметку «Советизация киргизских кочевников».

юрта, библиотечки, кинопередвижка, школы ликбеза, политграмоты, передвижные лавки со специальным, необходимым в кочевьях, ассортиментом товаров.

Своей работой кочевой совет охватит как территорию Сусамыра, так и прилегающие к нему горные районы. Все имущество совета будет передвигаться на вьюках, для чего закуплены лошади и несколько верблюдов.

Совет укомплектован из ответственных работников наркоматов и студентов - практикантов. Всего в его составе 52 чел.

Совет должен сыграть громадную роль по советизации этого глухого кочевого района с очень сильным манапским влиянием, со слабо водворенной революционной законностью, с беспощадной эксплоатацией пастухов, батраков. Значительное место в работе совета будет уделено культурно - просветительной части. Батраки этого района впервые услыщат советскую лекцию, беседу, увидят кинофильму.

Наличие при совете врачебных участков, торговых пунктов, несомненно, скажется на ограничении роли невежественных знахарей и обирающих бедноту спекулянтов.

На содержание совета ассигновано 43 тыс. руб. Если первый опыт будет удачен, то с будущего года число кочевых советов будет увеличено».

Состояние советов в типично кочевом Адаевском районе надо умножить, конечно, на все кочевые районы РСФСР, какодых не мало, и с некоторым смягчением и на все полукочевые районы РСФСР, каковых более чем достаточно. Полученное произведение подтвердит, что кочевой, примитивно-скотоводческий быт действительно предстввляет собой совершенно исключительную, беспримерную, а порою прямо-таки непреодолимую трудность на путях развития советской демократии.

* * *

Схематически социальную структуру наших экстенсивно-скотоводческих народов можно представить следующим образом:

На вершине общественного строя, характерного наличием пережитков авторитарно-родовых отношений,—фамильно-родавая знать: баи, аксакалы, тайши—слой не только эксплоататорский, но и правящий; правящий на основании личного фамильного авторитета, опирающегося на традиционное «обычное право», слой безусловно реакционный, во время гражданской войны питавший контрреволюцию. К нему примыкают элементы реакционно теократического духовенства—муллы и ламы.

Дальше идут свободные скотоводы, разбитые, как указывалось выше на многочисленные мельчайшие улусы, по существу представляющие собой разросшиеся семьи и об'единяющиеся в родовые, а затем племенные союзы с родовыми и племенными заправилвми во главе (последние представляют собой агентуру высшей фамильно-родовой знати),—слой, политически и идеологически находящийся под сильнейшим влиянием своей реакционной социальной верхушки и во время гражданской войны занимавший «благожелательный» для последней нейтралитет, слой консервативный.

В самом нижнем этаже этого строя—беднота и батрачество,—самый многочисленный и самый отсталый слой; слой, находящийся не только в безысходной нужде и экономической завнсимости, но фактически и в личном порабощении от верхних социальных этажей. Он в массе своей политически безличен. Его социально-клвссовое сознание парализовано не только его угнетенным, безличным положением, но и еще больше авторитарно-родовой и возникающей из нее религиозной идеологией, по которой знатный и богатый—носитель народной мудрости, народного сознания, в заби-

тая беднота—его рабы по призванию. После революции на глазах этого слоя (хоть и не из его среды) выросла революционная интеллигенция. В лице последней беднота стала видеть восходящую и превосходящую национальную фамильно-родовую знать силу которой она постепенно начинает сознательно симпатизировать. Эта революционная интеллигенция в значительной своей массе является передовым партийным и советским отрядом в этом отсталом строе.

Правда, не малая часть национальной интеллигенции заражена патриархально-родовыми пережитками, и это сказывается на развитии советской демократии в нацокраинах.

* * *

Советский демократизм в отсталых национальных окраинах, как сообщает самая большая «национальная» газета (орган казакских краевого к-та ВКП(б), ЦИК и С.-Дарьинского ГК ВКП(б) — «Советская Степь» от 27/VII—27 г.—«приходит в непосредственное столкновение с еще неизжитыми патриархально-родовыми началами, с жестокой властью бая и аксакала, с пережитками изуверского быта средневековья».

В результате такого столкновения получается порою полное извращение советской системы социально-классовых отношений, т.-е. самой основы советской демократии, заключающейся «в том, что массовая организация именно тех классов, которые были угнетаемы капиталистами, т.-е. рабочих и полупролетариев (крестьян, которые не эксплоатируют чужого труда и которые принуждены продавать хотя бы часть произведений своего труда), является постоянной и единственной основой всей государственной власти, всего государственного аппарата»[1]). Это извращение лучше всего обнаруживается из современного положения «национального» батрачества,—из его нынешнего невероятно чудовищно угнетенного материального и правового состояния. «Много фактов жесткой расправы над батраком за последние два года нам известно из краевой и губернской печати,—говорит «Советская Степь» в только-что цитированной статье и прибавляет.—Напоминаем лишь некоторые наиболее характерные из них.

В Акмолинской губернии бай Максим убил батрака за то, что он воспротивился нанесению ему побоев.

В районе Камышлы-Баги, Кизалинского уезда, баи пытали кулака калеными щипцами. Там же бай-мулла выколол глаза пастуху.

В Чемкентском уезде убит батрак Адиливали. В Семипалатинской губернии, в Сейфулинской волости, бай Умбетбаев после нанесения своему батраку тяжких побоев за попытку во время бурана надеть байскую шубу выбросил его на мороз, где он и погиб.

В Каракалинском уезде бай Кадырбаев порол батрака Актая, заковал его в железные кандалы на целый месяц и водил по аулу, намазав лицо сажей».

При этом баи и аксакалы остаются совершенно безнаказанными. «К нашему глубокому возмущению,—пишет автор цитируемой статьи,—приходится констатировать, что в многочисленных случаях байство, опираясь на свои родовые и имущественные связи с работниками низового советского, в частности судебно-следственного аппарата, остаются совершенно безнаказанными за свои экономические и правовые преступления против интересов батрачества. Нами зарегистрировано много случаев, когда в

[1]) Н. Ленин. Собр. соч., т. XIV, стр. 44. Тезисы о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата на I конгрессе Коминтерна

тяжбе батрака с баем советские и милицейские органы в ауле и волости целиком стоят на стороне бая, его покрывают, создают в его интересах безобразную волокиту и тем преступно срывают борьбу батрака за свои экономические и правовые интересы».

Родовой быт—фактор совершенно исключительной силы. Во многих национальных районах даже волости (не только сельобщества) организуются «исключительно по родовому признаку, вопреки территориальному расположению населения и его экономическому тяготению. В ауле развито почитание богатых, сильных, старших в роде; беднота и экономически и идеологически зависима от байства (кулачества) и находится под его сильнейшим влиянием» [1].

«Массы дехкан - бедняков и середняков отгорожены от настоящей советской власти стеной байского и ишанского влияния и посредничества» [2].

«Существование родовых волостей создает крайнюю административную чересполосицу внутри уезда. Сплошь и рядом части одного и того же рода (одной волости) кочуют совершенно в различных районах. Было предположение провести в виде опыта организацию нескольких волостей по территориально-экономическим признакам; но от этого опыта Адаевский центр в 1927 году отказался, потому что сейчас такая реорганизация волостей (смешанные в одной волости части нескольких родов) неизбежно повлечет за собой развитие вреднейшей междуродовой борьбы».

Роды чрезвычайно чересполосны и перепутаны территориально: «до сих пор вопрос о наделении дехкан землей, правильном распределении ее был только сказочным мифом, ибо земельные отношения сложились в результате захвата сильными родами, родовыми главарями и ишанами лучших постбищ, лучших пахотных угодий. И это влияние было ценным орудием в руках бая в его неустанной борьбе с бедняком».

Посмотрим теперь состояние рабочего аппарата сельсовета (аул-сельсовета), как наиболее слабого и одновременно важного звена в системе советской демократии в условиях кочевого и родового быта наших культурно-отсталых национальных окраин.

* * *

В работе аппарата сельсовета сейчас доминирующую роль играет везде секретарь сельсовета.

«П о г о л о в н а я н е г р а м о т н о с т ь председателей аулсоветов,—сообщают нам из Киргизии [2],—благодаря чему полнота власти переходит в руки секретаря».

«Секретари ведут главную работу, иногда руководя даже работой председателя, так что зачастую председатели являются как бы помощниками в работе секретарей»,—пишут из Якутии [3].

В интересной монографии Г. Тогжанова «О казакском ауле» [4] взаимоотношения председателя и секретаря казакского аулсовета описываются следующим образом:

«Насыпаев—председатель сельсовета. По социальному положению—бедняк, происходит из малого рода, его стесняет принадлежность к малому роду. Он нерешителен, несамостоятелен, старается всем угодить. В сельсовете руководит не он, а его секретарь Мусаев. Было несколько случаев, когда Мусаев при публике посылал предс. «ко всем чертям» и демонстративно отказывался выполнять его распоряжения. Председатель ничего не может сделать против Мусаева, потому что он представитель большого рода, за ним все «почетные люди» и за ним большинство населения первого аула». Поэтому «влияние байства и кулачества на работу аульных и сельских советов еще сильно, в особенности в отношении аульных советов. В ауле байство проводит свое влияние через единовластвующего председателя аулсовета, кулачество в селе—через сход. Одно из самых ярких выражений байско-кулацкого влияния—проведение не поимущественной, но подушной раскладки самообложения на различные нужды. Аулсовет № 3 Алимбетовской вол. (Актюбинская губ.) обложил всех поровну на устройство красной юрты. Сход села Телячинского, Дензинского района (Уральская губерния) средства, недостающие на содержание аппарата сельсоветов, разложил по 150 к. с души. А рядом Батаханский аулсовет того же района на ту же цель организовал самообложение по 10 к. с головы крупного скота. Подушное самообложение практикуется еще во многих аулах и селах Казакстана. В аульных и сельских советах, за редкими исключениями, еще слабо поставлена защита интересов и прав батрачества и бедноты. Ряд председателей аулсоветов был отстранен за противодействие переделу сенокосных угодий (Семипалат. губ., Кустанайск. округ и др. районы).

В условиях байского засилия, под байско-кулацким влиянием еще наблюдаются массовые значительные искажения пролетарской линии в работе аульных и сельских советов Казакстана, в особенности первых» [1]. А в Киргреспублике это байско-кулацкое засилье, питаемое пережитками патриархально-родовых отношений, принимает порой открытую, организованную, демонстративно-антиконституционную форму. Так, «в южных кантонах Киргреспублики сельские советы имеют еще параллельный совету аппарат «аллибашей», упорно избираемый населением вопреки конституционной законности» [2], при чем «нередки случаи, когда аппарат аллибашей представляет из себя кадр людей, коим общество доверяет больше, чем сельскому совету».

Кстати, об упомянутом выше «единовластии» председателя (а на деле, как мы видели выше,—«единовластии» секретаря).

Это единовластие получается потому, что «во многих аулах нет еще понятия о пленуме аулсовета, особенно в кочевых и полукочевых районах; в этих районах наблюдаются случаи, что депутаты, установленным порядком избранные во время перевыборной кампании по участкам, собираются на первый и единственный пленум совета, в некоторых местах называемый «аульным с'ездом». «Аульный с'езд» избирает президиум аулсовета или одного председателя, после чего самораспускается до новой избирательной кампании. В подавляющем большинстве случаев аульного совета как коллективного органа еще не существует, всю работу ведет один председатель» [3].

Как общее правило, «отсутствует постоянный, систематический учет аульного и сельского актива», хотя таковой «актив в аулах и селах имеется и в значительном количестве». Больше того, этот актив «подавляется единовластием председателя аулсовета» и «искаженно проявляется на сходах и подвергается кулацкому влиянию».

---

[1]) См. «Известия» от 23/VI 1927 г. Корреспонд. заметка—«Первые советы в казакских степях» Б. Роднevич.

[2]) См. отчет за 26/27 г. Обл. Исп. К-та Киргизск. Авт. Обл. Всероссийскому ЦИК

[3]) См. отчет 2-й сессии ЯЦИК от 24/VI 1927 г.

[4]) Г. Тогжанов—«О казакском ауле», стр. 64.

---

[1]) См. отчет Казакстана Всероссийскому ЦИК за 2-ю половину 1927 г., стр. 3.

[2]) См. отчет Киргреспублики Всероссийскому ЦИК за 2-ю половину 1927 г., стр. 9.

[3]) Казакстан, отчет за 2-ю половину 1927 г., стр 1.

Как общее же правило, нигде не существует секций при сельсоветах, а если они где и имеются, то «значатся лишь на бумаге». Правда, при этом необходимо указать, как на об'ективную преграду, на пути развития массового советского актива, на «неграмотность населения и большие территории административных советов» и «на бездорожье», затрудняющее связь центра с местами.

* * *

Таково в самых общих чертах современное состояние низовых советов, низовой советской общественности в условиях сохранившихся пережитков авторитарно-родовых отношений, кочевой экстенсивно-скотоводческой экономики и общего «азиатского бескультурья» национальных окраин.

Это «бескультурье» в самом существенном, основном, глубоком смысле выражается в преобладании начал родовых отношений над отношениями социально-классовыми—в преобладании, идущем на пользу эксплоататорским слоям родового общества, а потому этими слоями всячески сознательно культивируемом при традиционной, бессознательной поддержке часто огромного большинства эксплоатируемых слоев.

При этом положении вещей процесс советизации развертывается главным образом давлением сверху, не имея в достаточной мере соответствующего «движения снизу». Давлением сверху выдвигаются бедняки и батраки на командные посты председсельсоветов. Но они, не находя опоры снизу, ждут ее от вышестоящих, руководящих органов. Эту опору они получают запоздало и в виде таинственной [1]) «рябой» бумажки, притом часто на непонятном, чужом языке. Эта бумажка доступна только всеведущему (по положению) сельскому секретарю. Но кто, в большинстве случаев, сейчас, после коренизации низового советского аппарата, этот секретарь, грамотный минимум на двух языках? Он тоже «выдвиженец», иногда даже бесплатно работающий, но всегда работающий созидательно—созидательно, убежденно и умело выполняющий социальные заказы «выдвинувшего» его общественного слоя — родовых заправил, баев, кулаков. Через этого секретаря, в его компетентном толковании получает нынешний выдвиженец — председсельсовета — руководство свыше. Везде и всюду, как общее правило, в работе сельсовета председсельсовету противопоставлен секретарь сельсовета и притом с огромным перевесом удельного веса на стороне последнего. Положение совершенно ненормальное. Оно со всей остротой ставит вопрос о подготовке кадра новых, «своих» советских секретарей, действительных помощников, надежных советников председсельсовета — бедняка и батрака. Но такой секретарь пока-что—только более или менее отдаленный идеал. Ближайшим же образом во всей безотлагательности ставится на местах вопрос о непосредственной (через голову секретаря), живой (на родном языке), повседневной связи председсельсовета с вышестоящими руководящими органами—риками. Скорейшее практическое и техническое разрешение этой связи является сейчас важнейшей организационной мерой по советизации культурно-отсталых районов наших нацокраин. Величайшая трудность по пути разрешения этой задачи, это «преодоление огромных расстояний. Эти расстояния исключают постановку сколько-нибудь систематического живого инструктажа и почты. Помимо того, почтовая связь, как сказано выше, может дать лишь таинственную «рябую» бумагу, а так называемый живой периодический инструктаж предполагает себе, как необходимый минимум, хотя бы некоторую элементарную самостоятельность инструктируемых работников в их повседневной работе; без такого минимума чрезвычайно (в силу огромных расстояний) дорого стоящий

[1]) Выдвиженцы, бедняки и батраки, как общее правило, безграмотны или, в лучшем случае, едва умеют подписать свою фамилию там, куда укажет секретарь.

инструктаж бьет мимо своей цели. Это обстоятельство выдвигает со всей силой вопрос практической организации повседневной связи низовых советов с вышестоящими органами, в частности вопрос телефонизации отсталых национальных районов, который (говоря кстати, но в порядке некоторого отступления от нашей темы в ее собственном, узком смысле) с особой остротой ставится в таких наших отсталых нацокраинах, как Якутия, Бурятия, Карелия. В последней телефонная сеть уже охватила всю низовую систему советов, и, кроме того, еще более развернута радиосеть. Еще в начале прошлого года в своей речи по докладу СНК Карелии в Совете Национальностей ЦИК СССР тов. Нуортев, председатель ЦИК КАССР, сообщил, что «телефонизация Карелии еще не полностью проведена, но почти везде есть радио».

В Бурятии «по отчетам аиков вопросам связи на местах уделялось повсеместно большое внимание», при чем связь аиков с местами по телефону становится уже «обычным способом».

В Якутии также начинают «в виду неналаженности связи... проводить телефоны» [1]).

Чрезмерная редкость населения, распыленность его в пространстве и оторванность населенных пунктов на огромные расстояния друг от друга неизбежно и повсеместно (не только в культурно-отсталых нацрайонах) выдвигают на первый план проблему связи, в особенности телефонизации. Так, «связь имеет превалирующее значение»,—говорит отчет Архангельского губисполкома за 1927 г.—«При огромной территории Архангельской губернии... существенный вид связи, на который обращается весьма серьезное внимание—телефонизация».

«На 1 октября 1925 года имелось телефонизированных телеграфных проводов 4.889 км при 95 телефонных пунктах; за отчетный год количество их возросло до 5.341 км проводов при 101 телеф. пункте, что дает увеличение, по сравнению с прошлым годом на 9,2% проводов и 6,3% тел. пунктов». (Отчет Архангельского губисполкома за 1925—26 г. XII губс'езду советов, стр. 234 и 236).

Но в культурно-отсталых нацрайонах телефон имеет не только то преимущественное значение, что он содействует советизации, но еще является фактором, коренизирующим соваппарат, ибо телефон не только связывает неграмотного батрака-выдвиженца, председателя какого-нибудь сельсовета, с риком в его повседневной работе, но связывает его при этом на его родном языке. Это—факт исключительной важности. В этом смысле от телефонной техники переходим к национально-классовой политике, к советизации и коренизации госаппарата, к превращению ныне беспомощного, безграмотного батрака (бедняка), выдвиженца-национала, являющегося, как указывалось выше, часто простым придатком к своему секретарю, в фактического, политически самостоятельного руководителя порученной ему советской работы. При помощи телефона такой батрак (бедняк) в процессе своей повседневной практической работы повысит свою общую квалификацию несравненно лучше, глубже и разностороннее, чем на специальных курсах подготовки и переподготовки. Кроме того, телефон, несомненно, значительно сократит бюрократизм (канцелярскую переписку) и вместе с тем разгон лошадей и людей по перевозке нужных и ненужных пакетов, т.-е. в конце-концов даст значительную экономию средств и сил.

Поэтому там, где телефонизации придан достаточный размах, она пользуется широкой популярностью среди населения, его сочувствием и даже (напр., в Немреспублике) [2]), его щедрой материальной поддержкой,—факт сви-

[1]) См. отчет 2-й сессии ЯЦИК от 24/VI—27 г.

[2]) См. полугодовой отчет Немреспублики за 2-ую половину 1927 г.

детельствующий об огромном значении телефонизации наших национальных районов.

«Бескультурье» наших отсталых национальностей так велико, что даже политически руководящий кадр низовых советов оказывается в огромной степени безграмотен элементарно, азбучно, технически. Об этом говорят статистические «Итоги выборов в советы РСФСР в 1927 г.»[1].

По этим итогам, из общего числа всех избранных в состав сельсоветов в 1927 году 921.673 членов неграмотных 90.943 человека, что составляет 9,9% против 9,2% неграмотных в 1926 г. При этом, разумеется, особенно высок процент неграмотных в сельсоветах автономных областей и республик, где он поднимается до 23,9%, тогда как в губерниях и округах РСФСР неграмотных почти в два раза меньше, чем в среднем по РСФСР и почти в 5 раз меньше, чем в автономных областях и республиках—4,9%.

Такую же картину мы наблюдаем среди председателей сельсоветов и членов ревизионных комиссий. Среди председателей сельсоветов из 53.342 человек неграмотных 1,4% (в предыдущем 1926 году—1,6%), при чем в автономных областях и республиках процент неграмотных поднимается до 6.1%; по РСФСР без автономных об'единений он отпускается до 0,2%. Из 167.285 членов ревизионных комиссий неграмотных 4.411 человек, что составляет 2,6%; в предыдущем 1926 году—1,5%. По округам и губерниям РСФСР без автономных республик и областей неграмотных—0,5%, но по национальным об'единениям процент неграмотных поднимается до 10,3%, довольно сильно увеличившись против предыдущего 1926 года (6,6%).

За ряд лет удельный вес неграмотных в сельских органах власти обнаруживает очень знаменательную динамику (в проц.):

	1922 г.	1923 г.	1924-25 г.	1925-26 г.	1927 г.
Сельсоветы	11,6	8,4	7,1	9,2	9,9
Председсельсоветов		—	0,8	1,6	1,4
Ревкомиссии сельсов. . .			0,4	1,5	2,6

Процент неграмотных, уменьшаясь в составе сельсоветов с 1922 г. до 1925—26 г., в 1925—26 г. дает повышение, которое продолжается и в избирательную кампанию 1927 года, выразительно сигнализируя собою о т с т а в а н и е р о с т а г р а м о т н о с т и н а с е л е н и я РСФСР о т р а з в и т и я с о в е т с к о й д е м о к р а т и и и, с л е д о в а т е л ь н о, з а т о р м о ж е н н о с т ь э т о г о р а з в и т и я.

За тот же ряд лет в волостных органах власти процент неграмотных обнаруживает следующую динамику:

	1922 г.	1923 г.	1924-25 г.	1925-26 г.	1927 г.
Волостные с'езды	11,7	5,9	3,4	4,9	5,2
Волисполкомы	1,3	1,3	0,7	1,6	2,0
Председатели			0,2		0,1
Ревизион. комиссии . .					1,0

И эта таблица сигнализирует неуклонное повышение процента неграмотных во всех перечисленных органах власти, начиная с 1925—26 г. последовательно до 1927 г.

Еще выразительнее эта динамика в автономных областях и республиках: так, на волостных с'ездах при среднем проценте неграмотных в РСФСР в целом 5,2% по национальным автономиям процент неграмотных составляет 16,5, а в остальной части РСФСР—1,6; в волисполкомах национальных

[1]) См. издание Центризбиркома, Москва, 1927 г., вып. I, стр. 12 и 17.

об'единений процент неграмотных достигает 7,2, при среднем проценте по РСФСР, равном 2,0.

* * *

Элементарная, азбучная, техническая неграмотность в автономных областях и республиках ужасающе и угрожающе велика даже среди членов ВКП(б). «Об этом говорят, например, следующие данные о количестве азбучно-неграмотных среди принятых в п а р т и ю за 1-ю половину 1926 г.:

Наименование организаций	Сколько принято	% азб. неграм. среди них
По ВКП(б) в целом	95.344	3,9
Узбекистан	3.915	50,0
Туркменистан	596	29,6
Азербайджан	2.590	18,5
Киргизия	536	17,3
Казакстан	2.553	9,7
Проч. авт. респ. и обл.	5.251	5,0 [1])

Предыдущий партийный набор в отношении грамотности был относительно лучше, о чем свидетельствуют цифры переведенных из кандидатов в члены партии за то же первое полугодие 1926 г. Вот соответствующая таблица:

Наименование организаций	Сколько принято	% неграмотн. среди них
По ВКП(б) в целом	71.043	1.4
Узбекистан	1.219	20.4
Туркменистан	240	17,8
Азербайджан	1.268	5.1
Киргизия	341	30,0
Казакстан	1.981	9,0
Проч. респ. и обл.	3.189	3,0 [2])

Однако, это о т н о с и т е л ь н о е благополучие следует отнести за счет того, что от первоначального приема в партию до перевода в действительные члены партии кандидаты в члены партии обычно интенсивно работают над повышением своего культурного уровня. Затем это благополучие об'ясняется еще тем, что оно относится к тому партийному набору, который дал относительно большее число служащих и «прочих». Наконец, набор этот по сравнению с набором 1926 г., как это видно из сравнения абсолютных цифр приведенных выше таблиц, был менее массовым, следовательно, в меньшей степени вовлекавшим низы городской и деревенской массы. За учетом всех этих обстоятельств это б л а г о п о л у ч и е становится даже не о т н о с и т е л ь н ы м, а кажущимся, мнимым, иллюзорным, так что процент азбучно-неграмотных среди принятых в партию в последние партнаборы в нацрайонах не только чудовищно велик, но и стабилен, и он говорит о чрезвычайной ограниченности грамотного резерва партии за исключением служащих и «прочих».

На ряду и в связи с этим наблюдается в национальных организациях почти повсеместный рост служащих и категории «прочих», которые, собственно, и составляют грамотный контингент национальных партийных организаций. А всякая серьезная ориентировка на низы, на массы, на деревню, улус, аул немедленно же дает резкое повышение процента азбучно-неграмотных членов в составе национальных парторганизаций. В этом смысле из приведенных выше таблиц партстатистики особенно красноречивы цифры Узбекистана, этой самой передовой из восточно-национальных республик, района

[1]) Г. К а р и б. «Партстроительство в нацреспубликах и областях». «Известия ЦК ВКП(б)», от 15 ноября 1927 г., стр. 14.

[2]) Там же.

интенсивного (трудоемкого) промышленно-хлопководческого земледелия, и цифры Азербайджана—средоточия нашей мирового значения нефтяной индустрии. В общем по этим двум передовым нацреспубликам выявилась следующая картина:

	Принято в партию				Прирост	
	До 1926 г.		В 1926 г.			
	Всего	Из них. % негр.	Всего	Из них % негр.	Абсол. числа принятых	процента неграм.
Узбекистан	1.219	20,4	3.915	50,0	2.696	29,6
Азербайджан	1.268	5,1	2.590	18,5	1.322	13,4

Таким образом, сколько-нибудь серьезные меры к улучшению социального состава партии немедленно же дают угрожающее повышение процента азбучно-неграмотных даже в таких передовых национальных республиках, как Азербайджан и Узбекистан. А известно, что понижение культурного уровня партийной массы автоматически повышает удельный вес и влияние опять-таки тех же служащих и «прочих». Получается как бы «заколдованный круг»: улучшая социальный состав нацорганизации за счет бедняцко-батрацких слоев нацокраин, ухудшаем неизбежно общекультурный уровень этих организаций, что автоматически повышает удельный вес и влияние сократившихся (в процентном отношении) элементов служащих и «прочих», и в общем балансе качество национальных парторганизаций не изменяется или же очень мало изменяется к лучшему. Это обстоятельство, несомненно, лежит в основе наблюдающейся в последнее время стабильности качественного состава парторганизаций в культурно-отсталых нацрайонах на уровне ниже среднего. Выход из этого положения—только на путях культурной революции и прежде всего на путях ликвидации элементарной, азбучной неграмотности трудящихся масс. И дальнейшее развитие советской социалистической демократии лежит сейчас на путях форсированного движения к осуществлению всеобщей грамотности многонационального и разноязычного населения СССР на родном языке каждой отдельной народности, на путях перевода на эти языки всей деятельности соответственного аппарата советской государственной власти, на путях так называемой коренизации этого аппарата.

Исходный момент коренизации аппарата советов, советской власти, советской демократии, это—административно-территориальное районирование по национальному признаку, т.-е. выделение национально-однородных административно-территориальных единиц: сельских обществ, волостей, районов, округов, губерний, автономных областей, автономных республик, союзных республик, и уточнение территориальных границ последних вплоть до проведения межселенного и сплошного внутриселенного землеустройства. И отсюда—провозглашенное первым с'ездом советов в июле 1917 года и подтвержденное вторым с'ездом советов в октябре того же года «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». Это право органически вытекало из самой природы советской социалистической демократии, из интересов коренизации советской власти и приближения советского государственного аппарата к народным многонациональным, многоязычным и разнокультурным массам России, из целей, повторяем, строительства социализма.

Следующим моментом коренизации, составляющим собственное содержание этого понятия, является вовлечение масс отсталых национальностей в дело государственного управления на основе их родного языка и перевод на родной язык делопроизводства всего административного, судебно-следственного, общественно-кооперативного аппарата и всей работы социально-культурных учреждений и работников. Коренизация в этом своем собственном смысле являет собою процесс формирования так называемой «национальной» культуры — «национальной по форме, социалистической по содержанию» [1]): национальной письменности, национальной грамотности, национальной литературы (политической, законодательной, учебной, научной, художественной и пр.), прессы, школы, театра и т. д. и т. п.,—одним словом, всего того, что делает советскую власть действительно «открытой для всех, делающей все на виду у массы, доступной массе». Таким образом, так называемая (чтобы не сказать—пресловутая) «национальная» культура не—цель или самоцель, а средство, орудие, метод строительства социализма через развертывание советской демократии вплоть до ее логического предела — самоотмирания, как формы государственной власти. Этой исторической цели служит, для нее призвана и ее достигнет советская национальная политика, реализующаяся практически в форме коренизации советского государственного аппарата в только-что изложенном выше ее смысле.

* * *

В отношении культурно-отсталых народов СССР,—и именно тех, которых Великая Октябрьская социалистическая революция застигла на различных ступенях докапиталистической культуры и поэтому поставила их перед исторической необходимостью: «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»,—национальная политика советов призвана разрешить именно эту совершенно исключительную проблему: совершить гигантский «прыжок» через целую историческую эпоху—капитализм, миновать эту кровавую полосу истории.

Эта данная диалектикой всемирно-исторического развития проблема определяет собою в основном все своеобразие дальнейшего развития отсталых народов Советского Союза и определяет его как путь «культурной революции». Ибо серьезное социалистическое строительство среди этих народов—в обстановке почти полного отсутствия развитой промышленной техники, капиталистической выучки пролетариата, чудовищной безграмотности, господства самых диких идеологических, психологических и религиозных воззрений, предрассудков и привычек—мыслимо только на основе большого культурного сдвига, переворота. Без такого культурного переворота,—выражаясь по Энгельсу,—«революции сверху» 1917 г. нельзя будет дополнить «движением снизу», которое в капиталистически развитых странах обеспечивается наличием вышколенного капитализмом, классово-организованного и держащего в своих руках весь стальной костяк страны пролетариата и которое (это «движение снизу») развертывается у нас в форме советской социалистической демократии.

* * *

Вывод: форсированное наступление на наше «полуазиатское бескультурье», чтобы в ближайшие годы во что бы то ни стало достичь уровня всеобщей грамотности населения СССР.

Мы должны осуществить всеобщую грамотность населения во имя советской социалистической демократии, во имя приобщения народных масс к культуре, во имя овладения ими лучшими достижениями человеческого ума (знаний, опыта), сохранившихся, сгущенных, материализованных в печатном слове. Неграмотность масс, это—закрытые ворота, отрезывающие народной массе путь к печатному слову. Мы должны настежь раскрыть эти

[1]) И. Сталин, речь в КУТВ в 1925 г.

ворота, чтобы широкой волной, бурным потоком вешних вод залить жаждущую ниву народного сознания, оплодотворить его социалистическим содержанием и окрылить народные массы творческим устремлением к новой, свободной, радостной жизни. Для этого у нас достаточно как моральных, так и материально-технических сил и средств, ибо в отношении этих сил и средств мы опираемся на высшие достижения мировой культуры, мировой науки и техники: у нас достаточно марксистской литературы, соответствующих писателей и ротационных машин, умножающих моральную силу культурного человека, материализованную в печатном слове, в любое число раз, в сказочное число тиражей ежедневной прессы, периодических изданий, книг и всей прочей литературы. Ротатор должен быть поставлен на службу советской демократии и использован в предельной степени.

Нам теперь нужна только всеобщая техническая грамотность населения. Без нее мы не сможем совершить культурную революцию и развернуть советскую демократию, как подлинное строительство социализма.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

М. Брудный.

Наброски к методологии советского хозяйства.

I. О закономерностях социалистического хозяйства.

Нам необходимо начать с распространяемого некоторыми экономистами утверждения, что в социалистическом обществе не будет экономических законов и что в этом смысле социалистическое строительство в СССР имеет своей целью ликвидацию экономических законов. Эти утверждения настолько «разуму вопреки», что мы рискуем вызвать недоверие читателя. Приведем поэтому соответствующую выдержку:

«Не два экономических закона (понимаемых так, как марксизм понимает законы экономики, т.-е. как стихийные, господствующие над обществом и независимые от него силы), вступают в единоборство на поле переходного хозяйства; напротив происходит борьба за ликвидацию и уничтожение в с я к и х (разрядка авторов) экономических законов, т.-е. господствующих над обществом продуктов его собственного исторического развития, за замену этих «законов» осознанными и опосредствованными общественным человеком закономерностями организованного хозяйства» [1]).

Тут, что ни слово, то путаница или вопиющая неправильность.

Прежде всего тут даны два «определения» экономических законов, «понимаемых так, как марксизм понимает законы экономики», на деле обнаруживающие лишь очень... странное понимание марксизма некоторыми экономистами.

Определение № 1. Экономический закон носит характер стихийной, господствующей над обществом и независимой от него силы.

Определение № 2. Экономический закон это—господствующий над обществом продукт его собственного исторического развития.

Оба определения неверны, но неверны по разному.

Первое определение исходит из характеристики экономических законов, как они п р о я в л я ю т с я при капитализме, об'являет это специфически капиталистическое выражение экономических законов единственно-мыслимым определением экономических законов, и затем с легкостью циркового клоуна задачей социалистического строительства декларируется ликвидация «в с я к и х экономических законов».

Второе определение исходит из характеристики экономических законов, как всеобщих законов материальной необходимости, господствующей во всех общественных формациях, об'являет это всеобщее определение специальным определением капитализма и затем манифестирует, как задачу

[1]) А. Леонтьев и Е. Хмельницкая. «Очерки переходной экономики», стр. 91. Эту же точку зрения в еще более примитивной форме развивает А. Кон.

нашего времеии, ликвндацню этих закоиов, т.-е. по существу ликвидацию законов материальиой необходимости.

Так как и у Маркса есть определения экономических законов, «понимаемых так, как марксизм понимает законы экономики», то нелишне будет, пожалуй, вслед за определеннем наших зкономистов прнвести следующие мысли Маркса:

«Царство свободы иачниается в действительиости лишь там, где прекращается работа, диктуемая иуждой н внешией целесообразностью, следовательио, по природе вещей оно лежнт по ту сторону материального производства. Как дикарь, чтобы удовлетворить свои потребности, чтобы сохраиять и воспроиэводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, н он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах пронзводства. С его развнтием расширяется его царство естествениой необходимости, потому что его потребности расшнряются; ио в то же время расшнряются и проиэводительные силы, которые служат для их удовлетвореиия. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социалнэированный человек, ассоциированные производнтели рационально регулируют этот свой обмен веществ с прнродой, ставят его под свой общий контроль вместо того, чтобы, напротив, он, как слепая сила, господствовал над иимн; в том, что онн совершают его с наименьшей затратой снл и при условиях ианболее достойиых и адэкватных их человеческой прнроде. Но тем не менее это все же остается царством необходимостн». (Маркс. «Капитал», т. III, часть 2).

Таким образом, необходимость н непосредственно с ней связанная, на ней основывающаяся закономерность не «отменяется» в социалнстнческом обществе. Можно ли после этого говорить об отмираиин «в с я к н х экоиомнческих законов» вместе с отмнраиием капитализма? Разумеется, иет.

Но цнтированные иами раиьше авторы раэлнчают закономерности и экономнческне законы. Они говорят о замене экономических законов закоиомерностямн.

В основе этой путаницы лежнт неправнльиое иемарксистское поинмание экономическнх законов. Тот простой факт, что экономические законы бывают различного социальиого типа, иаши авторы прниимают то за существование, то за нсчезиовеиие экоиомическнх законов. Форму проявления экоиомических закоиов при капитализме они принимают за вечную сущность этнх законов, и после этого им ничего не остается сказать, кроме того, что борьба за социалнзм есть «борьба за ликвидацню (!) н уничтожеиие (!!) в с я к н х (разрядка авторов!!!) экоиомнческих закоиов».

Эта концепцня вполне соответствует ограничеииому кругозору буржуазного зкономиста, который капиталистнческое проявленне экономических законов прнинмает за едииствеино-мыслнмое н единственно-возможное их проявлеине и затем торжественно н во всеуслышанне декларнрует, что при социализме ие будет зкономическнх законов.

«Поправочка» нашнх авторов к этой концепцнн сводится к тому, что экоиомнческне законы з а м е и я ю т с я закоиомериостями. Но ведь всякий поннмает, что экономнческне закоиы это частиые случаи экономнческой закономериости и нмеино социальный тнп экоиомической закономерности определяет социальиую форму, в которой проявляются экономнческне законы.

Мы извиняемся перед чнтателем, ио в целях виесення ясности вынуждены прнвести пару самых общнх и общензвестных определенний.

В много раз уже цнтнроваином пнсьме к Кугельману Маркс говорнт:

«Для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различиые и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевндно само собой, что эта иеобходимость разделеиия

общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства».

Таким образом, естественная необходимость пропорционального распределення труда между различными отраслями хозяйства лежит в основе любого общественного строя. «Изменяться в зависимости от различных исторических условий может лишь форма, в которой зти законы проявляются». Пропорциональное распределенне всего совокупного общественного труда достигается в различных общественных условиях различным способом. Этот специфический для каждого общественного строя способ распределения труда между различными отраслями хозяйства и составляет своеобразный социальный тип экономической закономерности. Отдельные экономические законы, целиком определяемые ею в своей социальной окраске, регулируют отдельные сферы хозяйственных взаимоотношений людей.

Экономическая закономерность капиталистического строя носит стнхийный характер. Но стихийность и закономерность противостоят друг другу. В стихийном развитии есть своя закономерность, но зта закономерность совсем особого рода — имманентная внутренне-присущая всем явлениям природы. Когда мы говорим о протнворечии между стихнйностью и закономерностью, то мы имеем в виду закоиомерность и стихийность, как протнвоположные формы движения сил природы. Закономерность в этой связи понимается не как имманентная природа, но как устанавливаемая людьми в нх общественной деятельностн. Особенность капиталиэма и заключается в том, что закономерности, устанавливаемые людьми, находятся в неразрешнмом противоречии с стихнйиым характером общественного развития. При таком типе развнтня «постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакцня протнв постоянного нарушеиня этого равновесня». (Маркс).

Таким образом, самая существенная характеристика экономических законов капнталнстического хозяйства заключается в том, что зти законы рождаются в недрах стихнйного развнтня н в своем осуществленин постоянно корректируются основной тенденцней буржуазного хозяйства к нарушению пропорцнй и равновесия.

В социалистическом обществе экономические законы будут выступать не как «реакция против постоянного нарушення» равновесня, а как адэкватное выражеиие постояиной тендеиции к действнтельному хозяйственному равновесню. Новый соцнальный тип экоиомнческой закономериости прн социалнзме определнт экономическне законы, как сознательные регуляторы раэличных сфер хозяйственной деятельности людей.

В этой связи необходимо поставить вопрос о более конкретном определенни закономерностей социалистнческого общества.

В статьях тов. Бухарина: «К вопросу о закономерностях переходного периода» этот вопрос нзлагается, по ившему мнеиию, неверио.

Тов. Бухарнн пншет: «Процесс победы соцналнстическнх, плановых начал есть не что нное, как процесс сбрасываиия законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т.-е. процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат, процесс дефетишизации основного общественного регулятора».

Выходит такнм образом, что закон трудовых затрат,—если прибегнуть к образам тов. Бухарина,—гуляет в социалистическом обществе без белья и в этом как раз суть социалистических закономерностей.

Как ни привлекательно бывает сбросить «греховное белье» с общественных отношенний, однако, как нам кажется, процессом раздевания, «дефетншизации основного общественного регулятора» здесь нельзя ограничиться.

В самом деле, можно ли сказать, что закон пропорциального распределения трудовых затрат является общественным регулятором какого бы то ни было общественного строя? Нет, нельзя сказать. Почему? Потому, что закон пропорционального распределения трудовых затрат — это естественная необходимость. Маркс говорит, что это закон природы и «законы природы вообще не могут быть уничтожены». Может быть закон природы общественным регулятором? Разумеется, нет.

Что же является общественным регулятором? Тот специфический общественный способ, помощью которого достигается это пропорциональное распределение труда. Закон стоимости это не закон пропорционального распределения труда, как естественная необходимость, одетая в «греховное белье» фетишизма, а специфический для товарного хозяйства способ достижения этой пропорциональности, притом такой способ, который проникнут фетишизацией общественных отношений. Закон стоимости, как и всякий другой общественный регулятор, при любом другом общественном строе базируется на вечном законе природы, на естественной необходимости пропорционального распределения труда.

Различие между законом природы и общественной закономерностью, между естественной необходимостью пропорционального распределения труда и общественным регулятором производства можно формулировать еще следующим образом:

Для того, чтобы существовать, люди должны производить да притом производить массы продуктов в соответствии с различными потребностями — в этом проявляется естественная необходимость пропорционального распределения труда.

Для того, чтобы производить, люди должны вступить в определенные общественные отношения и тем самым создать известный тип социально-экономического устройства. Это проявляется в определенном общественном регуляторе материального процесса производства.

Можно ли, следовательно, сказать, что в социалистическом обществе общественным регулятором производства будет «закон трудовых затрат»? Нет, нельзя сказать, потому что на основе «вечного» закона трудовых затрат в социалистическом обществе будет известный тип общественного регулятора, плановый, сознательный.

Здесь необходимо еще прибавить следующие соображения: у нас нет никаких оснований думать, что социализм явится последней фазой человеческой истории. Наоборот, программа нашей партии уже сейчас предвидит, что вслед за социализмом наступит коммунизм, который мы опять-таки не считаем последней фазой исторического развития (хотя, оставаясь на научной почве, мы не можем сказать ничего конкретного о типе и тенденциях развития коммунистического общества). Нельзя поэтому полагать, что «закон трудовых затрат», проявляющийся в различных общественных формациях в различной общественной форме, при социализме выступит оголенно, вне определенной, специфической социальной формы. Это было бы верно лишь в том случае, если бы в социалистическом обществе общественный процесс производства сменился процессом труда. «Поскольку процесс труда есть только процесс между человеком и природой, его простые элементы общи всем формам общественного развития. Но каждая определенная историческая форма этого процесса развития далее развивает его материальные основы и его общественные формы». (Маркс, «Капитал», III, часть 2, стр. 343).

Постановка вопроса тов. Бухарина тем более странна, что он в своих статьях настойчиво и вполне справедливо проводит мысль о недопустимости противопоставления материального содержания экономических законов их общественной форме. Почему тов. Бухарин сам противопоставляет закон ценности закону трудовых затрат? Определенный экономический закон, специфический общественный регулятор — материальному содержанию, естественной основе экономических законов любой общественной формации?

Если вполне прав тов. Бухарин, доказывая недопустимость противопоставления закона ценности надуманному закону социалистического накопления, он все же неправ, по нашему мнению, противопоставляя закон ценности закону трудовых затрат. Закон ценности может быть противопоставлен не закону трудовых затрат, естественной необходимости любого общественного строя, а специфическому общественному регулятору социалистического хозяйства.

Теперь возникает вопрос: может быть, в социалистическом обществе общественный регулятор совпадает, сливается с законом трудовых затрат, потому что там естественная необходимость не опосредствовывается общественной необходимостью; господствует над людьми не через господство над ними их собственных общественных условий, а непосредственно является базой равновесия между обществом и природой?

Но, оставаясь на научной почве, невозможно представить себе социалистическое общество, как абсолютное царство свободы, где люди каждый день меняют общественные формы по своей прихоти, как современный дэнди—одежду. В современном обществе над людьми господствуют продукты их труда; в будущем обществе над ними будут господствовать условия их труда. Осознание естественной и общественной необходимости, общественный контроль над всеми областями хозяйственной деятельности—в этом свобода будущего общества.

Но этого мало. Необходимо строгое различение между социализмом и коммунизмом. Мы ведем речь об общественном регуляторе социалистического хозяйства. Этим регулятором будут плановые органы. Но принцип коммунизма: «от всех по способностям, всем по потребностям»,—не лежит в основе капиталистического хозяйства. Здесь за известное количество труда отпускается соответствующее количество продуктов. Имеет ли это значение для распределения труда между различными отраслями? Безусловно огромное. Переход социалистических производителей из одной отрасли хозяйства в другую будет регулироваться главным образом принципом социалистического общества: «за равное количество труда—равное количество продуктов». На практике окажется, что люди, затрачивая одинаковое количество рабочего времени, получают неравное количество продуктов в силу природных различий и в силу различной приспособляемости к различным отраслям хозяйства. Стремление к наибольшей компенсации за определенное количество труда будет передвигать людей из одной отрасли хозяйства в другую. Таким образом, плановые органы социалистического общества будут испытывать на себе давление общественных условий труда, принципа социалистического общества: «за равное количество труда—равное количество продуктов». Следовательно, определяя ближе содержание планового регулятора социалистического хозяйства, можно сказать, что этим регулятором будет закон эквивалентности трудовых затрат и натуральной компенсации за них, закон, осуществляемый плановым, сознательным образом. По своему материальному содержанию этот закон совпадает с материальным содержанием товарно-капиталистического закона стоимости. Еще более со стороны своего материального содержания закон стоимости полностью начинает осуществляться только в социалистическом хозяйстве. Отсюда, конечно, кое-кто может сделать сверхнаучный вывод о том, что закон стоимости имеет надисторический характер. Но, думается, всякий может понять, что закон эквивалентности трудовых затрат и натуральной компенсации за них—нечто совсем другое по своему историческому типу, по своему общественному способу осуществления, чем закон стоимости.

Ленин, анализируя марксову критику Готской программы, следующим образом высказался по вопросу о регуляторе социалистического хозяйства:

«В первой фазе коммунистического общества (которую обычно зовут социализмом) «буржуазное право» отменяется не вполне, а лишь отчасти, лишь в меру уже достигнутого экономического переворота, т.-е. лишь по отношению к средствам производства. «Буржуазное право» признает их частною собственностью отдельных лиц. Социализм делает их общей собственностью. Постольку — и лишь постольку — «буржуазное право» отпадает.

Но оно остается все же в другой своей части, остается в качестве регулятора (определителя) распределения продуктов и распределения труда между членами общества. «Кто не работает—тот не должен есть»,—этот социалистический принцип уже осуществлен; «за равное количество труда—равное количество продукта»,—и этот социалистический принцип уже осуществлен. Однако, это еще не коммунизм, и это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за неравное (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта.

Это—«недостаток»,—говорит Маркс,—но он неизбежен в первой фазе коммунизма, ибо, не впадая в утопизм, нельзя думать, что, свергнув капитализм, люди сразу научаются работать на общество без всяких норм права, да экономических предпосылок такой перемены отмена капитализма не дает сразу.

А других норм, кроме «буржуазного права», нет. И постольку остается еще необходимость в государстве, которое бы, сохраняя общую собственность на средства производства, охраняло равенство труда и равенство дележа продукта» (Ленин, т. XIV, часть 2, стр. 374).

II. Абстрактный метод Маркса и теория советского хозяйства.

Приступая к изучению советского хозяйства, каждый спрашивает себя, в какой мере здесь применим абстрактный метод Маркса. При этом, хотя почти все единогласно признают не только допустимость, но и плодотворность применения марксова метода, но практически приходят к различным результатам в соответствии с различным пониманием марксова метода. Вообще говоря, отсутствие общепризнанного понимания важнейшей сути абстрактного метода Маркса крайне вредно отзывается в ряде областей теоретического изучения.

Все знают, что Маркс говорил о рациональном зерне в методе Гегеля, а Ленин настойчиво призывал молодежь изучать Гегеля, но не слишком много людей отдают себе ясный отчет в том, какое рациональное зерно гегелевой системы лежит в основе марксова метода. Если мы скажем, что у нас считают «почетным делом» марксиста изучать Гегеля, а презренным делом схоластика критически применять его, то это будет вполне точной формулировкой положения вещей.

Особенно наглядно это выступает в имевших место попытках применения абстрактного метода Маркса к теории советского хозяйства.

Говорят, что абстрактный метод Маркса заключается в абстрагировании от остатков докапиталистических формаций, что в исходном пункте анализа у Маркса идет схема абстрактного капитализма, постепенно осложняющаяся на дальнейших ступенях анализа введением остатков докапиталистических формаций. Этот процесс мышления изображается, как содержание знаменитого марксова восхождения «от абстрактного к конкретному».

Далее говорят, что абстрактный метод Маркса заключается в отвлечении от овеществленных категорий, в том, что анализ начинается с производственных отношений с тем, чтобы затем об'яснить овеществленные категории.

И то и другое, по нашему мнению, не характеризует своеобразия марксова метода. Схема абстрактного капитализма лежит в исходном пункте анализа не только Маркса, но и классиков. Разоблачение же товарного фетишизма является продуктом марксова анализа, а не его исходным пунктом. В размере журнальной статьи дать исчерпывающую картину марксова метода, разумеется, невозможно. Для того, чтобы показать то рациональное зерно в гегелевском методе, которое вместе с тем также характеризует своеобразие метода Маркса, мы позволим себе привести следующий отрывок:

«Мышление вообще есть схватывание и соединение многообразного в единство... Мышление состоит в том, чтобы привести все многообразное к единству. Если дух мыслит о вещах, он приводит их к простым формам, которые являются чистыми определениями духа. Многообразное является для мышления внешним. Когда мы схватываем чувственное многообразие, мы еще не мыслим; только связывание (das Beziehen) его есть мышление. Мышление есть абстракция, когда интеллект исходит из конкретного созерцания, опускает какое-либо из его многообразных определений, производит другое и дает ему простую форму мышления» (Гегель).

Суть приведенного отрывка, скрытая мистифицированным изложением, ярко выступит, если приложить его к конкретному явлению.

Возьмем капитализм. Что здесь, прежде всего, бросается в глаза, что является непосредственным предметом созерцания? Многообразие капиталистических форм. Тысячи разнообразных явлений переплетаются в причудливую мозаику: зарплата и процент, прибыль и рента, рантье и пролетарии, депрессии и под'емы, вексельный курс и безработица, инфляция и голод,—все это составляет многоцветную канву капиталистического общества.

Какова задача исследователя капитализма? Описать и об'яснить все эти явления? Но сотни фолиантов, описывающих до мельчайших подробностей все явления капиталистического общества, еще не дадут никакого представления о законах развития капиталистического общества. Вместе с тем самое детальное исследование всего разнообразия форм и видов зарплаты, как и подробнейший исторический труд о проценте, не об'яснят их, как специфические явления капиталистического порядка.

Почему? Потому, что капитализм, как и всякий другой общественный строй, это—не простая сумма всего многообразия его явлений, а известный исторически-определенный способ производства, порождающий все это многообразие явлений. Понять и об'яснить законы развития капитализма значит прежде всего определить специфичность его способа производства. «Соединение многообразного в единство»—это значит найти источник развития многообразия явлений, показать взаимозависимость и взаимопроникновение явлений, исходя из их общего социального корня.

Ошибка Гегеля заключается в том, как это отмечает Маркс, что он понимает реальное, как продукт углубляющегося в себя мышления, в то время, когда мышление лишь воспроизводит действительность. Но безусловно рациональное в системе Гегеля заключается в том, что для того, «чтобы привести все многообразное к единству», мышление, хотя и исходит из конкретного созерцания, но путем абстракции «опускает какое-либо из его многообразных определений, производит другое и дает ему простую форму мышления».

Под этим углом зрения специфичность абстрактного метода Маркса заключается не в том, что он отвлекается от остатков докапиталистических формаций (хотя и это имеет у него место, как и у классиков), но в том, что он отвлекается на первых ступенях анализа от многих сторон капиталистического общества, кладя в основу исследования самое общее, абстрактное определение капиталистического общества. Этим абстрактным

определением капитализма, лежащим в исходном пункте анализа Маркса, является стоимость. Почему? Потому, что стоимость овеществляет решающее производственное отношение товарно-капиталистического общества. Потому, что это производственное отношение составляет корень товарно-капиталистического хозяйства, из которого вырастает все многообразие его различных сторон и явлений. Но абстрактное определение капитализма не исчерпывает капитализма, как конкретности. Поэтому вместе с развертыванием анализа оно осложняется исследованием различных сфер хозяйственной жизни капитализма, и в итоге появляется «Капитал», изображающий законы капиталистического развития и об'ясняющий различные его явления. В этом суть «восхождения от абстрактного к конкретному».

Эта экскурсия в методологию Маркса и изложение самых общих мест нам понадобилось потому, что некоторые товарищи, ставящие вопрос о применении марксова метода в теории советского хозяйства, неправильно и архипримитивно излагают этот метод и затем уже в силу того, что не только логика иногда бывает неправой, но и неправда имеет свою логику, делают неправильные выводы в отношении советского хозяйства. Это,— во-первых. Во-вторых, правильное, хотя и элементарное, изложение марксова метода чрезвычайно плодотворно в его применении к советскому хозяйству.

Мы не ставим здесь вопроса о правомерности применения абстрактного метода к теории советского хозяйства. Мы полагаем бесспорным, что в советском хозяйстве, как хозяйстве антагонистического типа, этот метод применим. Весь вопрос в том, как его практически применить.

Трудность здесь, очевидно, заключается в переходном типе хозяйства, в том, что в его пределах уживаются различные типы производственных отношений, притом, хотя и в неравной мере, но постоянно воспроизводящиеся производственные отношения. Поэтому абстрактное определение советского хозяйства, кладущее в основу анализа какой-нибудь один тип производственых отношений, и продолжение анализа путем скольких угодно осложнений, но развивающихся по линии этого одного типа производственных отношений, ни в коем случае не даст в результате искомого конкретного советского хозяйства. В самом деле, предположим, что мы в основу анализа положили социалистический тип производственных отношений, исследовав вначале самый общий вопрос о принципах распределения труда в социалистической промышленности. Затем в ходе анализа мы стали осложнять это абстрактное определение нашего социалистического типа производственных отношений изучением ряда явлений на основе того же типа производственных отношений. Можем мы получить в результате этакого «восхождения от абстрактного к конкретному» конкретное советское хозяйство? Нет. В результате самого кропотливого труда мы получим только абстрактную схему социалистической части нашего хозяйства (мы здесь опускаем вопрос, что и эта абстрактная схема будет пестрить темными пятнами враждебного строя общественных отношений).

Можно испытать другой путь: сделать абстрактное определение «чуточку конкретнее». В основу анализа положить не один тип производственных отношений, а оба сразу в виде какой-либо помеси. Этот путь больше всего привлекает, но все же он менее всего возможен. Это такой путь для начала исследования советского хозяйства, который предполагает весь путь пройденным. В самом деле, при таком способе анализа следовало бы поставить с самого начала вопрос о регуляторе распределения труда во всем советском хозяйстве, между тем как этот вопрос может быть понят лишь в результате изучения соотношения различных частей нашего хозяйства.

Следует поэтому вернуться к нахождению абстрактного определения советского хозяйства в недрах одного типа производственных отношений.

Какой это будет тип производственных отношений?

Социалистический тип.

К характеристике абстрактных определений Маркс говорит:

«Простые (абстрактные) категории суть выражения условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность, до установления более многостороннего отношения, или более многосторонней связи, идеальным выражением которых служит конкретная категория». (Маркс «Введение к критике политической экономии»).

Именно социалистические производственные отношения в СССР «суть выражения условий, в которых может реализоваться неразвившаяся конкретность» (социализм).

Точно так же, как переходное хозяйство является преддверием будущего социалистического хозяйства, точно так же абстрактное определение этого хозяйства должно быть прототипом того конкретного, абстрактным выражением которого оно является. Могут возразить, что собственность государства на главнейшие средства производства,—это абстрактное определение социализма, осуществленное у нас,—является абстрактным определением по отношению к развитой конкретности—социализму, но не по отношению к переходному хозяйству. В этом возражении правильно упоминание того, что в переходном хозяйстве уживаются и вместе с тем ведут борьбу различные типы общественных отношений. Но здесь упускается другая не менее важная сторона переходного хозяйства. Переходное хозяйство об'единяет разнородные экономические тела, но оно является переходным хозяйством к чему? Говоря о переходном хозяйстве, мы имеем в виду сожительство различных способов производства. Но еще более важно подчеркнуть, что в самом основании переходного хозяйства заложена тенденция отмирания одного сектора и процветания другого. Наше хозяйство является переходным не к какому-либо из двух типов общественных отношений, заложенных в нем, а к одному определенному, социалистическому типу общественных отношений.

Почему же не может быть абстрактным определением нашего переходного хозяйства собственность государства на главнейшие средства производства, социалистический тип производственных отношений?

Остается отвести еще одно возражение. Социализм, как известно, в противоположность капитализму не вырастает стихийно, а строится сознательным плановым путем. Не предполагает ли выдвинутое нами положение именно стихийное вырастание социализма, стихийное преодоление им капитализма? Это возражение было бы правильно, если бы мы вслед за Преображенским предлагали отвлечься от экономической политики советского государства. Но, как это ясно видно из изложения, мы предлагаем прямо-противоположное. Далее понятно, что хотя социализм и не может стихийно преодолевать капитализм, однако, благодаря экономической политике победившего пролетариата он становится решающей тенденцией хозяйственной жизни. Таким образом, это возражение отпадает.

Однако, после всего этого остается реальная опасность, указанная нами выше. Если не только положить социалистический тип производственных отношений, как абстрактное определение переходного хозяйства, в основу анализа, но и вести дальше анализ по линии одного только социалистического сектора, то в итоге получится не конкретное советское хозяйство, а абстрактная картина его социалистических элементов.

Очевидно, что особенности переходного хозяйства требуют некоторого своеобразия в применении марксова метода. Следует изменить маршрут «восхождения от абстрактного к конкретному».

Причина этого кроется в том, что между абстрактным определением советского хозяйства и его конкретным определением как целостного орга-

низма имеются глубочайшие противоречия в то время, когда при капитализме конкретное является лишь развитием абстрактного.

Абстрактным определением товарно - капиталистического хозяйства следует считать общественные отношения независимых товаропроизводителей. Конкретное в этом случае капиталистическое хозяйство является лишь развертыванием богатого содержанием многообразия форм, потенциально скрытых в одном только производственном отношении независимых товаропроизводителей.

Иное дело — переходное хозяйство. Абстрактное определение этого хозяйства — социалистический тип общественных отношений,—являющееся решающей тенденцией, выражением генерального исторического пути переходного хозяйства, не является, однако, источником развития, резервуаром для всех секторов хозяйства, в частности для его крупнейшего, товарно-капиталистического сектора.

В нашей стране ежечасно рождается социализм, но и ежечасно рождается капитализм. То, что собой представляет конкретное, в данном случае переходное хозяйство, не является развитием одного только абстрактного определения, заключенного в нем, но и развитием совсем другого типа общественных отношений, также заключенного в нем. Очевидно, что дальнейший анализ должен будет развиваться не по пути исследования изолированной социалистической промышленности, а осложняться изучением тех препятствий, которые встречает на своем пути строительство социализма.

Поскольку у нас в стране встречаются явления чисто товарно - капиталистического порядка, нет надобности в этом случае в специальном исследовании. Здесь целиком применимы марксовы законы экономики. Товарно - капиталистические явления представляют предмет исследования теории советского хозяйства лишь в той мере, в какой эти явления модифицируются социалистическим строительством. Здесь мы получаем дополнительное доказательство того, что в основу теории советского хозяйства следует положить изучение социалистического типа производственных отношений, как господствующего по своему удельному весу, по своей исторической тенденции во всем советском хозяйстве. Исследование товарно - капиталистических явлений в нашей стране может быть плодотворно, если к ним приложить анализ абстрактного определения нашего хозяйства социалистического типа общественных взаимоотношений. Тогда, когда будет воспроизведена общая картина переходного хозяйства, когда уже будет показана трансформация капиталистических категорий в нашем хозяйстве в борьбе со строящимся социализмом, тогда же выступят те своеобразия развивающегося у нас социалистического типа, которые порождаются его сожительством с крупнейшими остатками прежних общественных формаций.

Приведенные соображения убедительнее всего могли бы быть доказаны, если исходя из них пытаться конкретно разрешить вопрос об общественном регуляторе советского хозяйства. Но эта тема — для другой статьи.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Ц. ФРИДЛЯНД.—„История Западной Европы 1789—1914 гг“, ч. 1. 2-е дополнен. и переработан. изд. Ц. 4 р. 25 коп.[1])

Эта книга, пишет автор в предисловии, «претендует лишь на научно-популяризаторскую, пропагандистскую роль» (стр. 10). «Ее дополнением является хрестоматия по истории революционного движения XIX—XX вв. Ц. Фридлянда и А. Слуцкого. Обе книги—продукт пяти—шести лет преподавания в рабочих вузах и комвузах» (стр. 9). При рецензировании данной книги мы будем поэтому касаться и хрестоматии и других работ автора, которые являются либо предшественниками данной работы, либо ее продолжением.

Мы не собираемся давать подробный разбор содержания каждой лекции (книга имеет 24 лекции), это потребовало бы довольно обширного реферата.

Мы возьмем для нашего разбора только некоторые вопросы Великой французской революции и на этом примере покажем, что автор не смог справиться с поставленной задачей. Об остальном содержании книги мы дадим лишь общую оценку как по существу, так и с методической стороны.

I. Автор не дает четкой характеристики „старого порядка“.

«Под старым порядком,—пишет автор (стр. 56),—мы понимаем общественный строй докапиталистической Франции XVI—XVIII вв.». А на стр. 143 мы читаем: «В 1799 году победил Бонапарт, и реставрация монархии, буржуазной монархии (в 1-м изд. сказано—«Старого режима» стр. 133) началась». «Наполеон шаг за шагом возвращался к старому порядку» (стр. 192). «Эпоха военной буржуазной диктатуры завершила дело революции, но одновременно вернула Францию к старому порядку» (стр. 189). (Первое исключает второе и обратно). Тут несколько ошибок:

1. Каким образом Наполеон мог реставрировать буржуазную монархию, которой не было перед революцией? Французская монархия XVIII в. была дворянско-буржуазной, и никоим образом ее нельзя расценивать, как буржуазную. Если французская монархия перед 1789 г. была буржуазная, то зачем понадобилось буржуазии ломать свою классовую власть? Яснее ясного, что «старый порядок» никак не подходит под определение «буржуазной монархии».

2. Каким это образом военно-буржуазная диктатура могла вернуть Францию к старому порядку, под которым автор понимает «общественный строй докапиталистической Франции»? Очевидно, в понятие «старый порядок» автор вкладывает еще другой смысл, так как никакой речи не может итти о ликвидации всех завоеваний революции в эпоху Наполеона.

[1]) Помещая рецензию тов. Князева, несколько одностороние построенную на анализе «ляпсусов» автора рецензируемой книги, редакция считает, что подавляющее большинство правильных критических замечаний рецензента может помочь улучшению качества учебника т. Фридлянда.

3. Если понимать выражение «завершила дело революции» в том смысле, что военно-буржуазная диктатура ликвидировала дело революции, то это будет неверно, так как этот период характеризуется закреплением буржуазных завоеваний и крестьянской собственности. Если же понимать это выражение в том смысле, что эта диктатура довела до конца—доделала дело революции, то это тоже неверно, так как феодального хлама было еще не мало и в этот период. Очевидно, термин «завершение революции» автор понимает в своеобразном смысле. Что это так, можем подтвердить еще следующим местом (стр. 178): «В обстановке роста капитализма (1795—1799 гг.) французской реакционной буржуазии удалось завершить буржуазную революцию».

Автор не дает четкого классового анализа абсолютизма.

...«Превращение государственной власти во власть, эксплоатирующую народные массы, характеризует госстрой Франции накануне революции» (стр. 82). Такая характеристика очень обща и не отвечает на вопрос о классовой природе абсолютизма. И «современное представительное государство является орудием эксплоатации наемных рабочих капиталом» (Энгельс). Впрочем, в первом издании этой книги автор пытался дать оценку абсолютизма (стр. 77). «Она (самодержавная власть) «надклассовая» в том смысле, что в известный исторический момент самодержавие Франции повисло в воздухе, ибо по совершенно различным соображениям (?) против самодержавия выступили различные классы... Этот момент наступил накануне самого падения самодержавной власти во Франции».

Если даже считать этот «исторический момент» только кануном революции, то все равно нельзя говорить, что абсолютизм не имел никакой опоры и «повис в воздухе». Нельзя делать таких выводов из того, что абсолютная монархия уравновешивала дворянство и буржуазию.

II. Автор допускает ошибки по аграрно-крестьянскому вопросу.

1. Феодальное дворянство, по мнению автора, «существовало исключительно эксплоатацией рабочей силы крепостного крестьянства» (стр. 69). Более того, «накануне самой революции «старый порядок» переходит в наступление... за укрепление крепостного состояния крестьян» (стр. 57). Кроме сервов, живших преимущественно на монастырских землях, подавляющая масса крестьянства не была закрепощена, и ни какой речи быть не может «об эксплоатации рабочей силы крепостного крестьянства феодалами». Нечего уже говорить об «укреплении крепостного состояния крестьян», раз не было, как правило, этого крепостничества.

2. Половничество, не есть вид собственности, как думает автор (стр 62), а является формой «продовольственной» аренды на помещичьих землях (см. Лукин, стр. 46). Эта ошибка повторяется автором во всех его работах (см. Хрестоматия, 4-е изд., стр. 51, «Тезисы и планы», 5-е изд., стр. 23).

Если «развал старого зашел далеко; от сеньориального права осталось как бы только одно название» (стр. 61) и если «во французской деревне уже созданы были условия для развития капиталистической промышленности и торговли» (стр. 57), то тем самым исчезает одна из основных причин Великой французской революции. Такой степени развала сеньориального права безусловно не было перед 1789 г. Впрочем, почти любому из приведенных положений в той же книге читатель может найти опровержение. Так, например, последнее положение опровергается на стр. 40: «До появления машины там (разумеется Англия, но это относится и к Франции) не было условий (в первом издании—«никаких условий», стр. 38) для развития промышленного капитализма». На стр. 123 «Учредительное собрание отменило феодальные права», а на стр. 129 это положение отвергается. На стр. 69 дворянство описывается, как «наиболее могущественное из трех сословий», а на стр. 77 это могущество переходит к буржуазии. На стр. 72 автор дает общую оценку мелкой буржуазии конца XVIII в., как силе, «мешающей выполнению новой исторической задачи». На стр. 173—174 при оценке якобинской диктатуры, это положение отвергается (мелкая буржуазия способствовала расчистке пути капиталистического развития). На стр. 70 сказано: «Основную массу третьего сословия составляет крестьянство», а на стр. 71—«основная часть третьего сословия—деловая торгово-промышленная буржуазия» (что же основное?).

Такая манера изложения применяется во всех лекциях данной книги и в других работах автора. «Крестьянство во Франции было более или менее однородным по своему составу» (стр. 55, Хрест., 4 изд.), а на стр. 53 это положение «более или менее» отвергается. На стр. 18 Хрестоматии сказано, что «с конца XVIII в. наступает эпоха безраздельного (?) господства буржуазии», а на стр. 223 это опровергается. На стр. 69—«сословия совпадают с основным классовым делением общества». Но если это верно для привилегированных сословий, образующих один класс землевладельцев, то принадлежность к третьему сословию (буржуа, крестьянин, рабочий) не совпадает с классовым положением. И такая формулировка о совпадении классов и сословий имеется во всех как предшествующих этой книге работах автора, так и в работах после издания книги. (См. журнал ЗКУ № 1, стр. 51).

Этими примерами (а их сколько угодно!) мы хотели только показать, что так нельзя писать учебные пособия. Такое изложение сбивает с толку читателя, путает его.

Кстати, несколько слов и о так называемом «популярном» языке автора. В вводном слове, где автор, как лектор, стремится ввести аудиторию в курс данной дисциплины, когда особенно требуется ясность и четкость, Фридлянд держит такую речь: «Мы будем иметь дело с «Западной Европой» (Слушайте!). Нет такой страны, которая называется «Западная Европа». Это произвольное (?) соединение ряда стран в одно понятие. Мы будем иметь дело с историей трех стран: Англии, Франции и Германии. Что дает нам право соединять эти страны в одно целое—Западная Европа»? (Слушайте!). Только одно—капитализм» (1-е изд., стр. 26; 2-е изд., стр. 24). А почему тогда автор «произвольно» не берет, например, Японию, Америку и на основе своего принципа соединения не называет и эти страны «Западной Европой»? Как видите, такая «популярность» изложения, гранича с вульгарностью, никуда не годится.

III. Автор дает неправильную оценку движущих сил Великой французской революции.

Авангардом третьего сословия, вождем революции автор считает деловую торгово-промышленную буржуазию (стр. 72). О крестьянстве, как движущей силе революции, автор ни слова не говорит.

«Вождь третьего сословия,—пишет автор,—деловая буржуазия будет стремиться в корне уничтожить старый общественный порядок. Ей удалось это сделать потому, что она вела за собою широкие народные массы: мелкую буржуазию, крестьянство, рабочий класс» (стр. 75). Впрочем, как правило, и это положение имеет свое частичное опровержение. На стр. 75 мы читаем: «В 1789—91 гг. власть очутилась в руках буржуазной аристократии, чтобы затем под руководством «деловой буржуазии» нация продолжала штурм старого порядка. 31 мая—

2 июня Жиронда уступила свое место Горе»... Но если после 1791 г. «нация продолжала штурм старого режима под руководством жирондистов», если жирондисты вели за собою все это время широкие народные массы, то почему этих «вождей революции» нужно было свергать? Если верно, что «деловая буржуазия являлась гегемоном революции, она руководила борьбой мелкой буржуазии городов и деревень, стояла во главе восставшего крестьянства» (не подумайте, что тут речь идет о Вандее. *М. К.)* (см. журнал ЗКУ № 2, стр. 44), что только благодаря руководству этой буржуазии удалось уничтожить старый порядок, что «эта буржуазия была наиболее революционным элементом общества» (Хрест., стр. 55),—тогда абсолютно нельзя доказать необходимость свержения жирондистов. Между прочим, в первом издании этой книги мы можем прочитать такие строки (стр. 73): «Она (французская интеллигенция), выделяемая всеми классами общества (и рабочими, и крестьянами?—это в XVIII веке-то? *М. К.)* в самом деле, являлась организатором общественной борьбы, вождем революции... играла руководящую роль». Как видите, автор здорово путается в вопросе о движущих силах французской революции. На ряду с приведенным положением о гегемонии деловой буржуазии в эпоху Великой французской революции, можно найти и противоположения: надо только поискать. В № 2 ЗКУ, на стр. 47 читаем: «Вожди Великой французской революции—мелкие буржуа». А в итоге—читатель недоумевает, жирондисты ли были «наиболее революционной силой», или мелкие буржуа, или интеллигенты.

...«Не означает ли понятие «буржуазная революция» того, что совершить ее может только буржуазия... Этот взгляд есть карикатура на марксизм. Буржуазное—по своему общественно-экономическому содержанию—освободительное движение не является таковым по его движущим силам» (Ленин, т. VIII, стр. 322).

«Великая французская революция об'ективно открывала дальнейшую дорогу капиталистическому строю, а суб'ективной классовой силой, двигавшей эту революцию, была мелкая буржуазия» (Бухарин—«Цезаризм под маской революции»).

IV. Автор неправильно оценивает историческое значение Великой французской революции.

...«Международное значение французской революции об'ясняется тем, что в XVIII в. в государствах старой Европы почти наполовину был разрушен феодальный порядок. Французская революция закончила (?) эту ликвидацию» (Хрестом., стр. 46). «Под ударами французской революционной армии, которая перешла границы республики и, начиная с государств на левом берегу Рейна, железной метлою вымела остатки феодализма с европейского континента»... (ЗКУ № 1, стр. 48). «В истории человечества не было (?) событий более крупных и более подготовленных, чем французская революция». (Хрестом., стр. 47). И как во всех других случаях, у Фридлянда всегда имеется опровержение. Действительно, в журнале ЗКУ № 2, стр. 52, мы находим следующее место: «Французская революция была грандиозным социальным переворотом, но еще более глубоко значение Октябрьской революции». А в № 3 ЗКУ читаем: «Революция 1848 г. в Европе выполняла задачи 1789 г.: она повсюду окончательно ликвидировала феодальные пережитки» (стр. 31). (Это уже вторичная ликвидация! *М. К.)*. В рецензируемой книге вопрос о международном значении французской революции обойден, поэтому нам пришлось использовать другие работы

автора. Вывод очевиден: у автора нет четкого изложения вопроса о международном значении французской революции. Совершенно неверно утверждение автора, будто Великая французская революция ликвидировала пережитки феодализма во всей Европе.

Итак, на примере Великой французской революции мы показали: 1) что во всех трудах автора нет правильного освещения вопросов революции и 2) что такое путанное изложение автором вопросов абсолютно не допустимо, тем более в учебных пособиях, посвященных рабоче-крестьянскому студенчеству. Если подобные лекции имеют, по мнению автора, то преимущество, что «они не связывают мысль и дают возможность в живой речи шире и свободнее ею оперировать» (стр. 5), то мы думаем, что такая неувязка мыслей, когда почти любое утверждение автора имеет рядом опровержение—никуда не годится. Надо вообще заметить, что язык автора, его формулировки совсем не похожи «на живую человеческую речь» и часто двусмысленны. Например: «Сущность синдикализма сводится к противопоставлению партии синдикату. Синдикат группирует по классовым экономическим интересам и отличается классовой однородностью; поэтому он выше (?) партии («Здорово» сказано! *М. К.)* и классово-устойчив». («Тезисы и планы», стр. 134). Сколько недоумения вызывает такая формулировка у читателя!

Или там же читаем: «Суть истории заключается в постепенном развитии, т.-е. постепенном правильном изменении человеческого общества» (стр. 9). ...«Что такое история?—История—наука о действиях людей, имеющих (действий или людей? *М. К.)* общественный характер». («Тезисы и планы», стр. 93, изд. 1922 г.). Не надо доказывать, что такие формулировки совершенно негодны.

Вот еще примеры:

1. «Все французское общество (значит и рабочие? *М. К.)* жило до Великой французской революции эксплоатацией французского крестьянства» (См. во всех изд. Хрестом., по 4-му изд., стр. 54).

2. «Королевская власть, как бы начала (?) революцию». (Изд. 1-е, «Ист. З. Евр., стр. 110).

3. «Жирондисты звали к войне с Европой, войне завоевательной в экономических интересах буржуазии Франции». («Тезисы и планы», 1922 г., стр. 110). А вот вам иное мнение: «Война была вызвана не только Жирондой, но и активными приготовлениями к нападению на Францию со стороны европейской коалиции и эмигрантов». («Тезисы», 1927 г., стр. 41). А в другом месте читаем: «Жирондисты желали войны, немедленно и во что бы то ни стало». (Хрестом., 4 изд., стр. 105). Война нужна была жирондистам, чтобы восстановить международный престиж страны». (Там же, стр. 105). А в рецензируемой книге (см. стр. 150) автор нападает на «кое-кого из коммунистов» (надо думать, автор имеет в виду здесь Н. Лукина. *М. К.)* и в прах разбивает все только-что приведенные его собственного произведения положения. В этой книге жирондисты—только оборонцы, они только потому кричат о войне, что необходимо «обеспечить революцию от нападения со стороны европейской коалиции» (стр. 150). Где же правда и где неправда? В учебном пособии говорится одно, а в его «дополнении»—в Хрестоматии—как раз наоборот. В действительности дело обстояло так: феодалы Европы безусловно готовили войну, но жирондисты сделали все возможное, чтобы ускорить ее начало.

4. «Виги—представители мануфактуристов (?), имеющих привилегии и право выборов». («Тезисы», 1922 г., стр. 98).

5. «Страх (?) перед пролетариатом и борьба (?) между пролетариатом и буржуазией—причина неудачи революции 1848 г. в Германии» (Хрестом., стр. 359).

6. «Франко-прусская война была со стороны Франции войной династической ее требовала императрица Евгения» (см. во всех изд. Хрест., в 4 изд., стр. 495).

7. «В наше время враги пролетариата России продолжают ошибки Коммуны 1871 г. (?), мы продолжаем ее дело, исправляя ошибки». («Тезисы», 1922 г., 152).

8. «II Интернационал об'единил исключительно (?) политические партии (а тред-юнионы? *М. К.*) отдельных государств». («Тезисы», 1922 г., стр. 153).

9. «Рабочее движение оказалось без революционных вождей и потому (?) было разбито. Это — первый исторический урок, принесенный крушением II Интернационала». (Хрестом., стр. 589).

Нет возможности перечислить все подобные рассуждения, но нет и необходимости все это опровергать, достаточно на это просто указать.

Теперь дадим общую характеристику работы Фридлянда, так как приведенных примеров достаточно, чтобы сделать оценку как по существу, так и по форме изложения.

Насколько неряшливо изложение каждой лекции, настолько небрежно подобран материал и в каждой лекции и расположен между лекциями. В особенности это заметно с 10-й лекции. 15-я лекция служит в роде затычки всех дыр изложения предыдущих и последующих лекций. И чего только не нагромождено в эту лекцию! Тут и общая характеристика эпохи (лекция называется: «От революции 1848 г. к Парижской Коммуне»), и уроки 1848 г., и Америка, и Восток, и технический прогресс, и банки, и биржи. и кредит, и социальные противоречия, и реакция, и идеология реакции, и Крымская кампания и т. д.

В этих последних лекциях (15—24) материал расположен крайне плохо и с методической стороны неудовлетворительно. Нельзя считать правильным с методической стороны слияние двух тем: «Парижская Коммуна» и «Первый Интернационал». Как пример плохого расположения материала, укажем хотя бы на то, что вопрос о франко-прусской войне затрагивается в восьми лекциях под ряд. (См. лекции — 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24). Такое повторение есть и других вопросов, например, о Прудоне, о Бланки и т. д.

Изложение вопросов каждой лекции довольно поверхностное: нет серьезного и глубокого анализа. Некоторые важнейшие вопросы—просто выпущены. (Анализ абсолютизма, международное значение В. фр. рев., вопрос о крестьянстве, как движущей силе этой революции и т. п. Ни слова нет о группе Харнея в чартистском движении, совершенно слабо освещен вопрос о социальной природе бонапартизма и т. д.). Вместо анализа, автор часто отписывается приведением груды цифр или отделывается, например, таким манером: «До появления машины не было условий для развития пром. капитализма, по той простой причине (а именно? *М. К.*), на которую нам в свое время указывал Маркс». (Стр. 40). Такое об'яснение ничего не об'ясняет.

В книге имеются и такие недочеты, которые прямо надо отнести к неряшливости автора. Диктатура якобинцев везде (см. стр. 143 и оглавление) датирована «1792—1795 гг.», что явно ошибочно. В обоих изданиях из числа шести чартистских требований пропущено требование отмены имущественного ценза. (Говорится о шести пунктах, а приводится—пять). В обоих изданиях значится: «классовая борьба и революция продолжали ткать свою нить» (стр. 258). Как всем известно, нитки не ткут, а прядут. На стр. 233, где говорится о реставрации привилегированными своих прав (1815—1830 гг.), значится: «Но они (привилегированные сословия) смогли (?) остановить капиталистическое развитие Европы... восстановлен был старый (?) абсолютистский режим». Будем считать все это «просто» «досадными опечатками». Часть таких «досадных опечаток», имевшихся в первом издании, устранена. (Например, «во Франции столько наций, сколько провинций», стр. 73). Но огромное количество подобных ляпсусов еще имеется и во втором издании.

Если сравнить эту книгу с известной книгой Н. Лукина («Нов. история Зап. Европы»), то, хотя Ц. Фридлянд и считает последнюю «лишь первой попыткой дать систематическое изложение» (кстати, Фридлянд и «Коммунистический Манифест» называет—«первой научной попыткой обоснования коммунизма и пролетарской революции», см. стр. 370), однако, эта «попытка» тов. Н. Лукина стоит несравненно выше рецензируемой книги—«продукта пяти—шести лет преподавания» и «итога педагогической работы автора». (Из «Предисловия», стр. 9—10).

Хотя Фридлянд и считает, что «Новейшая история Западной Европы» Лукина вряд ли является учебником» (стр. 7 «Тезисы и планы», 1927 г.), а Хрестоматию Ц. Фридлянда и А. Слуцкого автор называет не более и не менее, как «общепризнанным учебным пособием для комвузов» (ЗКУ № 1, стр. 49, какая авторская «скромность!» *М. К.*), мы склонны все же книгу Н. Лукина рассматривать, как единственное, пока, марксистски-выдержанное учебное пособие для вузов. (В Хрестоматии можно пользоваться только документами).

Был бы еще смысл печатать рецензируемую книгу после книги Н. Лукина, если бы в ней приводились новые факты, новые материалы, но ведь и этого нет. Было бы, например, очень ценно использовать разбросанные по разным местам в сочинениях Ленина его замечания по вопросам, входящим в курс предмета «Истории классовой борьбы» (Европа, Америка, Восток).

Ни по содержанию, ни с методической стороны книга Ц. Фридлянда не приемлема, как учебное пособие. Надо только удивляться, почему на этой книге стоит виза ГУС о допущении ее в качестве учебного пособия для вузов.

М. Князев.

«РЕВОЛЮЦИЯ И КУЛЬТУРА»—двухнедельный журнал, №№ 1, 2, 3—4 за 1927 год и 1, 2, 3—4, 5, 6, 7, 8, 9, 10 за 1928 год. Изд. газ. «Правда».

Борьба за коммунистическую культуру развертывается по всему фронту социалистического строительства, захватывая все новые и новые области нашей общественной жизни, начиная от уменья культурно работать, вплоть до уменья пользоваться носовым платком; от уменья производить до уменья потреблять. Но производят и потребляют миллионы. Следовательно, перед нами стоит задача переделки масс.

Эта переделка масс широко развернулась с первых же дней Октябрьской революции: человеческий материал интенсивно переплавлялся в огне гражданской войны. Специфическое для настоящего момента заключается в том, что мы приступаем к плановой переделке масс, как к одной из основных задач, при чем переделка эта должна итти по линии выработки сознательных строителей коммунизма.

Переделка масс будет протекать в конкретных условиях, определяющихся двумя основными моментами: необходимостью критического усвоения оставшейся нам в наследство буржуазной культуры и ожесточенной классовой борьбой против буржуазных классов.

В порядок дня поставлены с необычайной остротой задачи: изживания *культурной диспропорции* между крестьянством и пролетариатом, между пролетариатом и партией и выработки и подбора хозяйственно-технических и научных коммунистических кадров.

Поскольку у нас существуют еще громадные культурные «различия между кадром и массой» (в стране на ряду с передовыми мыслителями современного человечества почти половина населения элементарно безграмотна), поскольку культурной работой должны быть охвачены колоссальные человеческие массивы, поскольку проведение необходимейших массовых культурных мероприятий потребует больших материальных средств (для введения начального всеобщего обучения в течение пяти лет потребуется около трех миллиардов рублей),—постольку и *культурная революция будет длительной эпохой борьбы за революционную культуру масс.*

Эта длительная эпоха в каждый данный момент будет иметь *конкретные* задачи, с разрешением которых попутно будет разрешаться и *основная* задача.

Основная задача, стоящая перед культурной революцией, заключается в уничтожении различия между умственным и физическим трудом, между управляемыми и управляющими, в уничтожении самого деления на управляемых и управляющих. Одна из важнейших конкретных задач настоящего момента есть борьба с бюрократизмом. Разгромив бюрократизм, приблизив аппарат к массам, упростив его, сделав его понятным, массовым, мы разрешим и часть общей задачи.

Н. И. Бухарин в очень интересной статье «Культурные задачи и борьба с бюрократизмом» (см. № 2 рецензируемого журнала за 1927 г.), пишет: «При пролетарской диктатуре речь идет *не о взрыве*, а *о переделке*, *не* об уничтожении, а об *исправлении*, упорном и настойчивом, бесстрашном и последовательном».

Старый царский аппарат мы не считали нужным улучшать. Мы стремились его сломать до основания. Но сломав, мы вынуждены были строить частично из обломков старого, ибо пролетариат, будучи угнетенным классом, не имел своих офицеров, техников, педагогов.

Старый аппарат был орудием угнетения. Обломки старого аппарата, вошедшие в новый, принесли сюда и часть старых традиций, породивших бюрократические извращения советского аппарата.

С этими извращениями мы должны бороться путем приближения аппарата управления к массам, путем вовлечения масс в дело управления.

Мы должны исправлять аппарат путем реформ, а не путем ломки, потому что, несмотря на бюрократические извращения, это все-таки *наш* аппарат, имеющий совершенно другие задачи, задачи обслуживания потребностей масс, а не угнетения. Поэтому наш «реформизм» принципиально отличен от каутскианского реформизма. Последний призывает к улучшению аппарата капиталистического государства, служащего, как известно, орудием господства эксплоататорских классов.

Бюрократизм аппарата капиталистического государства—его сущность, бюрократизм аппарата пролетарского государства—его извращение. Это извращение питается не только остатками старого аппарата, оно имеет питательные соки в социальной неоднородности, в классах, в их распыленности и малокультурности.

«Что является *основой* бюрократии?—спрашивает Н. И. Бухарин и отвечает:— Главнейшей причиной, без сомнения, культурная отсталость, «незрелость» масс, обреченных на эту отсталость капиталистическим режимом».

Поэтому «культурная работа в борьбе с бюрократизмом... составляет прямо-таки существеннейшую часть пролетарской революции», «культурная работа» и «культурная» революция есть... необходимая предпосылка для преодоления не только бюрократизма, но и бюрократии вообще».

Одной из форм проявления мелкобуржуазной стихии является индивидуализм, или—как его называют еще иначе—мещанство. Забвение общих интересов, политическая близорукость, ползучий эмпиризм во всех жизненных проявлениях—вот характерные черты мещанства.

Тов. Костров в статье «Культура и мещанство» (№ 3—4 за 1927 г.) правильно определяет его, как «идеологию мелкого товарного производителя», отражающую противоречие между частнособственническими, кустарно-ремесленными условиями его и общественным характером его труда».

Эта мелкобуржуазная стихия нередко захлестывает даже матросов советского корабля. Революционеры-пролетарии, недостаточно подкованные и устойчивые, порой с трудом отличают черное от белого. В наших партийных рядах это мещанство оформляется под видом комчванства, нередко не замечающего, что оно плывет по течению, подгоняется враждебными классами, ими в своих интересах использовывается.

Лозунг культурной революции в глазах такого мещанина теряет свой классовый смысл, и он покорно бредет с закрытыми глазами туда, куда влечет его «неведомая сила».

В некритическом усвоении буржуазного культурного наследства, в погоне за культурой «вообще», в убогом подражании своим классовым врагам кроется опасность для современного периода.

В «Заметках о коммунистическом воспитании молодежи» (№ 7 за этот год) т. Костров высказывает опасение за судьбу нашей молодежи.

Поскольку выработка кадров будет итти в основном за счет молодежи, естественно, что враг направляет свои удары и надежды прежде всего на молодежь.

В наше время современные условия представляют немало трудностей в деле воспитания нового человека... Нам приходится воспитывать международных пролетарских революционеров в процессе будничной, кропотливой «реформистской» работы,—пишет автор.

К этому же нужно добавить, что перед нами стоит задача воспитания человека, не сталкивавшегося с противоречиями капиталистического строя, никогда не видевшего его в глаза. Это обстоятельство делает нашу молодежь особенно чуткой ко всем и всяческим извращениям.

На ряду с недовольством может вырасти не менее опасное и вредное чувство всеобщего довольства, умиротворенности, неразборчивости в средствах удовлетворения культурных потребностей.

Потеря перспективы и неуменье понять и оценить окружающие процессы,—все это может привести не к воспитанию интернационального революционера, а самого худосочного грязного мещанина.

Основное противоядие против опасности мещанского обволакивания заключается в росте социалистического сектора нашего хозяйства, в расширении и укреплении его руководящей роли, в увеличении возможности на этой основе удовлетворять насущные материальные и духовные потребности.

Статьи т. Кострова, однако, в ряде мест, недостаточно грамотны. Тов. Костров, напр., пишет: «Вторая отличительная черта нашей общественной системы заключается в том, что государственный аппарат, через который в течение столетий шли враждебные нам классовые токи высокого напряжения, поступил на службу коммунистического воспитания. *Это открывает перед нами величайшие возможности* (?), в значительной степени уже реализованные в первое десятилетие революции,

и облегчает (?) переделку человеческого материала. Но это же создает новые трудности, лежащие по линии подчинения всех звеньев нашей системы и всех культурных ресурсов страны (школы, вузы, внешкольное образование, газеты, кино, театры и т. д.) задачам действительно коммунистического воспитания».

Этот тезис в высшей степени неясен. Почему и какие «величайшие возможности» открывает перед нами указанная т. Костровым «вторая отличительная черта»? Если автор, утверждая, что государственный аппарат прошлых «столетий» «поступил на службу коммунистического воспитания», имеет в виду «расшифровать» положение Ленина о том, что пролетариату, в силу некультурности страны, не удалось сразу и не удалось еще посейчас избавиться от бюрократических извращений и рутины в госаппарате (в котором мы должны поневоле использовывать старых чиновников и т. д.),—то почему т. Костров с этими явно отрицательными факторами нашей «общественной системы» связывает какие-то особые «величайшие возможности»? Как можно говорить, что бюрократические извращения, например, «облегчают» «переделку человеческого материала» диктатурой пролетариата?!

Кроме того, нельзя не отметить, что положение о «поступлении на службу» к пролетариату классово-враждебного ему госаппарата сформулировано т. Костровым так категорично и безоговорочно, что получается впечатление, будто, по Кострову, российский пролетариат не разбил, не сломал, не разрушил помещичье-буржуазный аппарат, а бережно сохранил его для «коммунистического воспитания» и для осуществления «величайших возможностей» в деле «облегчения переделки человеческого материала» (!).

Предоставляем читателю судить, насколько рассуждения т. Кострова способны уяснить вопросы о сущности пролетарского государства и о задачах борьбы с бюрократизмом.

Другой пример теоретической путаницы. Желая подчеркнуть массовый характер социалистического строительства, т. Костров пишет: «Не в верхних прослойках, а в глубинах класса формируется новый человеческий материал». Конечно, центр тяжести культурной революции лежит в повышении культурного уровня масс. Но то противопоставление, какое делает тов. Костров, ведет лишь к неверному, метафизическому представлению о конкретном процессе формирования нового человеческого материала. Процесс этот по необходимости, в силу того культурно-исторического наследства, которое получил рабочий класса от старого порядка, принимает неравномерный характер.

В этих условиях весьма значительна роль кадров, роль передовых элементов класса, как ведущего начала в создании нового человеческого материала... На ряду с культурным под'емом масс необходимо вырабатывать свои кадры, способные противостоять враждебному влиянию, способные наступать на своих классовых противников, способные воспитывать нового человека, способные вести массы вперед по пути культурной революции.

В интересной статье «Романтика будней» т. Я. Ильин поднимает вопрос о необходимости рационализации быта.

Если до сих пор существуют об'ективные условия для произрастания бытовых неурядиц: недостаточность и неудовлетворительность массовой культурной работы, отсутствие хороших уютных клубов, жилищная нужда—то это обстоятельство тем более накладывает на нас обязанность как можно рациональнее использовать то, что у нас имеется.

Автор в этой статье, ударившись в бытовизм, смазал, однако, основную задачу в отношении переделки масс: переделки их в первую голову как участников производственного процесса.

Для того, чтобы человеку стало стыдно перед товарищами за прогул, для того, чтобы рабочий понимал, как унижает достоинство строителя социализма пьянство, для того, чтобы показать и осознать всю пакость рукоприкладства, которое еще наблюдается в нашем семейном быту, для этого нужно проделать громадную воспитательную работу, нужно этой работой охватить все стороны быта пролетария «от гудка до гудка».

Нужно воспитывать одновременно не только сознательного потребителя, но и социалистического строителя. И здесь перед нами стоит громаднейшая задача борьбы со старыми навыками, рабскими привычками. Давно известно, что сила привычки громадна. Нужно эту громадную силу переключить на дело строительства социализма, нужно создать социалистические навыки. Для того, чтобы эту силу заставить работать на себя, нужно сделать так, чтобы человек понимал, какая громадная ответственность лежит на каждом участнике социалистического строительства.

У нас еще далеко не убили рабскую «привычку» верить. Религия—злейший враг научного коммунизма—не только не умирает, но еще кое-где пытается наступать. При этом оживление деятельности религиозных организаций до самого последнего времени облегчалось нашим полупассивным отношением, определявшимся формулой «свободы совести».

А. Малецкий в интересной статье «Социал-демократия и религия» показал на анализе идеолоогии «левого» крыла немецкой социал-демократии—бауэровщины, как «свобода совести» привела социал-демократию к полнейшей беспринципности и расширила ее социальную базу вплоть до католических попов. Известно, что глава австрийского правительства является в одно и то же время служителем бога и членом социал-демократической партии, именующей себя рабочей.

Тов. Малецкий пишет: «Религия—дело частное»—является еще буржуазным положением»... «У Маркса, Энгельса и Ленина это значит, что эта формула пригодна только для буржуазного государства».

Французская буржуазия в XVIII веке, Кемаль-паша в наши дни, отделяя церковь от государства, также делают религию «частным делом». Но для буржуазии это не принцип, а только политика, средство борьбы с реакционным помещичьим классом.

Кемаль-паша, как и французская буржуазия, не хочет уничтожения религии, ибо это не в его интересах. Он хочет только приспособления ее к нуждам и потребностям турецкой буржуазии.

Как же должно вести себя по отношению к религии пролетарское государство? Двух ответов на этот вопрос быть не может: пролетарское государство должно на религию вести форсированное наступление, как на элемент идеологии побежденного, но еще не разбитого окончательно класса.

А в наши дни об этом кое-где и кое-кто забывает. Так, например, еще в прошлом году в пасху одна из школ коммунизма—Рабис не считал зазорным давать путевки артистам для работы в... церквах, оправдывая это тем, что нельзя запретить члену союза заработать, если представляется к тому возможность. И члены союза «украшали» церковные хоры, способствуя процветанию церкви.

Еще до сих пор кое-где считается дискутабельным вопрос, какое необходимо проводить воспитание в низшей школе—безрелигиозное или антирелигиозное. Многие стоят за принцип «свободного» воспитания детей. И это делается в то время, как наши классовые враги, действуя через семью и не умершую еще церковь, активно стремятся к религиозному воспитанию детей. (См. статью Олещука «За антирелигиозное воспитание в школе», № 10, 1928 г.).

Все эти факты подтверждают мысль, что в классовой борьбе лучшее средство защиты—наступление.

В журнале развернулась горячая дискуссия по вопросам определения путей изобразительного искусства (№№ 2, 3—4 и 6 за 1928 г.). В детальный разбор этой дискуссии мы здесь входить не можем.

В статье «Ухабы на кино-фронте» (№ 3—4) Р. Пикель совершенно правильно отметил, что «На кино-фронте у нас почти совершенно нет марксистской критики». Это обстоятельство приводит к тому, что наши критики нередко высказывают только свою личную точку зрения. И нередко картины получали столько различных оценок, что потребитель разводил только руками.

Нельзя пройти мимо статьи тов. Луначарского, приуроченной к юбилею Горького (см. № 5 «О художественном творчестве и о Горьком»).

В указанной статье, от которой редакция журнала была вынуждена отмежеваться, тов. Луначарский пишет:

«Можно установить почти как закон, что немногосложные писательские фигуры, писатели, вылитые как бы из единого куска, менее интересны и поучительны, чем такие, в которых конфликты и противоречия их времени сказываются с особой выразительностью».

И дальше: «Конечно, Горький мог бы совсем не сочувствовать философским и политическим ересям и все-таки остался бы тем Горьким, которого мы все знаем».

Против этого можно было бы не спорить. Конечно, сложное явление богаче, интереснее примитива. Это же почти тавтология. Согласны мы и с тем, что Горький, как художник, не потерял бы ничего, если бы одно время не занимался богоискательством.

Но, оказывается, все это только «прелюдия». Оказывается (и это всего через две страницы от цитированного), «если бы Горький был прозрачным, стопроцентным выразителем рабочего класса, он, как художник, сделал бы гораздо меньше ошибок, принес бы нам из той пучины, в которую он погружается для своего творчества, меньше шлаков, но, вероятно, он принес бы и *м е н е е* (курсив наш. *А. К.*) даров».

Здесь т. Луначарский (говоря без обиняков) хочет бочком протащить оправдание своему собственному грешку.

Да он этого «почти» и не скрывает. На следующей странице черным по белому написано:

«Разве один только Горький ошибался, разве тяжелых ошибок не наделали очень и очень многие интеллигентские вожди пролетариата?» Довольно ясно. Но, тов. Луначарский, при чем же здесь цельность художника? Ведь у Горького как раз наиболее слабые художественные произведения именно те, где у него «неудачливый философ» теснит художника!

Мы остановились на некоторых острых вопросах, поставленных журналом. Здесь нет возможности и нужды давать обзор всему материалу, помещенному в 12 вышедших номерах. Достаточно упомянуть, что в журнале были напечатаны очень содержательные и глубокие статьи Бухарина «О старинных традициях и современном культурном строительстве» (№ 1, 1928 г.), Деборина (№ 4 «Марксизм и культура», № 2 «Октябрь и диалектический материализм»), Асмуса (№ 3—4 «Марксизм и культурная традиция»), Ярославского (№ 5 «Антирелигиозная пропаганда и культурная революция») и многие другие.

Журнал проявлял, пожалуй, большую «воинственность» в вопросах философии.

Помещение статей типа статьи Подволоцкого (идейный исходный пункт которой мы отнюдь не считаем неправильным) представляется нам в «Революции и Культуре» ненужным. Таким статьям место в других более специальных журналах.

Журнал пока имеет еще краткую историю, но и за этот период времени он проявил уже довольно отчетливую тенденцию к улучшению.

Если первые номера журнала относительно заполнены отвлеченным материалом, то в дальнейшем журнал уже не только скользит по физиономии врага, но дает место материалу, в котором этот враг пристально изучается.

Тов. Бухарин на VIII с'езде комсомола совершенно правильно выразился, что «Обострение классовой борьбы..., вызванное наступлением пролетариата, уже в достаточной степени расшифровало этого классового... врага. «Но для того, чтобы его победить, его мало видеть, его надо изучить». Ведь для многих сообщение о том, что сектантство об'единяет почти столько же молодежи, сколько и комсомол, явилось «неожиданностью».

С этой точки зрения, с точки зрения изучения врага, нельзя не отметить, как положительное явление, статьи: Столярова «Культурное лицо ученой реакции», Теляковского «Современное сектантство», Дейчмана — «Алкоголизм и социалистическое строительство», Залкинда «Культурная революция и вопросы педологии», Аникста «Перспективы культурного развития», Зорина «Красная армия, как культурный фактор», Вигалока «Больше внимания кадрам культурной революции (об учительстве)», Сапожникова «О научных работниках-коммунистах» и мн. другие.

Журналу необходимо в гораздо большей мере, нежели это делалось до сих пор, уделять внимание вопросам быта.

Как положительные качества журнала нужно отметить хорошо поставленную хронику из жизни научных учреждений и регулярные обзоры иностранной культурной жизни.

Нужно приветствовать всячески иллюстрирование журнала: это очень оживляет его.

В заключение необходимо признать, что для такого боевого журнала, каким должен быть именинник переживаемой эпохи—журнал «Революция и Культура», 15-тысячный тираж ни в коем случае не может быть признан достаточным.

Культурная революция разбудит от полуспячки к сознательной жизни миллионы. Для того, чтобы эти миллионы вывести на широкую дорогу коммунистической культуры, необходимо выковать стотысячные кадры маленьких и больших культурников.

Журнал должен стать поистине массовым для того, чтобы выполнить обещание, данное редакцией в предисловии к первому номеру.

Журнал доступен по цене (50 коп. за 5 печатных листов). И его можно горячо рекомендовать партийному, беспартийному и комсомольскому активу, деревенским культурным силам—учителям, агрономам и врачам.

В борьбе с классовым врагом на третьем фронте, он будет им лучшим помощником.

А. Костицын.

Письмо в редакцию „Большевика".

Уважаемые товарищи!

В «Большевике» № 7 1928 г. напечатана статья т. Лебедя «Внимание идеологическому фронту», подвергающая критике статью Волобуева «До проблеми української економіки», помещенную в «Більшовик України», № 2, 3. Не касаясь существа статьи т. Лебедя (подробному рассмотрению этой статьи мы уделим внимание на страницах «Більш. України»), мы этим письмом в редакцию хотим только рассеять то неправильное впечатление, какое может создаться у читателя «Большевика». Тов. Лебедь ни разу на протяжении всей своей статьи не говорит о том, что статья Волобуева была помещена на страницах «Більш. Укр.» в дискуссионном порядке, как будто бы пытаясь скрыть от читателя этот факт. Это—во-первых. Во-вторых, т. Лебедь также не указывает, какой жесточайшей критике была подвергнута статья Волобуева на страницах «Більш. Укр.». У читателя «Большевика» может создаться впечатление, что ни «Більш. України», где была помещена статья Волобуева, ни ЦК КП(б)У никакой борьбы со взглядами Волобуева не ведут и т. Лебедь первый заметил и первый выступил против этого шовинистического уклона. Это неправильно. Еще на X с'езде КП(б)У т. Каганович о статье Волобуева говорил:

«Чувствуется, что он, Волобуев, находится в плену буржуазной идеологии, буржуазно-национальной экспансии, что он теряет совсем классовое пролетарское лицо». («Два года», стр. 94).

В № 2, 3 «Більш. Укр.» была напечатана статья т. Речицкого «До проблеми ліквідації пережитків колоніяльности та націоналізму» (ответ Волобуеву), подвергшая обстоятельной и всесторонней критике взгляды Волобуева. На эту статью ссылается т. Лебедь, но снова ни слова не говорит, что она направлена против Волобуева. В № 4 «Більш. Укр.» в передовой статье о взглядах Волобуева было сказано:

«Волобуев в своей статье «К проблеме украинской экономики» дает экономическое обоснование хвылевизму-шумскизму, дает обоснование их теории борьбы двух культур, которую в свое время провозгласил т. Лебедь в великодержавно-русской интерпретации; фактически обосновывает необходимость выйти Украине из Союза, обосновывает теорию замкнутого хозяйства, критикует экономическую политику партии с точки зрения национального вопроса, проповедует теорию борьбы двух экономик. Взгляды Волобуева целиком и полностью помогают националистической контрреволюции, льют воду на мельницу буржуазии, помогают ей в ее борьбе против УССР и СССР».

«Більш. Укр.» № 6 почти целиком посвящен критике волобуевских взглядов (см. ст. ст.: Е. Гирчак «Платформа украинского национализма»; М. Скрыпник «По поводу экономической платформы украинского национализма»; Перчик «Новейшая «теория» советской экономики»). Во всех этих статьях волобуевские взгляды подвергались гораздо более беспощадной и жестокой критике, чем это делает т. Лебедь. Там эти взгляды квалифи-

цировались, как антисоветские, антикоммунистические, антипартийные. Об этом бы следовало т. Лебедю, для соблюдения элементарной об'ективности, все-таки упомянуть. «Більш. Укр.», орган ЦК КП(б)У, отражающий и проводящий его политику, вел, ведет и будет вести беспощадную борьбу со всякими уклонами в национальном вопросе, как с великодержавно-русским, так и с украинским шовинизмом (см. статьи против Шумского, Хвылевого, Волобуева, Ларина, Зиновьева, Ваганяна, против раскольников КПЗУ). Не даром же ренегаты и изменники пролетарского фронта Западной Украины (Васильков-Турянский) так яростно нападают на наш журнал. И — третье. Тов. Лебедь пишет: «Нам кажется неверным печатание таких статей в коммунистической печати». («Большевик» № 7, 1928 г., стр. 87). Ничего ошибочного со стороны редакции «Більшов. Укр.» нет в том, что мы напечатали статью Волобуева и подвергли ее уничтожающей критике, так же, как нет ничего ошибочного и в том, что редакция «Большевика» напечатала аналогичную статью Садвокасова («Большевик» № 1, 1928 г.). Борьбой против украинского национализма воспитываем партию, в особенности молодое ее поколение, прививаем правильное ленинское понимание национальной политики и закаляем ее в борьбе со всяческими националистическими уклонами.

Тов. Лебедь в своей статье заявляет, что он неоднократно отказывался от своей теории борьбы двух культур (а не двух культур, как он иногда пишет), как явно ошибочной (стр. 87). Ни редакция «Більш. Укр.», ни ЦК КП(б)У, ни вся украинская большевистская организация не знают, где, когда (печатно), в каком органе т. Лебедь осудил свою теорию борьбы двух культур. Вот почему мы, в том числе и т. Любченко, имели все основания подвергать беспощадной критике явно ошибочную теорию борьбы двух культур, автором которой на Украине является т. Лебедь, а его интерпретатором в украинско-шовинистической модификации — тов. Хвылевой, сейчас отказавшийся от этой теории. Утверждение т. Лебедя, что «руссификаторские пережитки на Украине непосредственной угрозы не представляют», является явно ошибочным, идущим вразрез и ревизующим решения XII с'езда и политику КП(б)У в национальном вопросе. Критике взглядов т. Лебедя будет посвящена статья т. Скрыпника в «Більш. Укр.» № 9—10 (май).

С ком. приветом по поручению редакции «Б. У.»

ГИРЧАК.

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.